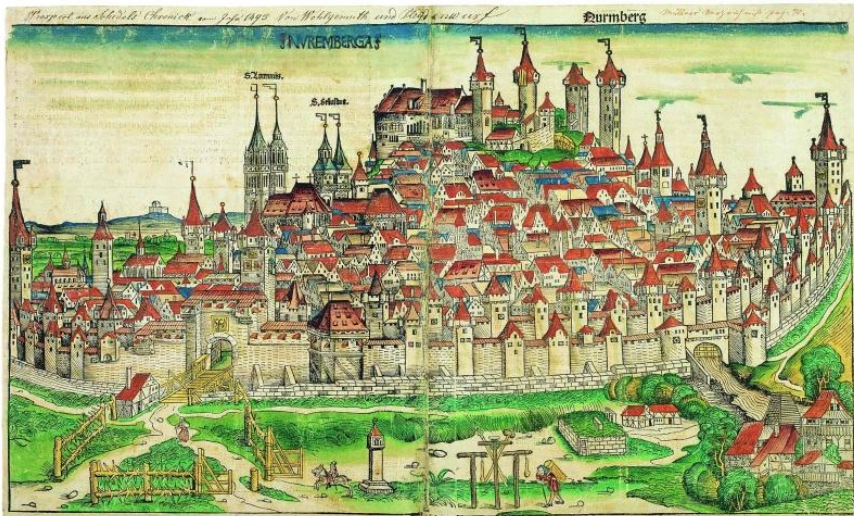

<https://forum.vary.ru/viewtopic.php?t=8725&postdays=0&postorder=asc&start=0>

О Нюрнберге с любовью.

Предлагаю вашему вниманию книгу о бывшем имперском городе Священной Римской империи Германской нации, где в Средние века пересекались семь крупнейших торговых маршрутов Европы. Это был город европейских знаменитостей - художников, скульпторов, астрономов, гуманистов, златокузнецов, ремесленников, поэтов, издателей. В эпоху Романтизма Нюрнберг обрёл славу самого немецкого из всех немецких городов.

Нюрнберг. 1493 год. Всемирная хроника Шеделя.

Гости, приезжая в этот чудный и уютный город, независимо от того, откуда они, всегда хотят увидеть то место, «где он стоял». Сделав город колыбелью фашизма, Гитлер как будто навеки облил его несмываемыми помоями. Все знают: Нюрнберг - город Нюрнбергских процессов. Слава средневекового города забыта, его имидж измаран этими съездами, Гитлером и сумасшедшими, которые защищались до своей гибели и гибели этой «шкатулки драгоценностей», как раньше называли Нюрнберг. Сейчас Старый город в общих чертах выглядит почти таким, каким он был 500 лет назад – крепость, шпили главных церквей, башенки ратуши, крутые черепичные крыши, крепостная стена длиной в пять километров. Здания восстановлены в традиционном масштабе и материале, при этом в основном сохранён план улиц средневекового Нюрнберга.

Так случилось, что этот город с достойной, почти тысячелетней историей был выбран Гитлером в качестве кулис для проведения партийных съездов. Сыграли роль слава средневекового имперского города, его сохранившийся готический облик и якобы обнаруженные здесь советниками фюрера мистические силы.

И за это город партийных съездов поплатился. Двадцатого апреля 1945 года, когда американцы заняли Старый город, он уже не был городом. Это была груда развалин в окружении крепостной стены. По степени разрушений в войне Нюрнберг стоял на втором месте в Германии, сразу за Дрезденом. Погибло около 95% исторических зданий. Но по количеству потерянных человеческих жизней Нюрнберг оказался на последнем месте. Горожане прятались в подземельях Старого города. В этих же подземельях во время войны хранились заблаговременно помещённые туда исторические ценности, сбережённые, как говорят, на 95%.

Я приехала сюда почти 15 лет назад, не очень понимая, куда приехала. Работа в совершенно новой среде и борьба с языком меня поглотили полностью. Только через несколько лет, оказавшись на пенсии, я оглянулась и заметила, наконец, город. Погружаясь всё глубже и глубже в историю и истории Нюрнберга, я всё больше и больше влюблялась в него. Мне понадобилось семь лет, чтобы подобрать материал и дожидаться своей удачи – встретить того, кто готов был оплатить печать. Книгу я сделала такой, какой мне хотелось её сделать. Поэтому не обессудьте. Единственным специалистом, участвовавшим в работе, была моя подруга-редактор. Возможно, в моей истории тоже не обошлось без мистических сил, обитающих здесь. Кто-то помог мне.

«Нюрнберг и нюрнбержцы» продаётся в Нюрнберге в двух книжных «лавках»:

1. **«Лавка Дюрера»** – точно напротив входа в музей Дюрера, через дорогу.
2. Книжная и сувенирная лавка при **Германском национальном музее**. Здесь, к сожалению, надо спрашивать у продавца, так как они чаще книгу ставят просто на полку, а не на витрину.
3. **И в магазине** на Главной рыночной площади **«Korn und Berg»**, под разными именами существующий в этом доме, на этой площади, уже 500 лет.

В Москве эту книгу можно купить в книжных магазинах:

1. **«Москва»** на Тверской улице,
2. **Московский Дом Книги** ул. Новый Арбат, д. 8
3. **Интернет-магазин** <http://mdk-arbat.ru/book/22409>

Я попробую с разрешения ведущих этого Форума кое-что рассказать о Нюрнберге. Если кто-то из историков меня поправит, буду только рада.

Начну с империи и имперских сокровищ. Римская империя, вторая после античной, в Средние века представляла собой государственное образование, объединявшее разрозненные немецкие княжества, епископства, марки (пограничные княжества) и имперские города центральной Европы, то есть осколки настоящей Римской империи. С XV века она носила имя Священная Римская империя германской нации. По преданию (толкование сна пророка Даниила) после распада четвёртой империи наступит апокалипсис. Римская империя к тому времени была четвёртой после уже распавшихся империй Александра Великого, Ассирийско-Вавилонской и Персидской. Поэтому, чтобы оттянуть апокалипсис, несколько последующих германских государств называли себя Римскими – империя Бисмарка (Второй рейх) и Третий рейх, которую создавал Гитлер в XX веке.

Статус имперского города Нюрнберг приобрёл в XIII веке. Это означало, что он подчинялся только императору. Глава империи, император или король, не имел постоянной резиденции и разъезжал со свитой по своим владениям, останавливаясь в замках, имперских замках. Вокруг этих замков обычно вырастали города, окружённые крепостными стенами и получавшие статус имперских. В отсутствие императора в замках и городах при них правили наместники.

Каждый император, начиная с Карла Великого, имел некоторый набор символов власти, так называемых имперских сокровищ. Они включали в себя императорские регалии и священные имперские реликвии. Самой ценной из первой группы считалась корона (X в.), в которой короновался кайзер Отто II. Позже к собранию добавились коронационная мантия, держава, скипетр, императорский меч и меч для церемоний. Вторая группа – священные реликвии, вывезенные из Иерусалима императором Карлом Великим. Старейшей и ценнейшей святыней считалось Святое копьё, или копьё Лонгина, прервавшее мучения Спасителя на кресте.

Эта коллекция переходила от властелина к властелину, и каждый из них пополнял её. Карл IV, император Римской империи и король Богемии, построил в Карлштайне под Прагой замок для хранения этих сокровищ. Весной 1423 г. кайзер Сигизмунд, сын Карла IV, спасая сокровища от гуситов, распорядился отправить их в Нюрнберг «на вечное хранение». Сокровища были доставлены в Нюрнберг в тщательно замаскированной повозке рыбного обоза, запах которого мог отпугнуть кого угодно. По поводу прибытия святынь в городе был объявлен праздник, и это был праздник для всего народа – от аристократов до мелких торговцев и подмастерьев. Чтобы не омрачить праздничный день неприятными впечатлениями, с виселиц перед воротами Frauentor были сняты тела повешенных, обычно подолгу устрашающе болтавшиеся у въезда в город. Заключённые тюрем, даже опасные преступники, были помилованы и отпущены на свободу. Несколько часов звонили колокола церквей, толпы празднично одетых горожан заполнили площади и улицы. Процессия, состоявшая из членов Городского совета, духовенства и – на почтительном расстоянии – бесконечной массы горожан, потянулась к крепостным воротам Frauentor, через которые в город вошёл хорошо охраняемый кортеж.

Ларь с имперскими сокровищами повесили на длинной цепи под сводом хора в церкви Госпиталя Св. Духа. Впоследствии они очень редко вывозились за пределы городской крепостной стены, разве что для использования в процессиях коронации.

До начала Реформации один раз в году, во вторую пятницу после Пасхи (День Святого Копья, учреждённый Папой по просьбе Карла IV), их показывали народу. Обстановка в городе в эти дни была такой, как будто он находился в осаде. Сторожевые у городских ворот несли службу особенно тщательно, на башнях выставялись наблюдатели. На Главной рыночной площади рядом с «Прекрасным колодецем» возводился высокий многоярусный помост с шатровой крышей, строго охраняемый. Этот помост, «Прекрасный колодець» и все важные строения на площади защищались оградой. С верхнего яруса помоста, где находились представители Городского совета и духовенство, глашатай зачитывал по списку сокровища, объясняя их происхождение и назначение. Обычно на этот показ собиралось много народу, считалось, что святые обладают магическими свойствами и исцеляют от болезней.

Когда в 1796 г. революционные французские войска приблизились к Нюрнбергу, драгоценные символы императорской власти под строгим секретом вывезли сначала в Регенсбург, а в 1800 году - в Вену. По пути некоторые из предметов пропали, в частности, две армиллы (наплечник, знак королевской власти), они до сих пор не найдены. Осталось только их изображение (нюрнбергский художник Дельсенбах).

Армилл, как стало ясно в XIX веке, было всего четыре. Две в разное время были найдены ... на территории России. Обе нашли своё пристанище. Одна - в Лувре, вторая - в Германском национальном музее в Нюрнберге (стр. 31 этого текста).

Итак, сокровища Германской империи, просуществовавшей почти 1000 лет, оказались в Австро-Венгрии. После 1806 года, когда Нюрнберг потерял свою самостоятельность и попал в состав Баварского королевства, городские власти пытались вернуть принадлежавшее им «навечно» по праву, но империя уже не существовала, и её символы остались только символами.

По легенде в Вене Гитлер подолгу стоял у витрины с копьём Лонгина. Считалось – кто владеет копьём, тот владеет миром. Вскоре после присоединения Австрии (её в Германии называли «Восточной маркой», восточной окраиной империи) по распоряжению фюрера имперские святые были возвращены в Нюрнберг. На самом деле распоряжение фюрера последовало только после нескольких настоятельных просьб обер-бургомистра Нюрнберга Либеля, стремящегося восстановить, так сказать, справедливость и вернуть Нюрнбергу его былую славу. В 1939 г. сокровища, как и все исторические ценности Нюрнберга, поместили в бункер под скалой, на которой стоит крепость. В один из последних мартовских дней 1945 г. Либель в присутствии трёх важных городских чиновников (среди них был глава строительного управления Шмайснер) взял из кунстбункера важнейшие имперские реликвии и в запаянных медных сосудах замуровал их в бункер под площадью Paniersplatz. При этом компания инсценировала якобы вывоз части сокровищ в неизвестном направлении.

20 апреля 1945 года, в день рождения Гитлера, город был взят американцами. Открыли бункер, но важнейших предметов-символов Германской империи там не нашли. Началось следствие. Либель погиб. Один из подозреваемых Хайнц Шмайснер, главный архитектор города, последние 10 лет занимавшийся строительством бункеров (городские власти начали заботиться о защите города от воздушных налётов с 1935 года!), был взят под стражу. Только в августе Шмайснер согласился открыть месторасположения тайника, но при одном условии – американцы не должны забрать себе святые германской нации в качестве трофея. Оставить их на немецкой земле после всего того, что произошло, было просто невозможно. И ценности отправили опять в Австрию, в замок Хофбург (Вена). Там они хранятся и сейчас. Под каждым из экспонатов можно прочесть – Нюрнберг, Нюрнберг, Нюрнберг, имя города, куда сокровища были отправлены «навечно» и где они хранились 370 лет.

Ходят упорные слухи, что копьё Лонгина американцы всё-таки забрали себе, а в Австрию отправили копию. Поэтому они теперь правят миром.

В Нюрнберге остался только ларь, хранящийся в Германском национальном музее. В начале XX века были изготовлены копии короны, скипетра и державы. В настоящее время в музее замка выставлены эти три предмета, обещали к ним добавить и копию копья Лонгина.

Теперь к Старому городу. Смотрим карту.

На плане видим ромб. Это средневековая стена. Она, практически, выглядит так, какой она была построена ко Второй маркграфской войне (ок. 1540). В левом верхнем углу замок, его защищают мощные бастионы в виде кленового листа, возведённые по проекту итальянского инженера фортификационных укреплений Антонио Фаццини.

По углам ромба стоят круглые башни, напоминающие пивные кружки. В городе тогда шутили - кружки, чтобы выпить за здоровье князя Ансбахского (маркграфа Бранденбургского), главного врага нюрнбержцев. Сто лет назад его, наместника императора, город вытеснил со скалы. Окончилось всё войной, Первой маркграфской войной. Стена была возведена в преддверии войны с потомками бывшего наместника. Каждая из башен прячет более раннюю прямоугольную. Ось круглой башни не совпадает с осью прямоугольной, она смещена в сторону города. Внутреннее пространство засыпано камнями. Таким образом, с внешней стороны они вообще непробиваемы. Хотя со всех других также. Во время Второй мировой войны в этих башнях были оборудованы многоэтажные бомбоубежища, очень надёжные. Все они устояли.

Вниз от замка до реки простирается город Себальда. Это северная часть города, более старая, более историческая, наименее повреждённая в войне и наиболее восстановленная. Река делит город пополам, течёт справа налево, то есть с востока на запад. Называется Пегнитц, километров через 10 на западе сливается с такой же по параметрам рекой Реднитц, в результате образованная речка Регнитц течёт далее через Бамберг и впадает в Майн. А Майн – в Рейн. У названий этих трёх рек – корни славянские. На восточной окраине Нюрнберга (не путать со Старым городом) стоит памятный столб – граница с Богемией, относится он ко времени Карла IV.

По реке в конце экскурсии надо пройти обязательно. Очень живописна со всеми своими мостами. В бомбёжках устояли все мосты и памятники. На всех послевоенных снимках среди руин видны неповреждённые памятники Дюреру, Мартину Бехайму, конный памятник императору Вильгельму I, на разглаженной (после вывоза всех остатков разрушенных зданий) восточной части города Себальда восседал на своём стуле одинокий Ганс Сакс. Эта часть восстанавливалась в последнюю очередь и превратилась в огромное поле, заросшее дикими травами с протоптанными на нём тропинками, и называлась Себальдовской степью.

К югу от реки – город Лоренца, южная часть города, деловая, наиболее разрушенная в войне и очень быстро и просто восстановленная. В 1951 году, когда восстановление начали со строительства огромной стеклянной коробки «Kaufhof» около церкви Святого Лоренца, горожане возмутились и объединились в союз «Друзей Старого города», существующий и поныне. О нём расскажу позже. Но Kaufhof построили, вы его сразу узнаете по бело-зелёным полотнищам на фасаде. И много чего ещё понастроили страшного и не нюрнбергского.

Каждая из этих частей Старого города имеет свою церковь, вокруг которой и росли поначалу поселения, при Карле IV объединённые в один город с торговой площадью в его центре – бывшим еврейским поселением. Это поселение было снесено, синагога сожжена, погибло около пятисот человек, но освободили место для площади и церкви Девы Марии. Если в центре немецкого города стоит церковь Девы Марии, скорее всего, она стоит на месте снесённой синагоги. Ветхий завет сменён Новым заветом.

Теперь рассмотрим два варианта экскурсии – от замка сверху и от вокзала, который находится у правого нижнего угла ромба. Чтобы с группой обойти главное в Старом городе с посещением трёх церквей – св. Себальда, св. Лоренца и церкви Девы Марии на Главной торговой площади, у меня уходит 3-4 часа, в зависимости от кондиции экскурсантов.

Если заходим от вокзала.

Церковь Св. Лоренца (Лаврентия). Обратите внимание на западный фасад с ажурной французской розой. Вокруг этой розы внутри церкви встроен орган. Обязательно посмотрите на неё, розу, изнутри, это мозаичное окно. В церкви три органа. Церковь потрясающая – просто музей сакрального искусства. Не удивляйтесь, что не католическая церковь так оформлена. В ней 13 алтарей. Это алтари из разрушенных церквей. Горожане приняли протестанство в 1526 году только с одним условием – не уничтожать то, что было создано их предками. Здесь в хоре висит резной венок из липового дерева «Благовещение» мастера Файта Штосса. Ему почти 500 лет, заказал его нюрнбергский аристократ Тухер, его семья до сих пор оплачивает реставрацию венка. Рассмотрите сакраментхаус – ажурная башенка у пилона хора для Дарохранительницы. Автор - нюрнбергский скульптор Адам Крафт. И о Штоссе, и о Крафте можно много рассказать, но почитаете. Они были замечательно талантливыми мастерами. Здесь же Распятие – работа Штосса. Витражи - настоящие, старые, очень старые, снимались и хранились в бункере во время войны. Центральное окно хора в церкви всегда называлось Кайзеровским. Там стоит алтарь, ретабло которого, может быть, впервые имеет не золотую основу, а пейзаж. И этот пейзаж не что иное, как первое изображение Нюрнберга (1482). Очень хорошо виден замок, обе церкви, и Белая башня (Weiser Turm), которая раньше была угловой башней города Лоренца, ещё до соединения городов. Она белая, оштукатуренная, поэтому заметна.

Напротив церкви – дом-башня Нассауэрхаус, редкость для этих мест, такие башни можно встретить только южнее Регенсбурга. Дом известен благодаря легенде об императоре Сигизмунде, который имперскую (!) корону заложил у владельца это дома. Был он очень легкомысленным императором, хотя и сыном Карла IV, почти Великого.

Далее вниз к реке и направо по левому берегу до Сенного моста (Neubruecke), потом до башни-тюрьмы (рисунок пером на обложке моей книги был сделан мошенником, сидевшим в этой башне) и во двор Госпиталя Святого Духа. Здесь посидеть, передохнуть, прислушаться к Духу, почувствовать его. Почти семьсот лет тут помогают больным и престарелым. Не восстановленная церковь – незаживающая рана горожан, здесь 370 лет хранились имперские сокровища. *Я никогда не знаю, как писать частицу «не» - вместе или отдельно. Простите.*

А теперь прямиком на Главную торговую площадь.

Если Вы имеете в виду то, что называется Кунстбункером, то после войны почти всё, хранившееся там, вернулось на свои места. Сейчас проводят экскурсию по этому подвалу. Там ничего нет, кроме фотографий - что где было и фотографий трёх членов Городского совета, благодаря которым был построен этот бункер со специальным оснащением - аппаратура, регулировавшая соответствующую температуру и влажность в помещениях. Дело в том, что сохранение произведений искусства стояло на последнем месте в плане подготовки к защите от воздушного нападения. Бункер оснастили эти трое - главный архитектор Шмайсер, глава ведомства, отвечающего за воздушную оборону, и глава ведомства защиты исторических памятников. Все трое потом после отсидки принимали деятельное участие в восстановлении города.

В бункер привезли фонтан Нептун после взятия Петергофа, его фигуры были куплены Павлом Первым у Нюрнберга. Там же хранился позднеготический резной алтарь, привезённый из церкви Девы Марии в Кракове. Автор Файт Штосс.

Одиссея фонтана «Нептун»

Кроме церкви Св. Эгидия, о времени Барокко в Нюрнберге напоминает фонтан «Нептун», сто лет назад украшавший Главную рыночную площадь, а ныне находящийся в Городском парке, в северной части города. Стиль Барокко завладел Европой после окончания Тридцатилетней войны, когда её большие города уже имели пышные фонтаны. Только Нюрнберг не обладал ничем подобным, и Городской совет, несмотря на тяжелейшее финансовое положение, решил в честь окончания этой страшной и долгой войны выделить колоссальную по тем временам сумму (22 тысячи гульденов) для создания фонтана. Его предполагалось установить на Главной рыночной площади. Авторами проекта были скульптор Георг Швайгер и мастер бронзового литья Христоф Риттер. В качестве материала использовались отслужившие свой век орудия из арсенала. Это было символично – превратить орудия войны в памятник миру. У основания высокого постамента с величественным Нептуном высотой 2,5 метра на фигурах дельфинов и морских драконов должны были резвиться тритоны, а на тумбах – гордо восседать огромные, выше человеческого роста nereиды. На морских конях (не коньках!) – всадники. Но всему этому великолепию не суждено было в то время красоваться на Городской рыночной площади Нюрнберга. Затраты, необходимые для ввода фонтана в действие, казна города уже была не в состоянии выдержать. Поэтому все части готового фонтана сложили в подвал Городского департамента по строительству. За небольшую плату интересующиеся, в основном гости города, могли осмотреть великолепные бронзовые фигуры, покрытые пылью. «Самый роскошный струйный фонтан во всей Германии», – писал о нём фон Блэнвиль в своих заметках. Иоахим фон Сандрарт отдал ему должное в своей «Немецкой Академии искусств». Он считался самым красивым фонтаном севернее Альп.

Продолжая испытывать нужду в средствах во второй половине XVIII в., власти города пытались продать кому-то это сооружение, ставшее уже знаменитым в Европе. Среди потенциальных покупателей были Екатерина Великая, король Франции, один польский князь и король Пруссии, но запрошенная сумма была слишком велика. Наконец, в 1796 году из Петербурга пришло сообщение – Павел I, только что вступивший на русский престол после смерти своей матери, готов купить фигуры знаменитого фонтана. Через год груз был упакован и доставлен в гавань Любека за счёт царской казны. Затем был перевезён в Санкт-Петербург на корабле. Многофигурная композиция «Нептун» после реконструкции вписалась в художественный облик Петергофского дворца. Выглядит она совсем не так, как замышлялась авторами. Фигуры поставлены в широкую чашу на некотором расстоянии от фигуры Нептуна, а постамент с властелином моря слишком низок.

Во время Второй мировой войны гитлеровцы, захватив Петергоф, обнаружили этот фонтан, между прочим, не спрятанный, как все остальные фонтаны, а стоявший под обстрелом с двух сторон. Фонтан был разобран и отправлен в Нюрнберг. Вместе с остальными ценностями города он благополучно пережил тяжёлое военное время в кунстбункере под скалой. После окончания войны ящики с частями фонтана американцы передали в руки их владельцев, и в декабре 1947 г. скульптурная группа была вновь доставлена в Петергоф. В 1956 г. фонтан, смонтированный на прежнем месте, был введён в действие

В Нюрнберге, однако, воспоминание об этом памятнике времени Барокко осталось живо и после его продажи. В течение XIX в., когда экономическое положение города улучшилось, власти не раз пытались выкупить фонтан, но попытки были безуспешными. В 1902 г., благодаря щедрому пожертвованию торговца хмелем Людвиг Гернгросса, копия вожделенного фонтана, наконец, украсила Главную рыночную площадь. Пожертвовав крупную сумму, Гернгросс поставил только одно условие – фонтан должен быть установлен на Главной рыночной площади, как он планировался более двухсот лет назад. Удивительным образом этот барочный фонтан вписался в окружённую готическими зданиями площадь. Но 30 лет спустя по воле нового повелителя фонтан исчез с площади. Табличка на его цоколе гласила, что он создан на средства почётного гражданина города. Всем было известно, что этот почётный гражданин являлся лицом иудейского вероисповедания. К тому же на теперь уже переименованной площади Адольфа Гитлера фонтан мешал партийным собраниям и шествиям, и в 1934 г. его перенесли на нынешнюю площадь Вилли Брандта (недалеко от жел. дор. вокзала). Он стоял напротив здания, в котором базировался наместник Гитлера во Франконии, гауляйтер Юлиус Штрайхер. Хотя фонтан во время войны не был укрыт, скульптуры не были повреждены в воздушных налётах.

В 1962 г. в связи с перепланированием окружения площади многострадальный фонтан установили у пруда в Городском парке. С тех пор здесь, за пределами Старого города, в нелепой чаше (барочный оригинал ещё хранится где-то) прозябает редко кем замечаемый, не настоящий, но выглядящий как настоящий, знаменитый «Нептун» с трезубцем в руках. А в Петергофе стоят настоящие фигуры, но на низком широком постаменте, и выглядит фонтан совсем не так, как настоящий.

Павел вступил на престол в 1796 году. За 10 лет до этого вполне вероятно, что его пребывание в Нюрнберге могло остаться незамеченным, ведь он тогда еще не был царствующей особой. Есть также сведения, что как раз в 1781 году, Екатерина отправила сына и невестку в путешествие по Европе. Павел и Мария путешествовали инкогнито, под именем графа и графини Северных, «по традиционному маршруту: из Санкт-Петербурга через Польшу и Австрию до Вены, с длительным пребыванием в Италии и Франции, посещением знаменитых замков в долине Луары, через Бельгию и Голландию в герцогство Вюртембергское», к родителям Марии Федоровны. Хотя и Ваше предположение не исключено, что им кто посоветовал приобрести фонтан. Может быть сама Екатерина?

Немного информации о нюрнбергских гербах. Их три.

Первый – имперский герб, двуглавый орёл. Город мог пользоваться печатью с гербом империи.

Второй – Большой городской герб, «мужчина с длинными волосами», орёл, однажды по случаю потери печати с этим изображением превратившийся в орлицу. Во избежание использования утерянной печати, орлу добавили грудь.

Третий – Малый герб города. Имеет две части: левая – половина имперского орла, правая - красно белые-полосы, цвета Франконии. Франкония – северная часть Баварии, имеет три части, Нюрнберг – столица средней Франконии.

Про немецкие диалекты знаете, наверное, все. Но чуть-чуть напишу. «Высокий» немецкий был принят во второй половине XIX века. За основу взят диалект Ганновера. Все везде владеют «высоким» немецким и местным диалектом. Они отличаются приблизительно так, как русский от белорусского или от украинского или больше. В фирме, где я работала, сначала была я одна из России. Потом приняли парня из Донецка. Сидим мы с ним разговариваем тихонько. Подходит мой начальник и спрашивает: «Ну, как? Вы понимаете друг друга? У вас похожие диалекты?» Я гордо: «Мы говорим на высоком русском». Он: «Ха, ха, ха! Так я и поверил!»

Они не могут понять, что владивостокцы говорят на одном языке с москвичами.

История фонтана Нептун пока ещё не закончилась. Года три назад в городе возник Союз «поклонников» фонтана. Так получилось, что я оказалась среди учредителей. Цель этого союза была вернуть фонтан на Главную площадь. Дело в том, что основной спонсор в 1902 году давал деньги с одним условием – поставить фонтан на месте, где его планировали поставить с самого начала. В таких случаях сначала спрашивают мнение горожан. Большинство возразило из-за затрат - мол, в городе масса социальных проблем. Удивительно, но восстали ещё и горожане в районе Городского парка, где сейчас стоит этот фонтан. Они не хотели его терять. Одним словом, сторонников переноса оказалось очень немного. Ничего у нас не получилось. Пока. Может быть, со временем, убедим народ. Мы надеемся.

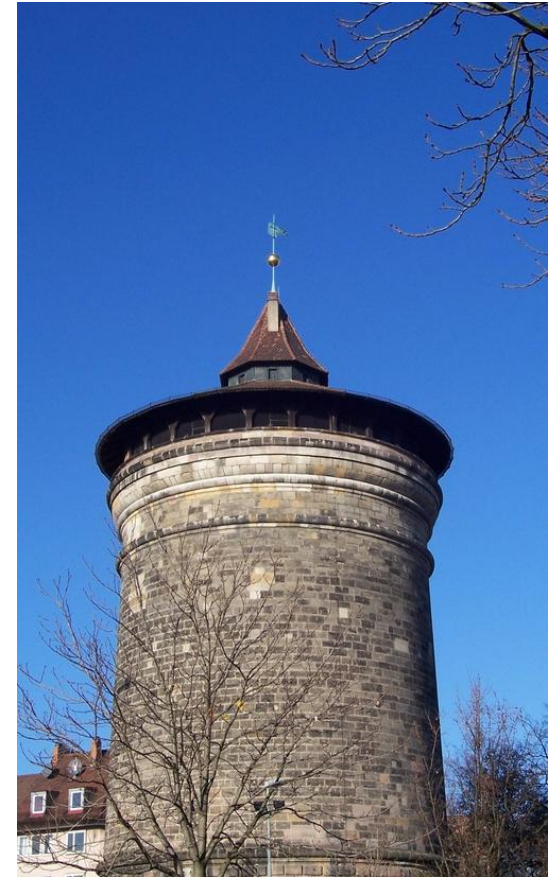
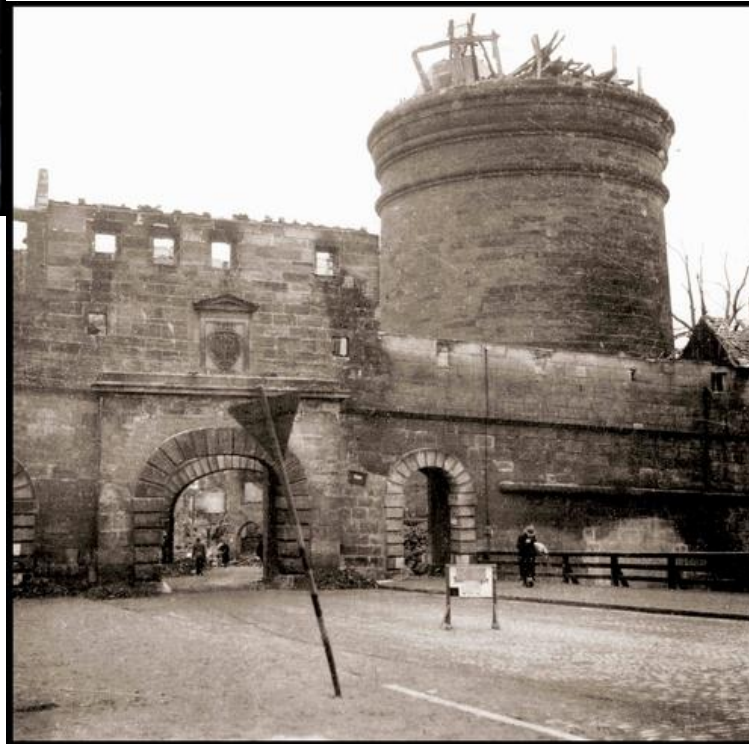

Добавлю здесь ещё несколько фотографий, которые я не успела вставить в свои предыдущие тексты.

Вид на крепость в 1939 и в 1947 гг. Памятник Дюреру стоит невредимый.

А это фотографии круглых башен - до войны, после войны и сейчас.

А это двор Госпиталя Святого Духа, где можно его, Дух этот, ощутить.

В Нюрнберге с января 1950 года существует **Союз Друзей Старого города**. В начале семидесятых его возглавил германист и историк доктор Эрих Мульцер, харизматическая личность. Очень быстро вокруг него объединились горожане. Совсем недавно союз насчитывал около 6 000 тысяч членов. Сейчас уже многие ушли, но всё равно, нас 5 600!!!!

Доктора Мульцера уже нет, но есть улица его имени, есть Дом его имени, где располагается бюро Друзей и библиотека, насчитывающая несколько тысяч книг о Нюрнберге. Книги приносят старые нюрнбержцы, это книги о городе, ими собранные. Уникальное собрание. Это очень интересное явление. Напишу обязательно, но не сейчас.

Вид крепости с северо-запада. Акварель Адама Кляйна. Начало XIX века.

Герб семьи Тухеров

Попробую с помощью Википедии и известных мне фактов рассказать о семье Тухеров. Я даже знакома с баронессой Барбарой фон Тухер, членом Совета Друзей Старого города Altstadtfreunde Nürnberg.

http://altstadtfreunde-nuernberg.de/ueber_uns.html

союз, о котором я обязательно расскажу в следующей части.

Город Нюрнберг, как и другие имперские города, идентифицировал себя в качестве «Республики». Это понятие использовалось в противовес к остальным принятым (монархическим) формам правления. Понятие «Республика» в этом случае не стоит приравнивать к понятию «Демократия». Городская аристократия - бывшие министералы, в средневековой Европе представители мелкого рыцарства, владевшие небольшими ленами и обязанные военной службой монарху либо крупному феодалу. Аристократия в лице своих представителей во Внутреннем совете города правила Нюрнбергом вплоть до 1806 года, когда Наполеон передал город Баварскому королевству. Внутренний совет (в разное время до 20-ти членов) был высшим органом власти. Они называли себя патрициями по примеру римских патрициев и всегда держались друг за друга, стараясь не пускать в свой круг новых членов, тем более чужаков. Вторым по уровню органом городского управления был Большой совет, куда, кроме купцов и предпринимателей, входили и представители ремесленных цеховых объединений. Последние, практически, не имели никаких прав, в отличие от положения ремесленников в других городах империи.

Вероятнее всего, своё происхождение род Тухеров ведёт также от министриалов. Запись в книге рыцарских родов Франконии гласит: "Тухер (родовое имение в Симмельсдорфе) – 1309 - настоящее время". Это аристократическая семья, так сказать, франконского уровня. В Нюрнберге Тухеры известны с XIV столетия, когда благодаря женитьбе кто-то из них получил нюрнбергское гражданство. Уже с 1332 года семья была обладательницей "места" во Внутреннем совете, позже – даже двух. Благодаря своему присутствию в течение нескольких столетий в городском правлении, семья Тухеров, разумеется, оказала значительное влияние на судьбу города.

Наиболее известным представителем этой семьи был Ганс Тухер Старший (1428 - 1491), глава созданного им Торгового дома «Tuchersche Handelsgesellschaft». Несмотря на то, что Тухеры довольно поздно по сравнению с другими аристократическими семьями Нюрнберга вошли в торговое дело, в период Средневековья и в Новое время семья благодаря своим связям по всей Европе стала одной из самых богатых в Нюрнберге. В XVII столетии, когда городские патриции уже старались не помнить о своих торговых занятиях, желая «быть аристократами», Тухеры продолжали своё дело, продавая шафран и конкурируя с нюрнбергской семьёй Имхоффов. Имхоффы, также как и Тухеры, до сих пор живы и известны в Нюрнберге.

Непосредственно со времени своего появления в Нюрнберге семья была очень активна, они вели книги доходов и расходов, писали хронику городских событий. Записи XV века особенно важны и значительны.

В ведении Ганса Тухера были большие строительные объекты города, он имел огромный интерес к книгам, в 1478 году стал бургомистром и совершил паломническое путешествие в Иерусалим, за что был возведён в рыцарский сан герцогом Бальтазаром фон Мекленбургом. Ганс Тухер оставил рукописный отчёт о своём путешествии. Во Всемирной хронике Шеделя, вышедшей в Нюрнберге в 1493 году, он упомянут как «consul Nuremburgensis accuratissimus».

<http://www.chronologia.org/rare/schedel/index.html>),

<http://alt.geschichte-chronologie.de/ru/autoren/gabowitsch/GAB-1/gl9-l.htm>

После благополучного возвращения из путешествия, что в те времена было большой редкостью, Тухер в качестве благодарности судьбе (или богу?) оплатил работу по росписи окна хора церкви Св. Лоренца, второго (или первого, потом уточню обязательно) окна слева от центрального (Кайзеровского). Витражи центральных окон хора в церквях Св. Себальда и Св. Лоренца были выполнены на пожертвования императора, поэтому назывались они «Кайзеровскими». Витражи окна Тухеров рассказывают историю его путешествия в Иерусалим. Они выполнены в готической манере, когда каждая маленькая ячейка представляла отдельный сюжет. Там вы найдёте изображение самого путешественника и герб семьи. В таких произведениях-пожертвованиях обязательно присутствуют «метки» жертвователя – герб или изображение его с семьёй (обычно внизу).

На знаменитом Перингсдорфском алтаре (1498) в церкви Friedenskirche в Нюрнберге Ганс Тухер представлен как апостол, что говорит о его высоком положении в городе и очень уважительном отношении в нему горожан.

В церкви Св.Лоренца, как я уже писала, висит резной венок «Благовещенье» из липового дерева.

Фрагмент из книги «Нюрнберг и нюрнбержцы».

«Огромный позолоченный венок «Благовещенье» в центре хора выполнен Файтом Штоссом на пожертвование патриция Антона II Тухера, богатейшего и занимающего высокое положение в городе (подробнее в гл. о Ф. Штоссе). Штоссу к этому времени уже было около 70 лет. Всего 15 месяцев ушло у него на исполнение этого заказа. Вес венка составил 800 килограммов. Композиция подчинена структуре чётков: фигуры Девы Марии и архангела Гавриила обрамлены венком из 55 позолоченных роз, разделённых на 5 групп по 11 штук в каждой. Дева Мария, услышав от архангела Гавриила известие, от неожиданности роняет книгу Ветхого завета, что символизирует приход Нового времени. Правую руку она произвольно прижимает к груди, как это сделал бы любой франконец в изумлении, воскликнув «Allmächt!» (Боже всемогущий!). На пяти маленьких медальонах венка представлена жизнь Христа:

Рождество, Поклонение Волхвов, Воскресение, Вознесение Христово, Сошествие Св. Духа на апостолов. На двух медальонах сверху – Моление Марии перед смертью и Успение Марии. Венчает сцену фигура Бога-отца, держащего в руках земной шар».

"Благовещенье" в церкви Св. Лоренца и фигура святого Андрея в церкви Св. Себальда. Файт Штосс

Северная стена хора внутри собора Св. Себальда, можно сказать, принадлежит семье Тухер.

Фрагмент из книги «Нюрнберг и нюрнбержцы».

«У северной стены хора висит поминальная лампада (1657) аристократической нюрнбергской семьи Тухер. Здесь же на стене мемориальная доска, где упоминаются члены этой семьи, начиная с 1326 года до сего дня. Рядом на стене нельзя не заметить триптих-эпитафию настоятелю церкви Лоренцу Тухеру, главную работу художника Ганса Зюсса фон Кульмбаха, ученика Альбрехта Дюрера. Она выполнена под несомненным итальянским влиянием. Вверху справа над ней на консоли стоит монохромная фигура апостола Андрея, выполненная Файтом Штоссом (ок. 1506, липа, подробнее в гл. о Ф. Штоссе). Фигура выше человеческого роста, монохромная, выполнена на пожертвование семьи Тухеров (1500–1510, церковь Св. Себальда, липа). Апостол изображён с атрибутом его мученической кончины – иксообразным крестом. Член Городского совета Ендрес Тухер с 1457 г. почти 20 лет курировал городское строительство, потом ушёл в Картезианский монастырь и там был похоронен. Возможно, фигура св. Андрея, судя по совпадению имён, выполнена в его память. В 1657 г. скульптура была перевезена из монастыря в церковь Св. Себальда».

У основания фигуры можно увидеть малый герб Тухеров. Такие гербы украшали мебель, посуду и другие предметы повседневной жизни аристократической семьи, и, как видим, фигуры святых.

Брат Ганса Тухера, Ендрес, известен как зодчий и хронист, оставивший «Книгу зодчего» с описанием муниципальных строений, уникальное в своём роде произведение.

Альбрехт Дюрер, вы все это знаете, был замечательным портретистом. Среди его работ можно найти и портреты членов семьи Тухер.

Ганс фон Тухер и Эльжбет фон Тухер

Купюра 20 DM

Городская пивоварня после перехода города к королевству Бавария превратилась в «Королевский пивоваренный завод». В 1855 году завод был продан Зигмунду фон Тухеру и превратился в «Freiherrlich von Tucher'sche Brauerei». Сначала это была частная пивоварня, потом была преобразована в акционерное общество. На сегодняшний день «Тухер» входит в крупнейшую частную пивоваренную группу Германии Radeberger Gruppe.

В 1815 году семья Тухеров получила баронский титул от короля Баварии.

Тухеры – один из старейших и уважаемых аристократических родов Франконии. В черте города и вне его они имели и имеют много владений. Замок в Старом городе, который Вы, Lida, посетили, - бывшая резиденция семьи.

Фрагмент из книги «Нюрнберг и нюрнбержцы».

«В качестве летней резиденции семьи патрициев обычно использовали имения за городом. Только Лоренц II Тухер был исключением, свой дворец с садом (Tucherschloß, Hirschelgasse 9-11) он построил в пределах городской крепостной стены. Это экстравагантное строение возникло между 1533 и 1544 гг. Оно соединило формы нескольких архитектурных стилей – романского, позднеготического и стиля итальянского Ренессанса. Но главный фасад всё-таки выдержан в нюрнбергской архитектурной традиции, он относительно прост, единственное его украшение – хёрляйн. Фасад, обращённый в сад, выглядит в архитектурном отношении богаче и даже украшен башней. До разрушений в войне этот дворец с его роскошной внутренней обстановкой служил примером культуры жилища времени раннего немецкого Ренессанса.

В 1945 г. бóльшая часть дворца была разрушена. Но через 20 лет семья восстановила своё владение. В 1998 г. здесь был открыт музей, где сегодня можно получить практически полное представление о жизни этой могущественной и влиятельной семьи. Воссозданная тут атмосфера прошлого времени настолько аутентична, что, кажется, бывшие его обитатели только что покинули своё жилище».

Файт Штосс (ок. 1447 – 1533)

Только в конце XIX в. начался основательный поиск сведений о происхождении и жизни одного из великих художников позднего Средневековья Файта Штосса и его произведений. Его первая большая выставка состоялась в 1933 году в Германском национальном музее в Нюрнберге. Пятьюдесятью годами позже прошла ещё одна выставка, на которой было собрано неожиданно большое количество произведений художника и его учеников, обнаруженных в Нюрнберге и окрестностях. Так вполне достоверно был восстановлен образ Файта Штосса, творившего более пяти столетий назад. В нём сочетались резчик по дереву и живописец, каменотёс и гравёр на меди, инженер и архитектор, скульптор больших и малых форм.

Многогранность его художественной деятельности производит впечатление избытка сил. И эти силы проявлялись не только в художественном творчестве, но и в его страстной предпринимательской деятельности. Будучи в родстве с одной мощной купеческой династией из швабского Равенсбурга, он участвовал в торговых делах европейского масштаба. Этим он отличался от своих современников – свободных художников.

Штосс родился в швабском городке Хорб на Неккаре. Ничего не известно о том, где он получил образование. Только весьма приблизительно можно сказать, что происхождение его стиля имеет корни в традициях североевропейской скульптуры. В двух больших городах Европы Штосс создал самые известные свои произведения – алтарь для церкви Богоматери в Кракове и алтарь «Поклонение волхвов» в Нюрнберге, позже перенесённый в Бамберг и поэтому названный «Бамбергским». Первое упоминание имени Штосса в городских книгах Нюрнберга встречается в 1477 году и связано с отказом его от местного гражданства в связи с переездом в Краков, тогда столицу Польши.

Файт Штосс (Вит Ствош по-польски) получил заказ на изготовление алтаря Марии для церкви Богоматери в Кракове, принадлежавшей в то время немецкой общине. В мае 1477 г. мастер приступил к работе, а в июле 1489 г. самый большой алтарь в Европе (13x11 метров), затмивший все резные алтари немецкой Готики, существовавшие до того времени, был закончен. В его средней части представлено Успение Марии (скульптуры выше человеческого роста), на створках – сцены из жизни Христа и Марии (рельефы). Успех алтаря был огромен. К работам, выполненным Штоссом в Кракове, относятся мраморная гробница короля Казимира IV (в кафедральном соборе Вавельского замка) и несколько надгробных памятников епископам.

Почти через двадцать лет Штосс возвратился в Нюрнберг. Без сомнения, свою блистательно начатую карьеру он надеялся продолжить в городе, который мог предоставить ему самые разные возможности. Липовые деревья были далеко не редкостью в лесах этой местности, а их древесина является замечательным материалом для резьбы. Нюрнберг, центр международной торговли, мог дать Штоссу возможность получения заказов не только от жителей южной Германии, с глубокой набожностью украшавших свои церкви, но и из других стран. И в первые годы после переезда казалось, что всё складывается удачно. Но очень скоро мастеру пришлось на себе испытать суровость законов Нюрнберга, и не раз. Два десятилетия он прожил в стороне от главного течения североевропейского искусства. В Кракове Штосс чувствовал себя, так сказать, единственной щукой среди карпов в пруду художников. Культурная же среда Нюрнберга была иной, здесь ему предстояло конкурировать с большими талантами. Многие из них были моложе тогда уже почти пятидесятилетнего Файта Штосса. В области бронзовой скульптуры здесь блистал Петер Фишер с сыновьями, в каменной скульптуре – Адам Крафт. Михаэль Вольгемут расписывал алтари и резные деревянные

скульптуры, юный Дюрер работал над своими гравюрами, городскую архитектуру курировал компетентный административный орган города. Через год после приезда художника в Нюрнберг в его поначалу удачно складывающуюся жизнь, как гром среди ясного неба, врывается история с подделкой векселя. Он инвестирует крупную сумму, заработанную в результате коммерческой сделки, в предприятие некоего купца, которое довольно быстро разоряется. Штосс подаёт в суд жалобу на посредника, посоветовавшего ему вложить деньги таким образом. Не имея письменных доказательств о передаче ему денег, Штосс предоставляет суду фальшивое долговое обязательство, изготовленное им самим. За подделку документа ему грозит смертная казнь. Штосс оказывается в тюрьме, где у него под пытками выбивается признание. Кайзер и бамбергский епископ пытаются заступиться за знаменитого мастера. В результате он избегает и смертной казни, и выкалывания глаз – наказаний, полагавшихся за обман. Раскалённой проволокой палач прожигает насквозь обе его щеки. В городском архиве сохранился счёт цирюльника, лечившего раны мастера Штосса. С этого момента жизнь его чрезвычайно осложняется. Ему запрещается без разрешения властей покидать город и иметь подмастерьев и учеников. Когда Штосс пытается получить у Городского совета разрешение на работу с металлом (отливку бронзовых скульптур), его просьба отклоняется.

Процесс длится четыре года. Файту Штоссу предъявляется ощутимый денежный штраф за подделку документа. Он скрывается у своего зятя в Мюннерштадте, где получает заказ «расписать и покрыть позолотой» алтарь святой Магдалины в приходской церкви. Над алтарём работает Тильман Рименшнайдер (выдающийся скульптор и резчик по дереву времени перехода от Готики к Ренессансу, Вюрцбург). Штосс расписывает рельефы, фигуры и корпус алтаря в стиле времени. Для оборотных сторон створок Штосс создаёт четыре картины, тема которых – легенда о франконских святых Килиане, Колонате и Тотнане. Здесь он выступает в качестве художника. В процессе Реформации алтарь Рименшайдера был уничтожен, но картины Штосса, как самостоятельные произведения были оставлены в церкви. Они висят до сих пор на левой стене хора.

После длительной переписки с Городским советом Штосс возвращается в Нюрнберг и тотчас по приговору на четыре недели попадает в тюрьму. Этот несправедливый, по его мнению, удар судьбы превратил художника в «сумасшедшего и скандального человека». Так его называют в отчётах заседаний Городского совета. Он хочет доказать неправомомерность своих долгов, освободиться от запрета покидать город и добиться разрешения посещать ярмарки. Почти всегда в ответ на свои жалобы он получает от Городского совета отказы. Только вмешательство кайзера помогает мастеру восстановить «потерянную честь», и в конце 1506 г. вновь появляются заказы, прежде всего, кайзеровские.

Пережитое не подорвало его творческой страстности и силы. За 27 лет, которые художнику ещё предстояло прожить, ему удалось восстановить своё потерянное состояние, многократно увеличив его. А в творческом отношении этот период его жизни был ещё богаче предыдущего.

Произведения Штосса обычно полны пафоса, реалистичны в деталях и передают религиозные мотивы в динамике, не превзойдённой ни одним скульптором его времени. Можно сказать, что многое в скульптурах Штосса определяется структурой линий, прежде всего, контурами и острыми краями складок. Штосс был человеком своей собственной культурной среды. Как говорили в южной Германии, «он не поддавался соблазну создавать итальянскую скульптуру».

Нижеописанные работы были созданы Файтом Штоссом в Нюрнберге. Даты их создания в большинстве точно не установлены и вызывают споры.

Первая его работа по возвращении в Нюрнберг – рельеф-триптих, выполненный на пожертвование Паулюса Фольккамера (1499, песчаник, внутренняя стена восточного хора церкви Св. Себастьяна). Три части рельефа представляют собой три сцены – «Тайная вечеря», «Моление на Масличной горе» и «Взятие Христа под стражу» (в музее им. Пушкина в Москве имеется копия третьей сцены). Иоганн Нойдёрфер приписал эту работу Адаму Крафту и датировал триптих 1502 годом. В заблуждении относительно авторства этой работы все пребывали более трёхсот лет, до 1862 г., когда польский художник Александр Лезер нашёл и расшифровал имя автора. Обнаружились дата создания и фирменный знак мастера, нанесённые в виде украшения на ножны меча солдата в тюрбане (сцена взятия Христа под стражу). Это был Файт Штосс, дата создания – 1499 г.

«Тайная вечеря», «Моление на Масличной горе», «Взятие Христа под стражу»

Иоганн Нойдёрфер также сообщил, что на первом рельефе за трапезой изображены члены Городского совета. Что касается выведенных персонажей, то вопрос, кто же из членов Городского совета был изображён в сцене «Тайная вечеря», волновал исследователей и просто любопытных несколько столетий. Но ответ так и не был найден. Возможно, персонаж в центре, единственный в головном уборе, являет собой портрет автора. Здесь царствует обыденность: кто-то разливает вино из кувшина, кто-то ковыряет еду в миске. Посуда, приборы, мебель совершенно реалистичны. Только группа вокруг Христа (слева) да Иуда (справа), стыдливо закрывающий своё лицо, изолированы от остальных. Это стиль наглядного выразительного изображения с подчёркнуто реалистическими деталями – грубая, крепкая осязаемость. Одухотворённость, производившая такое впечатление в его работах польского периода, исчезла, здесь господствует реализм. Рельефы проработаны так глубоко, что выглядят почти скульптурами и наполнены настолько интенсивной пластической жизнью, что кажется – фигуры вот-вот вырвутся за пределы рамы.

На каменных консолях над триптихом стоят фигуры (дуб) Страдающего Христа и Страдающей Марии (mater dolorosa – мать в страдании). Здесь изображена сцена из Страстей Христовых – явление Христа Марии, когда он показывает ей свои раны и уверяет её в том, что воскреснет. Обе скульптуры составляют одно целое с рельефом-триптихом. Возможно, первоначально они были окрашены под песчаник, чтобы не нарушать единство стиля интерьера хора с каменными скульптурами.

Фигура святого Андрея выше человеческого роста, монохромная, выполнена на пожертвование семьи Тухеров (1500–1510, церковь Св. Себастьяна, липа). Апостол изображён с атрибутом его мученической кончины – иксообразным крестом. Член Городского совета Эндрес Тухер с 1457 г. почти 20 лет курировал городское

строительство, потом ушёл в Картезианский монастырь и там был похоронен. Возможно, фигура св. Андрея, судя по совпадению имён, выполнена в его память. В 1657 г. скульптура была перевезена из монастыря в церковь Св. Себастьяна. Стр. 14.

Торговец шёлком из Флоренции Рафаэль Торриджани в память о годах, проведённых в Нюрнберге, заказал Файту Штоссу завораживающую скульптурную группу «Рафаэль-Тобиас» (1516, Герм. нац. музей, липа). Монохромные, полные изящества фигуры скульптурной группы явно несут в себе черты раннего итальянского Возрождения. Эта работа очень необычна для периода поздней немецкой Готики, мастером которой был Файт Штосс.

Неизвестно, кто являлся заказчиком скульптуры святого Рохуса (защитник от чумы и других эпидемий), созданной Штоссом (1523, Флоренция, церковь Santissima Annunziata, липа, стр. 174). Возможно, им был тот же Рафаэль Торриджани, который к этому времени жил во Флоренции и служил там пастором в одной из церквей.

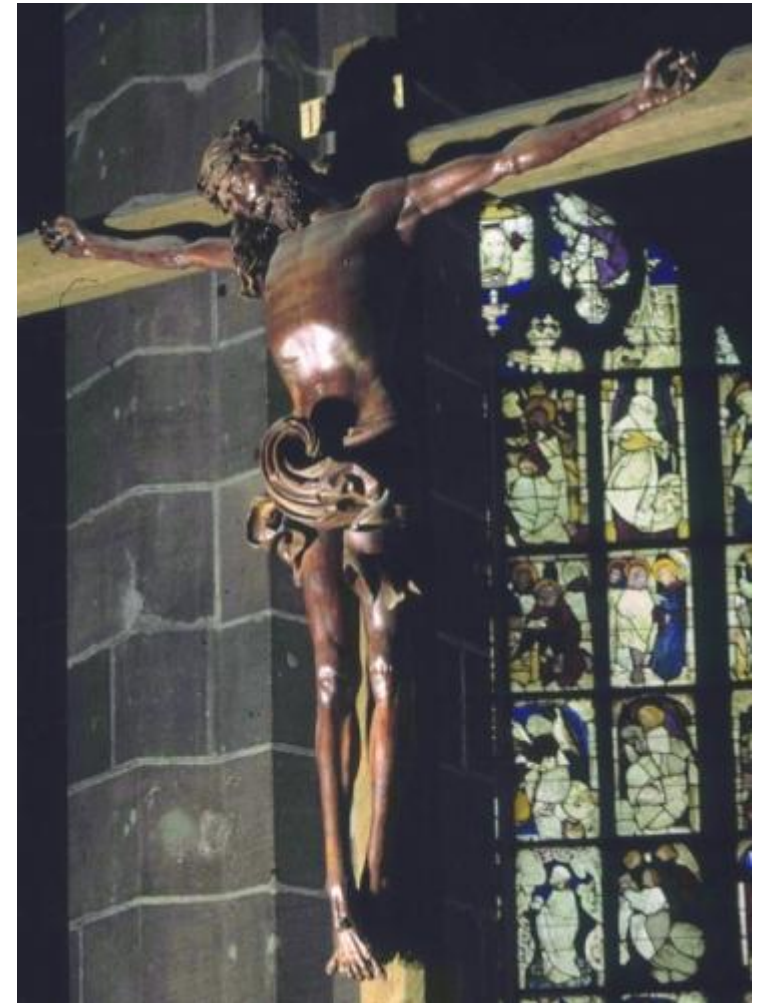
Тема Распятый Христос прошла через все творчество Штосса и была для него, как ни для кого из художников того времени, важнейшей. В Нюрнберге имеются четыре распятия из липового дерева, выполненные Файтом Штоссом:

- в Двойной капелле крепости (1500, сохранилось лучше всех остальных);
- созданное для церкви Госпиталя Св. Духа (1505–1510, в Герм. нац. музее);
- в церкви Св. Себастьяна (1520);
- в церкви Св. Лоренца (1520), единственное из всех монохромное. См. справа.

В марте 1517 г. Антон II Тухер, главный финансист Городского совета, заказал мастеру Штоссу венок с изображением сцены «Благовещенья» для хора церкви Св. Лоренца (Стр. 166). Мастер справился с этим заказом в неожиданно короткий срок – 15 месяцев. Высота венка 372 см, ширина – 320 см. Несмотря на такие внушительные размеры он, благодаря своей миндалевидной форме, кажется, парит в пространстве хора как видение. Стр. 14.

История создания венка в архиве семьи Тухеров отражена в мельчайших деталях. В противовес монохромным скульптурам с их естественностью, эта работа, из-за невероятно богатого оформления и позолоты, производит впечатление старинной. Венок составлен из 55 роз. В центре – Мария и архангел Гавриил, главные фигуры сцены, каждая высотой более двух метров. Внизу, под венком, как символ зла, изгибается змея, надкусывающая яблоко. Венок окаймлён свисающими с него чётками. Для подсветки «Благовещенья» Тухером был заказан позолоченный светильник. Но увидеть венок в те времена можно было только по праздникам, связанным, прежде всего, с Богородицей. В остальное же время он висел полностью покрытый так называемым «женевским платком». Для поддержки этого платка Штоссу была заказана деревянная конструкция в виде позолоченного обруча с радиальными стержнями, в центре сходящимися в шар.

После Реформации такой роскошный «католический» венок оказался неуместным в любой церкви. Городские власти пошли на компромисс – венок был оставлен в церкви Св. Лоренца, но его закрыли «мешком», специально для этого изготовленным. И более двухсот лет он висел под сводом в этом «мешке», вызывая недоумение посетителей церкви. В 1811 г. его перенесли в Двойную капеллу крепости, где к этому времени открыли музей Сакрального искусства Средневековья. Но для маленькой «домашней» капеллы венок оказался непомерно большим, и его перенесли в хор церкви Богородицы. Его пребывание здесь было недолгим, всего несколько недель. Огромный, висящий в центре хора венок не позволял органисту во время службы видеть алтарь. В конце концов, органист поставил условие – если не уберут «мешок», то он отказывается работать. Многострадальный венок отправили на хранение в ратушу. В 1817 г., наконец, было решено вернуть его в церковь Св. Лоренца. Но цепь, на которой он первоначально висел, как и многие другие сокровища церкви, при переходе города к Баварии, была продана, и это тяжелейшее произведение искусства повесили на пеньковой верёвке. Венок упал и разбился на «тысячу маленьких кусочков». Особенно пострадала «змея с яблоком», при падении принявшая на себя всю огромную тяжесть венка. По-видимому, он упал с небольшой высоты, так как главные фигуры достаточно благополучно пережили это печальное событие. Обломки были перенесены в верхнюю ризницу церкви, где пролежали 8 лет. За воссоздание и реставрацию венка взялись только в 1825 г. Точно через 9 лет после падения, день в день, отреставрированный и полностью перекрашенный венок «Благовещенье» был опять подвешен в хоре церкви Св. Лоренца. Не хватало только его «короны» и покрывала. В период Второй мировой войны венок хранился в бункере под скалой вместе с фигурами алтаря Марии,

перевезённого в Нюрнберг после занятия Кракова немецкими войсками. Так встретились две Мариин, созданные мастером в разных городах и в разные периоды жизни.

На внешней южной стене церкви Св. Себастьяна, в нише, имеется бросающийся в глаза глубоко выработанный рельеф, плохо сохранившийся оригинал которого хранится в Германском национальном музее. Ещё в XIX в. над ним была выбита дата «1520». По предположениям, эта работа принадлежит Файту Штоссу. Адама Крафта к тому времени уже не было в живых, а другого, сравнимого с ними скульптора, в Нюрнберге в то время не существовало. Здесь изображена сцена из притчи «Воскрешение Лазаря».

По заказу своего сына доктора Андреаса, настоятеля Кармелитского монастыря в Нюрнберге, в 1520 г. Штосс начал работу над алтарём для монастырской церкви (алтарь «Поклонение Волхвов», или Бамбергский алтарь). Это была его последняя большая работа. Ответственный заказчик доктор Андреас собственноручно написал инструкцию – алтарь должен быть выполнен полностью из дерева, в монохромном стиле, срок исполнения – три года. Створки должны открываться только по большим праздникам, гореть перед ним должно не более двух свечей. Всю резную работу мастер выполнил сам, к моменту окончания заказа ему было 76 лет. Самым важным в этой работе Штосса стала новая эстетика алтаря как произведения искусства. В сравнении с предыдущими, позднеготическими произведениями мастера, эта работа выглядит спокойнее и сдержаннее. Насколько цветист веноч «Благовещение», настолько прост этот алтарь. К началу Реформации (Нюрнберг принял протестантство в 1526 году) мастер закончил центральную часть и боковые створки. Город перешёл в новую веру, монастырь был расформирован, и Конвент Кармелитского монастыря не смог оплатить работу. В 1525 г. доктор Андреас Штосс покинул Нюрнберг. Пределла и часть, венчающая сооружение остались незаконченными. Наследникам художника удалось спасти алтарь и перевезти его из протестантского Нюрнберга в католический Бамберг. Сегодня его можно увидеть в кафедральном соборе Бамберга. Он не служит литургическим целям, створки его всегда открыты и стоит перед ним шесть свечей – не две, как замышлялось заказчиком.

Умер Штосс в Нюрнберге в 1533 г. почти полностью ослепшим. Состояние, оставленное им, превышало 8 тысяч гульденов, это была огромная сумма. На кладбище Св. Иоанна в Нюрнберге, на расстоянии не более пятидесяти метров от всегда покрытой свежими цветами могилы Альбрехта Дюрера, находится ничем не примечательная могила (ном. 268) его великого современника, скульптора и художника Файта Штосса.

Бамбергский алтарь

Портрет Ганса Тухера находится в какой-то частной коллекции, а Эльжбет - в замке в Касселе.

В прошлом году (на самом деле – 2012 год!) в Нюрнберге, в Германском национальном музее, состоялась выставка "Ранний Дюрер". К сожалению, не было его автопортретов - ни из Лувра, ни из Прадо, и даже мюнхенская Старая Пинакотека не дала нам свою картину, хотя она вовсе и не их, а наша. Склока между музеями продолжалась несколько месяцев, в городе говорили, что Пинакотека побоялась дать в Нюрнберг картину, так как мы можем не вернуть им то, что принадлежит нам по праву. В Пинакотеке висят и "Четыре апостола", написанные Дюрером специально в подарок его родному городу. Тоже свинство.

Ниже я приведу ссылку - портреты с этой выставки, не все из них там были представлены. Ранний период, кажется, считают до 1510 года.

<http://kuzdra.livejournal.com/18200.html>

Друзья Старого города

<https://www.altstadtfreunde-nuernberg.de/de/home>

Сейчас Старый город Нюрнберга во многом похож на самого себя 500 лет назад - та же крепость, те же шпили церквей над тем же морем черепичных крыш и та же пятикилометровая крепостная стена. Это чудо - возрождение города в буквальном смысле из пепла - произошло благодаря горожанам, перед которыми после войны стояла очень трудная, казалось, невыполнимая задача. Предшественник Союза «Altstadtfreunde» (Друзья Старого города) был создан в 1951 году. В этом году союз отмечает сорокалетие своей активной деятельности, когда его возглавил историк и германист Эрих Мульцер. Сейчас он объединяет почти 6000 нюрнбержцев и не нюрнбержцев, влюблённых в город. За прошедшие годы ими восстановлены многочисленные исторические городские достопримечательности - колодцы, хёрляйны, эркеры, скульптуры, внутренние дворики, более чем у сорока фахверковых домов обновлены фасады, санированы и отреставрированы несколько исторических зданий. И всё это делается исключительно на пожертвования. Активные члены союза, а их около двухсот, трудятся в различных рабочих группах, бесплатно проводят экскурсии, организуют выставки.

<https://www.altstadtfreunde-nuernberg.de/de/wir-ueber-uns>

В недавно отреставрированном бывшем доме Кожевенников на одной из самых красивых улиц Нюрнберга (Weißgerbergasse 10) разместились бюро и библиотека с несколькими тысячами томов, постоянно пополняющаяся книгами о Нюрнберге из личных библиотек горожан. Нюрнберг – провинциальный город всего полмиллиона жителей. Можно, например, сравнить в Ростовом-на-Дону, Южными воротами России, более миллиона жителей. Сколько книг об истории этого города я знаю? Очень мало. Может быть, оттого, что специально не занималась этим вопросом, но прочла я не больше десяти. В Нюрнберге издавна существовал культ его прошлого. История интересна всем. В каждом доме имеется несколько книг о городе. Бесконечные издания фотографий довоенного Нюрнберга. Несколько томов открыток «Нюрнбергское гостеприимство», разглядывать которые большое удовольствие. Моя соседка, швея, знавшая всех знаменитых нюрнбергских мастеров, подарила мне книгу нюрнбергских историй. А сын после её смерти отдал мне хранившиеся у неё 4 книги исторических фотографий.

О Доме Пеллера и его внутреннем дворе.

Восстановление внутреннего двора когда-то знаменитого Дома Пеллера – текущий долговременный и дорогостоящий проект союза.

С начала XVII в. до конца Второй мировой войны украшением площади Egidienplatz был Дом Пеллера. Не существовало ни одного горожанина севернее Альп, кто построил бы для себя столь роскошное здание в стиле Ренессанс. Никто не смог бы выбросить столько денег для своего жилого дома, как это сделал Мартин Пеллер, купец, контролировавший, в сущности, всю торговлю льном в центре Европы. По воспоминаниям современников, он обладал манерами князя, умом учёного и изворотливостью дипломата. Его женитьба на дочери очень богатого купца Бартоломеуса Виатиса была отпразднована с такой помпой, что Городской совет усмотрел в этом нарушение городских законов и наложил штраф на бесстыдно демонстрировавшего своё богатство выскочку.

Похоже, что Пеллер не принимал всерьёз определённый законом порядок. Из-за своих махинаций он не раз предстал перед судом Нюрнберга и Аугсбурга. Однажды его даже приговорили к пяти дням тюрьмы, но в последнюю минуту ему удалось откупиться. Он имел поразительный инстинкт и всегда наилучшим образом удовлетворял потребности своих клиентов. На Пеллера работало около 10 тысяч мастеров, подмастерьев и прядильщиков. Его караваны, тянувшиеся по дорогам Европы между Амстердамом и Болоньей, везли не только ткани, но и воск, и цитрусовые, и пряности.

В качестве архитекторов для постройки своего, ставшего вскоре знаменитым на всю Европу, дома Пеллер пригласил Якоба Вольфа Старшего и Петера Карла, лучших зодчих города. Обращённые к улице фасады домов в Нюрнберге всегда были очень скромны. Поэтому естественно, что при возведении такого роскошного дома застройщик натолкнулся на противостояние соседей. Городской совет не мог согласиться со столь откровенной демонстрацией состоятельности владельца. Но деньги правят миром, и эта проблема была решена. Два льва и герб застройщика с его девизом «cum Deo» (с Богом) украшали пышный фасад дома высотой в 31 метр. Фронтон венчала скульптура Юпитера. Не менее роскошным было заднее строение, соединённое с основным зданием галереями (внутренний двор). Строительство продолжалось 10 лет, до 1610 года.

Дом Пеллера в своей исторической форме демонстрировал особенный случай среди нюрнбергских городских строений, так как он фронтоном обращён к улице. Кроме того, надстройка на крыше имеет непривычно огромный размер. Цокольный этаж украшен итальянской рустикой. Над цокольным этажом возвышались два этажа и фронтон. Этажи были разделены фризным членением, весь фасад был богато украшен орнаментальными деталями. За исключением массивного орнамента, который почти исчез за ренессансной решёткой и орнаментики скосов фронтона, все детали взяты из итальянского Ренессанса – но удалось избежать общего впечатления итальянского дворца. Это случай использования итальянских форм для немецкого дома – итальянский дворец, превращённый в немецкий дом. Фасад фронтона, абсолютно чуждый итальянской архитектуре и созданный Якобом Вольфом Старшим, причисляется к безукоризненно совершенным фронтонным фасадам в истории искусств. Хёрляйн был присоединен в 1616 году, на этот раз Якобом Вольфом Младшим, сыном архитектора дома.

Пеллер был очень доволен своим домом, при входе в который казалось, что попадаешь в один из дворцов Флоренции, Венеции или Рима. Для внутреннего оформления владелец также не пожалел денег. Большой зал был расписан известным нюрнбергским художником Паулем Ювенелем. В Городском музее Фембохаус можно получить приблизительное представление об интерьере Дома Пеллера и увидеть лучшие части его внутренней обстановки, выполненные в венецианской манере. Там же представлены некоторые работы Пауля Ювенеля.

Существует только два примера зданий такого стиля, на которые, возможно, опирался заказчик – «Английский дом» в Гданьске и Дом «У Рыцаря» в Гейдельберге.

Гданьский дом выглядит очень элегантно, дом «У Рыцаря» в Гейдельберге давит своей громоздкостью и перегруженностью деталями и уже не существующий Дом Пеллера в Нюрнберге.

Каким он был? В готическом Нюрнберге нельзя было обойтись без готических элементов на фасадах даже ренессансных домов. Здесь использовались массверки, каменный ажур, выполненный с помощью циркуля и линейки. Здесь чуть позже, но прилепили обязательный хёрляйн. Оконные стёкла в нашем нынешнем понимании были недоступны даже для такого богача, как Пеллер. Или это была дань традиции - средневековые нюрнбергские окна? Такие окна имел Дом Пеллера. Только для маленьких форточек внизу оконного проёма использовались стёкла.

Дом Пеллера упоминался во всех книгах по европейской архитектуре. Это была единственная достопримечательность Нюрнберга, известная во всей Европе. Погиб он 2 января 1945 года. В процессе восстановления города об этом доме не думали. Позже восстановили первый этаж дома и галереи первых двух

этажей внутреннего двора, реконструировав также часть холла с позднеготическим сводом. Эти законсервированные руины являлись свидетелями роскошной архитектуры эпохи великих негодантов.

Лет 10 назад заговорили о восстановлении двора дома. Нюрнберг славился своими внутренними дворами. Фрау Крафт, девяностодвухлетняя, которая до сих пор проводит экскурсии и принимает активное участие во всех мероприятиях, рассказывала, как в её детстве по выходным отец водил детей любоваться двориками. В бомбардировках почти все они потеряны. Сейчас существуют в остатках около десяти. В этом году у нас в плане была экскурсия по этим сохранившимся остаткам. Каждые 15 минут набиралась группа около полусотни человек.

Двор Дома Пеллера был уникальным. Это был почти итальянский дворик в готическом городе, втиснутый в криволинейное пространство участка между двумя домами владельца – передним и задним. Во дворике хозяину разрешалось демонстрировать свой вкус и своё богатство в полной мере. В Италии обычно дом строился вокруг прямоугольного двора с галереями. В Нюрнберге двор строился между прочим, но всегда были многоэтажные галереи, покрывающие одну, две или три стороны двора. Галереи каменные, деревянные, но всегда ажурные массверковые, рисунок орнамента по готическим нормам на различных этажах не повторялся.

Эркерыные выступы галерей, по-видимому, были придуманы, чтобы скрыть кривой план двора.

Как водится, опросили горожан. Оказалось, что очень многие готовы внести суммы на восстановление. Первый крупный взнос поступил от промышленника Дилия, нюрнбержца. Это произошло в день его столетия. 500 000 евро. Позже такую же сумму внёс его сын в день своего 60-летия. И так далее. Городские власти вынуждены были разрешить осуществление плана, но при одном условии – город не даёт ни копейки.

Итак, Друзья активизировались ещё больше. Такой огромный проект. С прошлого года они регулярно в виде экскурсий по стройке показывают горожанам, как движется восстановление. К этой осени восстановят галереи второго и третьего этажей. Приходит огромное количество народу, все что-то бросают в банку с пожертвованиями. Идея «Камни дома Пеллера» стала особенно популярной. Нарисовали план камней, необходимых для восстановления галерей. Камни продаются. Моя сестра, которой я прожужжала уши Друзьями, оплатила базис полуколонны на третьем этаже. Она живёт в Москве. Это был фурор – кто-то в России, в Москве, готов заплатить за камень! Во всех городских газетах, журнале и даже на радио и телевидении сообщили о таком удивительном событии. Устроили внеплановую экскурсию по стройке. Опять пришло много народу. А моя группа русскоговорящих вся поголовно бросала в банку купюры. Не монеты.

Вот некоторые из внутренних двориков Нюрнберга

Типичный Друг Старого города, фрау Регина Геберт.

Библиотека открыта по понедельникам с трёх до шести вечера. В библиотеке я работаю с Региной, она состоит в Дружьях уже сорок лет или больше. Как-то выходим мы вечером из нашего дома. На другой стороне улицы стоит кучка людей с экскурсоводом, которая рассказывает гостям города о соседнем доме, ярком, на фасаде блестит чеканка на меди - сцены с ремесленниками различных специальностей и позолоченный кронштейн. Мы замерли в ошеломлении – показывают не наш чудесный дом, а чёрти что!

Регина: На каком языке она говорит? Ты слышишь?

Я: Как будто французский.

Регина на немецком кричит через улицу: Вы рассматриваете не тот дом! Смотрите на наш!

Экскурсовод подходит к нам. Мы объясняем ей, что они стоят на улице Кожевников, Белых кожевников, мастеров тонких кож. Она не знает слова «кожевники», мы объясняем – ремесло, перчатки.

Регина: Наш дом XIV века – бывшая ремесленная мастерская, фахверковые балки соединены внакладку.

Экскурсовод: Но ведь этот дом красивый.

Регина: Это китч!

Экскурсовод: Но людям такое нравится!

Регина: Такого разукрашенного дома не могло быть в старом Нюрнберге!

Мы уходим. Оглядываемся. Экскурсовод уже показывает наш дом и рассказывает что-то. Мы идём к месту встречи экскурсоводов, сегодня тренировка очередной экскурсии. Покупаем в булочной по маленькой пицце, рвём её на ходу.

Регина: Я думаю, что есть на улице в старом Нюрнберге раньше едва ли было возможно.

Два-три раза в год наша библиотека устраивает распродажу третьих экземпляров книг. Первые стоят в основном разделе, дубликаты – для читателей. Однажды я, стоя за прилавком, рассматривала альбом знаменитого фотографа конца XIX – начала XX веков, Фердинанда Шмидта. Фотографии, разумеется, Нюрнберга того времени. Регина спрашивает: «У тебя нет такой книги?» «Нет» «Каждый нюрнбержец должен иметь дома эту книгу». Покупаю.

Как проходят экскурсии. В начале года Совет Друзей планирует экскурсии на год, проводят раз в месяц. Темы всегда необычны и очень интересны. Дней за 10 до дня экскурсии, проводятся одна или две тренировки для экскурсоводов, из числа активных членов общества. На тренировке проходим маршрут, уточняем детали. В день экскурсии в 10 утра на старте ставится палатка Друзей, отсюда каждые 15 минут стартует группа, состоящая из подошедших к этому времени горожан. Их всегда от 30 до 50-ти (в особо интересных случаях) человек. Моё время всегда в 12 дня, когда приходят наши русскоговорящие. И так продолжается до 16 часов. Порой проходит до 1000 человек и все благодарно что-то бросают в банку, стоящую на финише.

Тема - "Архитектура городского района Гостенхоф", подготовила пара, муж с женой по фамилии "Петух", их называют "Петухи". Район строился в начале прошлого века, архитектура - модерн, модерн ранний, рациональный, поздний, а также эклектика. Остановка на улице Карла Орфа. Ведущий говорит: "А здесь надо исполнить на каком-нибудь инструменте любую мелодию Орфа, или напеть её".

Следующая тема - "Бывшие земли Тевтонского ордена, теперь - уголок наслаждений". Речь идёт об истории ресторанов в этом районе. Вплотную стоит квартал Красных фонарей, но об этом речи нет. Перед началом тренинга всем раздают подробный материал по экскурсии. Я читаю гимн нюрнбергским колбаскам, написанный размером хайку на нюрнбергском диалекте.

* * *

«Вчера была тренировка экскурсии на велосипедах. Я, забыв, как они ездят на велосипедах, отправилась на встречу. Только однажды, в самом начале моей жизни тут, я пришла в городской велосипедный клуб и отправилась с ними в совершенно нормальную, казалось, поездку - какие-нибудь двадцать-тридцать км. После этого я никогда больше к ним не приходила. Они ездят с бешеной скоростью и с редкими остановками. Пешие походы одного дня у них обычно - 20-30 км, а велосипедные поездки - 50-70 км. Я не смогла вписаться в такую жизнь. А вчера потеряла бдительность. Встречались на самом севере Старого города у бывшего Дома Пеллера, бывшего роскошного ренессансного особняка, в 17-м веке он слыл самым красивым ренессансным строением севернее Альп, был разрушен в 1945 году почти до основания. Уже давно собирают деньги на его восстановление. В этом году исполняется 450 лет со дня рождения купца Пеллера. Так вот поехала я. В Старом городе - праздник города, толпы жующих. Я ехала без очков и наскочила, не заметив препятствия, и потому не понизив скорости, на покрытие кабеля, ведущего к каруселям. Меня подбросило и стукнуло оземь так, что велосипедное сидение опустилось до предела. Я не упала, но что-то зажалось в позвоночнике. Прихрамывая и пытаясь растянуть позвоночник при каждом шаге, я повела велосипед в толпе. Идущая мимо пожилая грузноватая женщина останавливается: "Вы на велосипеде? Вам хорошо, а я вот еле иду, так устала." Я: "Да, на велосипеде передвигаться приятнее, чем ходить пешком." "Да, конечно", - соглашается она, "Счастливой дороги!"

Наконец, добралась до бывшего Дома Пеллера. Стоят с велосипедами шесть пожилых мужчин и одна фрау продвинутого возраста. Поехали. До городских ворот едем по брусчатке, я - стоя, в страхе за свой повреждённый позвоночник. Ехали очень быстро, легко (все, кроме меня) лавируя на поворотах. В таком темпе ездить я не привыкла. У городских ворот остановка. Новость для меня - башня отмечена буквой "X". Оказывается, в этом году восстановили средневековую маркировку основных башен по буквам алфавита. Почему-то пропущены буквы "J" и "U", почему, никто не знает. Выехали за стену, и вдоль реки в бешеном темпе. Остановки у бывших мельниц, у хижин и даже у одного замка, окружённого рвом с водой - одним словом, у достопримечательностей. Сначала я радовалась остановкам, но быстро поняла, что стоять трудно, тянет спину и ногу - результат перескока через кабель. А ехать ещё труднее. На остановках я доставала карту и прикидывала, сколько ещё осталось. Оставалось много. У одного из нас прокол камеры, её быстро заклеили, поехали дальше в том же темпе, минут через двадцать опять прокол, поняли ошибку - не нашли в камере предмет - причину первого прокола, он, похоже, там остался и сделал своё гнусное дело во второй раз. Бедняга покинул нас. А мы рванули в лес и по тырсе, по тырсе. Километров через 5-6 к нам радостно присоединился один из наших предводителей, член совета общества, господин Эндерле. Оказалось, что он ждал нас на трассе около получаса. Стоим у слияния двух ручьёв. Господин Эндерле: "Когда соединили эти ручьи? Кто знает?" Никто. Он: "В 1496 году." Дальше следует короткий рассказ. Затем мчимся по лесу к следующему пруду, господин Эндерле рядом со мной, втягивает в

разговор, приходится ему отвечать, без перерыва крутя педалями в бешеном темпе. У пруда небольшая остановка, я смотрю на карту, мы уже рядом с пригородом Фишбах (Рыбный ручей) и с загородным дворцом Пеллера, цели нашей поездки. Опять в лес, я отстаю, на перекрёстке не понимаю, куда они свернули, но тут мне помогает группка подростков, которые показали, в какую сторону улетела наша команда. Догоняю, они уже остановились и машут мне. Вокруг поля, заходящее солнце, красота, мы на окраине Фишбаха. Ещё пять минут, и мы у загородного дома, нижний этаж из песчаника, два верхних - фахверк. Дом не был повреждён во время войны. Утопает в цветах. Входим. Наверх ведёт крутая деревянная винтовая лестница. Доктор Фрибель нежно гладит фигурный ствол, вокруг которого вьётся лестница - "Посмотрите, сделан из одного ствола дерева!!!!" Второй этаж вполне историчен, с остатками лепнины, резных деревянных панелей. "Да, очень хорошее завершение такой поездки!" - он же, в восторге.

Я тихо радуюсь - мы на юге, и я сейчас от них оторвусь. Мне остаётся пять-шесть км, смеркается, успеваю заехать в магазин за булкой и кефиром, к дому подъезжаю в полной темноте. Не могу поверить, что всё позади. А они в этой же темноте ещё мчатся где-то по лесу»

Кто они, эти Друзья? Сумасшедшие? Возможно. Но очень симпатичные сумасшедшие.

Немного о Дюрере и выставке 2012 года

Lida, Вы правы. Портреты все удивительные. А графика? А тонко выписанные акварели? Хорошая была выставка в прошлом году.

Портретом Максимилиана I владеет Германский национальный музей, где всего несколько картин Дюрера.

Бывший дом Пеллера, ныне опустевшее здание Городской библиотеки, стоит на площади Egidienplatz. Это совсем рядом с замком Тухеров, в этом углу.

<https://www.google.de/#q=n%C3%BCrnberg+egidienplatz>

<http://www.franken-wiki.de/index.php/Egidienplatz>

В принципе стройку, я думаю, всегда можно осмотреть. В холле много фотографий с Домом Пеллера. Во внутреннем дворе каменотёсы работают часов до 4-х дня. Гостям, особенно зарубежным, всегда рады.

Ой, а тут и свеженькая почта. Открыли улицу Мульцера! Слева - обербургомистр, справа - наш предводитель, Карл-Хайнц Эндерле.

Lida, нет, на диссертацию книга не тянет. Отсутствует элемент новизны. Он был бы, если бы не оказался ошибкой. В первом и втором издании книги о Нюрнберге на странице 103 я пишу о пропитке деревянных балок фахверковых конструкций бычьей кровью (Ochsenblut). Вот это было даже не элементом новизны, а открытием исторического факта до тех пор, пока я не задумалась о нём. В литературе я всюду встречала такую приблизительно фразу «брусья покрывались Ochsenblut». Ну что я должна была думать? Этой весной я, наконец, нашла время, чтобы спросить у одного из Друзей, строителя по специальности: «Это действительно бычья кровь?» В ответ слышу: «Это название краски цвета бычьей крови». На самом деле фахверки в разное время и в разных городах были разных цветов, соответственно моде времени или городским традициям. Например, в соседнем с Нюрнбергом городе Фюрт на Рыночной площади стоят три фахверковых дома. У самого старого дома балки цвета бычьей крови, у второго - серого, а у третьего – жёлтого. В противопожарных целях балки покрывались специальной смесью, в которую входила глина соответствующего цвета. В Нюрнберге был принят цвет бычьей крови. Это традиция. Прошу прощения за то, что всех ввела в такое жуткое заблуждение. В третьем издании эта ошибка исправлена.

По поводу вопроса о балках фахверковых строений. Нам экскурсовод в Ротенбурге тоже о пропитке бычьей кровью рассказывал. Выходит это не так?

По-видимому, этот экскурсовод прочёл мою версию или настолько же профессионален в области строительства, как и я.

Наверное, многие из вас читали Керама "Боги, гробницы, учёные" в русском переводе. Там в самом начале главы о Шлимане написано "Это начиналось так: маленький мальчик стоял около могилы на кладбище в своей родной деревушке, расположенной высоко в горах, на немецкой земле Мекленбург." Переводчик не знал, что немцы-северяне говорят южанам - приезжайте к нам наверх, а южане - мы тут внизу ... .

Дорогие форумчане, я опять здесь и опять с уточнениями. Мои нюрнбергские друзья очень внимательно следят за моими выступлениями на Форуме. На этот раз речь идёт об армиллах. В пылу сочинительства я написала, что среди имперских сокровищ были четыре армиллы. Это не так.

Вот история армилл, описанная в книге.

Одним из ценнейших экспонатов музея является работа рейнско-мозельских мастеров по эмали (XII век) – медный позолоченный браслет, знак королевской власти, который надевался на предплечье или пришивался выше локтя к рукаву парадного одеяния. Это так называемая армилла.

Среди имперских сокровищ, хранившихся в Нюрнберге более 370-ти лет, имелись две армиллы, относящиеся ко времени правления Фридриха Барбароссы (XII век). Это были художественные композиции на тему библейской истории: «Рождение Христа» и «Подношение даров». Обе армиллы бесследно исчезли в 1796 году, когда сокровища переправляли из Нюрнберга через Регенсбург в Вену, спасая от революционных французских войск. К счастью, их изображения сохранились на рисунке Иоганна Адама Дельсенбаха.

В 60-е годы XIX века археологом и историком искусств, директором московского Румянцевского музея Г. Д. Филимоновым среди «хлама» в одном из Переяславских монастырей Владимирской губернии был найден медный позолоченный браслет на тему «Распятие». Парный ему браслет «Воскресение» был обнаружен в ризнице Владимирского Успенского собора. После революции оба браслета попали в Эрмитаж, откуда советским правительством в 30-е годы были проданы на Запад для приобретения валюты. Оба оказались в частных собраниях. Теперь «Воскресение» хранится в Лувре, а «Распятие» в 1978 году на аукционе Сотбис приобрел Германский национальный музей.

По мнению немецких экспертов, обе эти армиллы были изготовлены мозельскими мастерами по заказу императора Фридриха Барбароссы и относятся приблизительно к 1180 году. Неясно, составляли ли они с двумя исчезнувшими одно целое. Скорее всего, эти две пары были изготовлены разными мастерами. История появления армилл на Руси неизвестна. Существует множество гипотез, по одной из которых их связывают с именем князя Андрея Боголюбского. Однако, князь был убит в 1174 году, ранее предполагаемой даты изготовления армилл.

Первое издание (300экз.) окупилось за 4 месяца. Тогда мы точно рассчитали, чтобы вернуть деньги. Это была проверка, как пойдёт.

За второе (1000) мы вернули деньги летом (полтора года). Это были деньги моей знакомой, которая рискнула ими с надеждой получить их назад. К Новому году надо решить, издавать ли третий раз. Но, чтобы получить, действительно, прибыль, надо издавать несколько тысяч и соответственно иметь на это много денег, которые вернутся только через несколько лет. Так мне представляется. Вот такие мы издатели.

Я решила для тех, кто приезжает в Нюрнберг на день и желает сам пройти по городу, продолжить начатое – экскурсию по Старому городу, которую я взялась, было, писать на одной из предыдущих страниц.

Со временем, возможно, я сделаю краткий электронный путеводитель. Но этот вопрос мы обсудим с **Viktor**'ом. Надо ли, можно ли?

Итак, ещё раз смотрим на карту. Видим два города – северный с замком в левом верхнем углу ромба, выше реки, и южный (в нижнем правом углу ж/д вокзал). В южной части, откуда мы начали экскурсию, главная церковь – церковь Св. Лоренца. В северной – церковь Св. Себальда. Мы уже дошли до реки, перешли на правый берег, попали в северную часть. Госпиталь Св. Духа расположен на берегу и частично на острове.

Наш путь дальше идёт через Главную рыночную площадь, мимо ратуши и церкви Св. Себальда прямо к замку. Потом вниз по живописным улочкам до реки и по реке до Госпиталя Св. Духа.

Мы на Главной рыночной площади. 700 лет назад здесь, на болотистом берегу Пегнитца, теснились маленькие пригородные поселения, в том числе еврейское, окружённое стеной. Именно на это поселение пал выбор – здесь, после его сноса, планировали разбить две площади для города, который объединит обе части – на правом и левом берегах реки. От Карла IV было получено разрешение на снос еврейского поселения и синагоги. Прежде чем его снести, поселение разграбили и частично сожгли, при этом погибло около 500-т человек. Это первое занесённое в хроники Нюрнберга вытеснение еврейского населения столь жестоким путём.

В церкви Девы Марии (**Unsere Liebe Frau – Frauenkirche**), построенной на этом месте можно найти знак, напоминающий об этом трагическом событии. В каменный пол пространства хора перед главным алтарём в девяностые годы прошлого столетия вмонтировали изображение звезды Давида с датой погрома –

1349.

Эта церковь предназначалась для важных государственных церемоний, о чем свидетельствуют портик с балконом и поистине царственный её фасад, украшенный многочисленными гербами, среди которых – герб Священной Римской империи, гербы семи

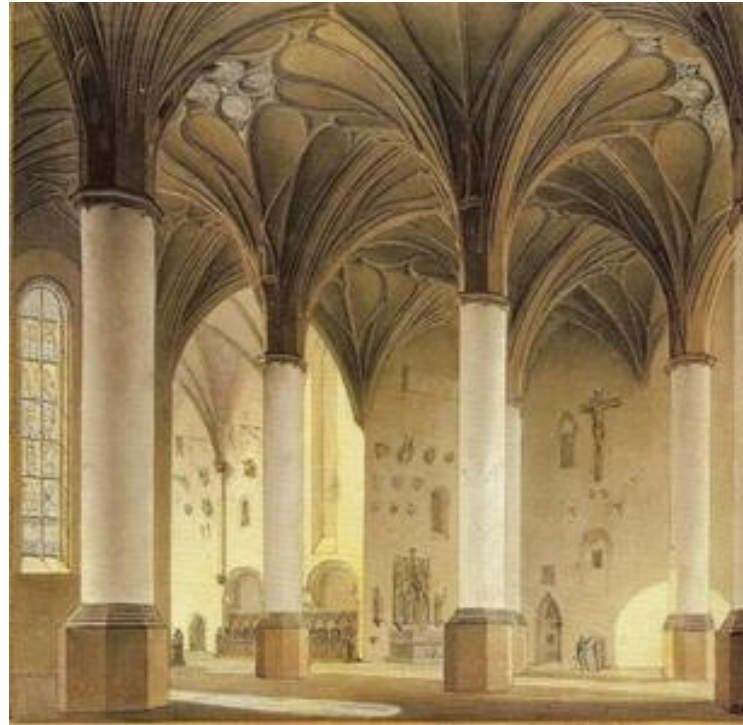
курфюрстов, имевших право избирать императора, а также городские гербы Нюрнберга и Рима. Её строительство связано с такими политическими событиями, как коронация Карла IV в качестве императора Священной Римской империи (1355) и принятие им свода законов «Золотая булла» (1356). Западный хор церкви, императорский, был освящён в честь святого Михаэля, не только предводителя Божьей рати против сил тьмы, но и ангела-хранителя немецкой нации и покровителя императора и империи. Западный фасад церкви украшают часы, каждый день в полдень оглашающие начало представления – под бой колоколов открываются дверцы, появляются семь курфюрстов, они проходят три раза мимо кайзера и присягают ему на верность. Предание гласит, что, по меньшей мере, однажды – при рождении сына Карла IV Вацлава (Венцеля) в Нюрнберге – с балкона Фрауэнкирхе народу показывали имперские сокровища.

Церковь зального типа – все нефы одинаковой высоты. Если со стороны главного алтаря посмотреть в направлении входа, то вверх увидим изумительную кружевную массверковую балюстраду ложи кайзера, переходящую в пространство хора святого Михаэля. Главный алтарь (1445–1450) был выполнен неизвестным нидерландским мастером на пожертвование семьи Тухеров, (**Lida!!!**), братьев Антона и Павла, для церкви Августинского монастыря (находился на нынешней Augustienerstr., в северной части Старого города). Церковь была снесена в первой половине XIX века. Алтарь попал в

церковь Девы Марии. Отец Альбрехта Дюрера водил сына в Августинский монастырь и показывал ему этот алтарь.

Вот здесь монастырская церковь, запечатленная перед сносом художником Вильдером.

На одном из углов огромной площади над источником, который издавна назывался Прекрасным, стоит высокая башенка с позолоченными фигурами. Здесь представлена история мира так, как она понималась в XIV столетии, когда ещё не было книг. Это - Брокгауз того времени, фигуры – пророки, герои, императоры, учёные. «**Прекрасный источник**» много раз реставрировался. В 1587 г. для него была выкована затейливая железная ограда-решётка. На юго-западной и северо-восточной частях ограды вставлены свободно вертящиеся кольца. Наиболее популярное из них «золотое кольцо». Говорят, что если кольцо покрутить и при этом загадать желание, то оно обязательно сбудется.

Остатки оригинала этого сооружения хранятся в Германском национальном музее. Копия здесь была поставлена около ста лет назад. Так как этот объект не относился к «переносимым» культурным ценностям, его замуровали. Покрытие сняли вскоре после окончания войны. И он стоял неповреждённый, сияя красками и позолотой на серой, пустой и разрушенной площади.

Чего только не происходило здесь на площади за эти семь столетий! Рыцарские турниры, народные сходы, ярмарки, в том числе Рождественские, здесь показывали имперские сокровища в день Святого Копья.

В Средневековье дети получали подарки не в Рождественский сочельник, как сейчас это принято, а в День Святого Николауса, 6 декабря, или в День Невинных детей, 28 декабря. Протестанты отказались от римско-католической формы почитания святых, и с большой вероятностью можно сказать, что именно Лютером вместо Николауса была изобретена символическая фигура Кресткинда, под которой подразумевался ангел, а вовсе не младенец-Христос. Теперь в разных областях немецко-говорящего пространства 25 декабря рождественские подарки раздают детям Николаус или Кресткинд - аналоги нашего Деда Мороза.

Традиция проведения **Рождественской ярмарки** сложилась к началу XVII века. Имеется документ 1737 года, в котором почти всех нюрнбергских ремесленников обязывают предоставить свой товар на Рождественской ярмарке. В XIX веке эта традиция потеряла своё значение. С приходом к власти национал-социалистов в 1933 году праздник Рождества вернулся на Главную площадь, уже в преобразённом, «романтическом» виде, и был использован для создания образа Нюрнберга, хранителя исторических традиций Германской нации. Тогда же утвердился порядок его проведения. В день святой Барбары, 4 декабря, Кристкиннд, ангел с золотыми локонами и золотыми крыльями, открывал праздник чтением «пролога» с балкона церкви Девы Марии. Всё это сопровождалось пением детского хора и звоном колоколов. В роли Кристкиннда тогда выступала актриса. После войны праздник постепенно приобрёл большую популярность, и из-за огромного количества гостей начало было перенесено на последнюю пятницу ноября, за четыре недели до Рождества. Ярмарка продолжается вплоть до 24 декабря.

Праздник Рождества вернулся в 1933 году. Фотографии 1935 года. На левой фотографии видны шпили церкви Св. Себастьяна и башенка Прекрасного источника. Справа – ажурный портал церкви Богоматери.

„Wir werden weitermarschieren,
wenn alles in Scherben fällt,
denn heute, da hört uns Deutschland
und morgen die ganze Welt.“

Мясной мост 1670 год – 1939 год

Площадь с трибунами. 1936 год. Нептун ещё здесь. Справа - церковь Девы Марии.

В тридцатые годы XX столетия тут проходили фашистские парады. Площадь застраивали трибунами. Где он стоял? Он стоял в открытом Мерседесе, спиной к ажурному фасаду церкви Девы Марии, на пути от Мясного моста к ратуше (западная часть площади), подняв руку в обычном для него приветствии. А мимо него шли колонны в сторону замка. Куда они шли?

Примечательный дом номер 15 на Главной рыночной площади (довоенный снимок) и исчезнувший дворик соседнего дома.

В этом доме жила аристократическая семья Бехаймов (Behaim). Не путать с зодчим Гансом Бехаймом Старшим (Behaim), больше трёх с половиной десятилетий курирующим архитектуру города. Он вышел из семьи мастеровых и, кроме фамилии, не имел ничего общего с патрицианской семьёй Бехайма.

Ко дню Святого Копья вплотную к этому дому строился помост для показа имперских символов власти. Здесь в эти дни хранились сокровища и два полотна Альбрехта Дюрера. Их случайно не заметил баварский король, после присоединения города к Баварии прибравший к рукам многие ценности Нюрнберга. Это два портрета императоров – Карла Великого и Сигизмунда. На голове Карла (742/748 — 814) имперская корона, относящаяся к X веку, та самая из собрания символов имперской власти. Здесь же изображён ранний герб империи (одноголовый орёл). Такой герб можно увидеть над центральным порталом здания ратуши.

<https://www.google.de/search?q=d%C3%BCrer+karl+der+gro%C3%9Fe&tbm=isch&tbo=u&source=univ&sa=X&ei=S4pWUtXRIMiVswa5qYCoAQ&sqj=2&ved=0CC8QsAQ&biw=1220&bih=591&dpr=1>

Точно неизвестно, каково было предназначение этих картин. Но известно, что картины были выполнены ко дню Святого копия. В настоящее время они находятся в постоянной экспозиции Германского национального музея.

На фасаде дома номер 15 – сцены из жизни знаменитого нюрнбержца Мартина Бехайма.

Уроженец Нюрнберга, аристократ и негодант, мореплаватель и картограф, математик и учёный, рыцарь португальского Ордена Христа и, по легендам, автор эскиза первого в мире глобуса состоял на службе у португальского короля. Таков в общих чертах образ Мартина Бехайма, создаваемый в течение последних четырёх столетий и временами доводимый до гротеска. На площади Theresienplatz в Нюрнберге стоит помпезный памятник «мореплавателю» (1837). Имя героя носят одна из гимназий в южной части Нюрнберга, городская улица и лунный кратер.

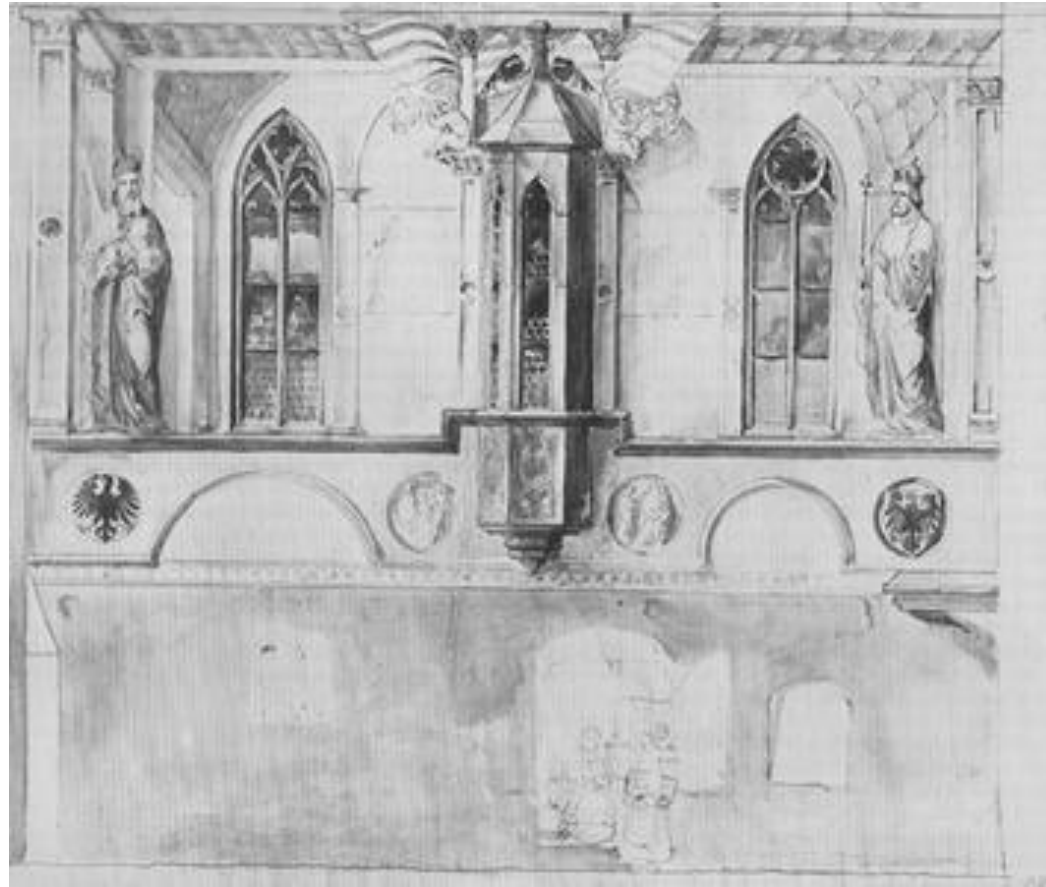
В последнее время о Мартине Бехайме, как первооткрывателе, мореходе и учёном, уже говорят не так часто. Знаменитый глобус, самый старый из сохранившихся, карту для которого предоставил Мартин Бехайм, в настоящее время хранится в Германском национальном музее и является его гордостью. Подробнее о Мартине Бехайме и глобусе напишу позже.

Дорога к замку идёт между ратушей (справа) и церковью Св. Себастьяна (слева).

Но прежде чем пройти вдоль фасада ратуши, поверните направо точно перед её торцом, чтобы рассмотреть самую старую часть комплекса (первая половина XIV века), примыкающую к новой части (XVII век).

Слева церковь Святого Себастьяна и здание ратуши. Вдали видны строения замка.

Рисунки с изображением восточного фасада Старой ратуши, стены которой покрыты иллюзорной живописью.

Старая ратуша с Готическим залом, с внешней стороны напоминающая церковь (стрельчатые окна с массверковым орнаментом), в то время слыла самым большим помещением севернее Альп, как здесь говорят. На внешних стенах этого здания ещё в конце XIX века сохранялись следы иллюзорной живописи, выполненной как будто Дюрером.

На восточном фасаде здания ступенчатый фронтон, каменный эркер (хёрляйн – типичный элемент нюрнбергского дома в период Барокко, первоначально – домашняя капелла, его обычно ставили на восточной стене). Здание выстроено из кирпича, что в то время было обычным. К этому зданию с северо-востока примыкает «Трактир Господ Советников», выстроенный Гансом Бехаймом Старшим, знаменитым нюрнбергским архитектором, который, собственно, и создал облик Нюрнберга на рубеже XV и XVI веков. Арка Госпиталя Святого Духа над рукавом Пегнитца, один из самых лучших видов города, – дело его рук (вид с Музейного моста). Огромное здание зернохранилища с мощной крышей между вокзалом и церковью Св. Лоренца, которое мы пробежали не заметив, тоже выполнено по его плану. Таких зернохранилищ сохранилось в городе четыре.

В корпусе флигеля правее «Трактира Господ Советников» рассмотрите обязательно чудом сохранившийся стрельчатый готический портал средневекового дома с рельефом в тимпане (верхняя часть под аркой).

Вернёмся к Готическому залу. Дюрер и его друг Виллибальд Пиркхаймер, учёный и гуманист, разработали иконографическую программу росписи внутреннего помещения зала. Это произошло в 1521-22 годах в ожидании приезда императора Карла V по случаю вступления его на престол. Кажется, новоиспечённый император так и не приехал. Но зал обновили, как и планировали.

Готический зал до войны. Правый снимок - восточная стена. В её центре, у хёрляйна, как алтарь стоит пустой уже ларь – в нём около 370-ти лет хранились символы императорской власти, о которых шла речь выше.

После бомбардировок от Готического зала остались только стены, южная стена - с проломом, между первым и вторым этажом провалилось перекрытие, которому было 600 лет. Если присмотреться к южному фасаду нынешнего здания, то можно заметить, что центральные окна отличаются от остальных обрамлением. Это новые окна. Пролом в стене осложнил возведение нового бочкообразного свода зала. Зал восстановили в 70-е годы только благодаря усилиям Друзей Старого города с большой финансовой поддержкой горожан. О восстановлении росписи, планируемой тогда и казавшейся само собой разумеющейся, постепенно забыли. Сейчас Друзья безуспешно пытаются поднять эту тему. Аугсбург и Нюрнберг всегда соревновались друг с другом. В ратуше Аугсбурга, от которой после войны остался остов с пустыми окнами, за счёт городских средств(!) восстановили Золотой зал, теперь посещаемый толпами туристов. А мы показываем гостям подземные пыточные камеры средневековой тюрьмы, находящиеся под нашей ратушей. Вот пока так.

Остатки Готического зала. 1945 год

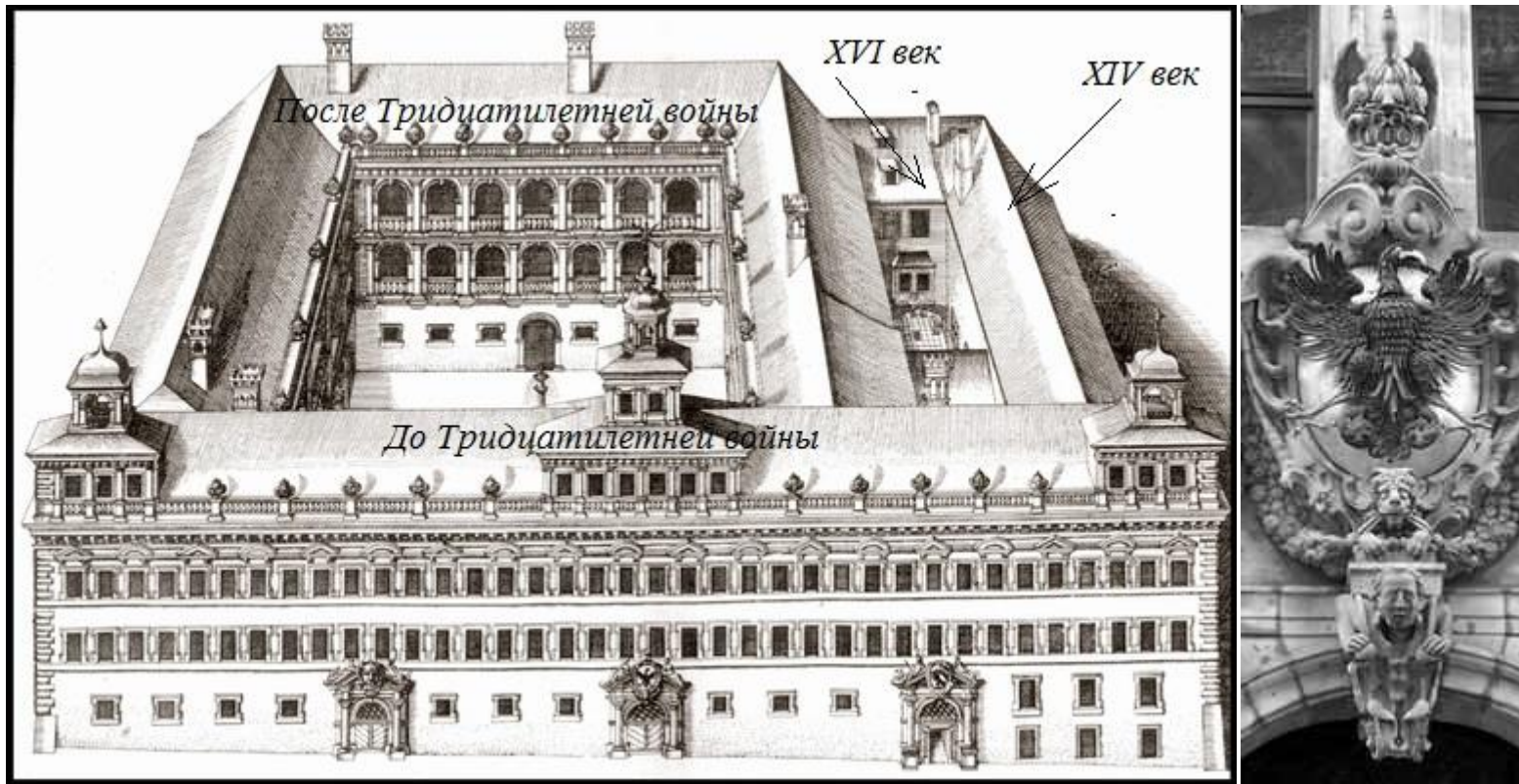

Вот так он выглядит сейчас, с белыми стенами.

В центре уютной, закрытой со всех сторон площади у здания Старой ратуши, на которой мы находимся, стоит фонтан Gänsemännlein («Мужичок с гусями»). Автор этой фонтанной скульптуры - нюрнбергский литейный мастер Панкрац Лабенвольф. Наш «Мужичок» настолько хорош, что Гёте, страстью которого была бронзовая пластика, заказал копию. Она стоит в центре Веймара. Копии фонтана можно найти в замке Хоэншвангау, Майнингене и в Люцерне (Швейцария).

Итак, мы рассмотрели снаружи самую старую часть ратуши с окнами Готического зала. Слева от неё дворец с тремя порталами, перед которыми мы свернули направо. Он стоит напротив мощного хора церкви Св. Себастьяна. Это новая или не очень новая часть ратуши, она относится к первой половине XVII века. Потом будут достроены задуманные Якобом Вольфом флигели этой части, которые замкнут внутренний двор. В начале XX века добавятся здание с северной стороны и с восточной, а после войны - здание, стоящее ныне на Главной рыночной площади.

Ратуша. Рисунок Маттеуса Мэриана Младшего. 1656 год. Между прочим, ученик Иоахима Сандрарта, о котором речь впереди. Герб над центральным порталом ратуши

«В 1616 году Городской совет Нюрнберга решил возвести новую ратушу в духе времени – по образцу итальянских дворцов. Однако здание получилось не вполне итальянским, за что мы должны быть благодарны гениальному зодчему Якобу Вольфу Младшему, спланировавшему этот комплекс. Впервые в архитектурной истории города с вертикально ориентированным готическим типом зданий появился монументальный, вытянутый по горизонтали дворец с совершенно неизвестными в Италии башенками. Благодаря этим надстройкам, напоминающим готические эркеры на крышах Нюрнберга, ренессансно-барочное здание ратуши не контрастирует с городскими строениями. Старая ратуша с Готическим залом была сохранена, новые корпуса примыкают к ней с северной стороны. Жертвой строительства пал западный фасад старой ратуши.

Якоб Вольф Младший, автор проекта новой ратуши, был сыном городского архитектора Якоба Вольфа Старшего, участвовавшего в создании моста Fleischbrücke (Мясной мост) и Дома Пеллера. Городской совет отправил молодого мастера в Италию для изучения «нового искусства». Первым его заказом по возвращении в Нюрнберг было здание городского строительного управления, построенное незадолго до Тридцатилетней войны, в 1615 г. Это здание ещё и сегодня занято Городским департаментом по строительству (Bauihof, юго-запад Старого города). Успешное завершение первого заказа определило следующий – возведение новой ратуши. В своём проекте Якоб Вольф использовал лучшие элементы уже построенного им здания: рельефную облицовку углов (рустика), обрамление портала и окон, одним словом, всё очарование южной архитектуры, пленившей его в Италии. Мастер находился в расцвете творческих сил. Это был человек, любящий жизнь, общительный, весёлый, не было трактира, в который он, проходя мимо, не

зашёл бы. В архиве сохранился документ, где всем предписывается «воздерживаться от попок с мастером Якобом Вольфом». Но предупреждения не помогли, и, в конце концов, Городской совет отстранил мастера от руководства строительством. Вскоре стало ясно, что без автора работа над ратушей не движется, и его вновь пригласили её возглавить. При этом «мастеру Вольфу запрещено посещать попойки и трактиры», но «разрешено выпивать ежедневно поллитра вина». Жене мастера предписано следить за мужем, не позволяя ему принимать спиртное выше назначенной меры. Эти указания были выпущены в июле 1619 года, а в феврале следующего года Якоб Вольф ушёл из жизни, оставив своей семье огромные долги.

С большой вероятностью можно сказать, что в бюсте под гербом империи над главным порталом ратуши он увековечил себя. Прошло три года, прежде чем строительство ратуши было закончено, да и то без восточного флигеля. В Европе началась страшная война, названная впоследствии Тридцатилетней. Понадобилось несколько десятилетий, чтобы достроить задуманный Якобом Вольфом комплекс. Его главный фасад украшают три портала с колоннами тосканского ордера, треугольными фронтонами и красочно выполненными гербами (имперский и два городских). Над центральным порталом покоятся две мощные женские фигуры: Справедливость с мечом и весами и Мудрость с зеркалом и ветвью кипариса. Четыре буквы (P.L.E.G.) на картуше над орлом, означающие «Prudentia, Lege et Gratia» (лат. – Благоразумие, Закон и Милость), вместе с пеликаном, разрывающим свою грудь, чтобы кровью напоить птенцов, - символы, под знаком которых правил Городской совет. Имперский герб над центральным порталом был выполнен Кристофом Ямнитцером, внуком известного златокузнеца Венцеля Ямнитцера. В нашей Оружейной палате в Москве хранятся работы этих мастеров!

Над крайними порталами возлежат фигуры аллегорий четырёх великих властителей мира. Над северным – Нинус с двукрылым львом, олицетворяющий «город», (Ассирийско-Вавилонская империя) и Кир Великий с медведем (Персидское государство). Над южным порталом – Александр Македонский (Великий) с четырёхкрылым и четырёхголовым леопардом (империя Александра Великого) и Цезарь с десятирогим волком (Римская империя)». Вспомните «учение о четырёх империях», о котором речь шла выше.

<http://de.wikipedia.org/wiki/Vier-Reiche-Lehre>

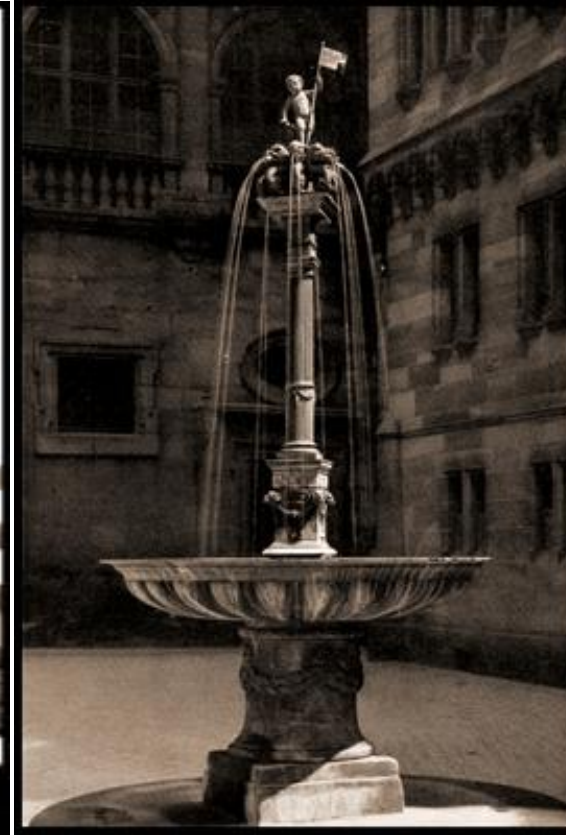
Герман Гессе, писатель «Посещение Нюрнберга», 1928

В глубине души в этом готическом городе я ожидал увидеть всевозможные чудеса, надеялся на встречу с духом Гофмана или Вакенродера, но ничего такого не случилось. Город произвёл на меня ужасное впечатление, хотя только я сам в этом виноват. Я увидел поистине восхитительный старый город, богаче чем Ульм, оригинальнее, чем Аугсбург, я увидел церкви Св. Лоренца и Св. Себальда, увидел ратушу и её двор, где стоит невыразимо прелестный фонтан. Я увидел всё это. И это было замечательно. Но сейчас здесь всё перестраивается бессердечной, безрадостной и деловой городской властью. Всюду треск моторов, грохот автомобилей, всё дрожит от темпа другого времени, когда не строятся ни божественные своды, ни фонтаны, прелестные как цветы в тихом дворике. Всё выглядит так, как будто в ближайшие часы это всё обрушится, потому что теперь нет в этом надобности и уже нет души. Что за прекрасные, что за восхитительные вещи увидел я в этом безумном городе! И не только известнейшие достопримечательности, церкви, фонтаны, Дом Дюрера, крепость, но и множество мелких, случайных вещей, которые мне, в сущности, еще милее. Аптека «Zur Kugel», где я купил себе новый стаканчик для промывания глаз, расположена в большом, красивом старом доме, в витрине которого выставлено чучело маленького крокодилчика с яичной скорлупой и много других подобных вещей. Но всё это буквально ничто, так как я видел всё это в облаках выхлопных газов проклятых машин, всё закапывается, всё вибрирует от жизни, которую я воспринимаю не человеческой, а дьявольской, всё предназначено умереть, превратиться в пыль. <...>

Аптека «Zur Kugel», кстати, ещё сохранилась. Прямо на углу напротив ратуши и церкви Св. Себальда. Только крокодилчика на витрине уже нет.

http://www.google.de/imgres?biw=1220&bih=591&tbm=isch&tbnid=GqOJMlxCHIAAgM:&imgrefurl=http://www.nuernberg-aha.de/kunst_am_bauwerk/01_hausfigur_goldene_kugel.html&docid=v7UVThtxCEe4zM&imgurl=http://www.nuernberg-aha.de/kunst_am_bauwerk/01_hausfigur_goldene_kugel.jpg&w=560&h=560&ei=b41WUsKfHMrStAbPzYDgDQ&zoom=1&iact=hc&vpx=146&vpy=180&dur=4639&hovh=224&hovw=224&tx=86&ty=148&page=1&tbnh=145&tbnw=137&start=0&ndsp=20&ved=1t:429,r:1,s:0,i:83

Послевоенная ратуша. Фонтан «Купидон» во внутреннем дворе ратуши. Довоенный снимок. Если фонтан работает, раковина поёт. Прислушайтесь.

Ещё немного о Готическом зале Ратуши. Здесь на троне император принимал присягу горожан. Здесь 3 марта 1525 года для проведения религиозной дискуссии собралась политическая и духовная элита города. Это был один из начальных моментов реформы церкви. 25 сентября 1649 г. торжественным обедом в Готическом зале ратуши отмечалось окончание Тридцатилетней войны. Вестфальский мир был подписан в 1648 г. в Мюнстере и Оснабрюке. В Нюрнберге состоялась его ратификация (конгресс по исполнению мира). Это событие запечатлено на картине Иоахима Сандрарта. Она висит сейчас в Городском музее в Фембохаусе. Участники торжественного обеда в прямом смысле были пронумерованы художником – он приложил к картине две доски с именами исторических персон, соответствующих этим номерам. На переднем плане – сам художник с мольбертом.

Гравюра Ф. Килиана по картине Сандрарта.

Праздник был всенародным. Во втором окне справа от торца на втором этаже новой тогда ратуши стояла статуя льва, из пасти которого на площадь лилось попеременно красное и белое вино для народа. Лев этот также хранится в Городском музее Фембохаус.

Слева Городской музей Фембохаус

Это дворик дома, который восстановили Друзья. Untere Krämergasse 16. Найти его можно, пройдя по Obere Krämergasse – чуть выше Фембохауса. Лестница вьётся вокруг фигурного столба, вырезанного из одного ствола дерева. Почти всегда, исключая воскресенье, дворик открыт. Здесь же мастерская кукольного доктора.

Lida, я никогда не была в ресторане ратуши, в котором Вы видели портрет Валленштайна. Поэтому ну просто ничего не могу сказать. Очень странно, что там висит его портрет. Это не наш герой. Наш герой – шведский король Густав Адольф. На юго-востоке за стенами Старого города, в нынешнем городском районе Lichtenhof, находится один из бывших замков, которые в период Средневековья плотным кольцом окружали Нюрнберг и первыми брали на себя удар врага. Это Petzenhof. Более четырёх столетий он принадлежит нюрнбергской аристократической семье Петц. Для посещений закрыт. Этот замок-башня был штаб-квартирой шведского короля.

<http://www.nuernbergwiki.de/index.php/Lichtenhof>

<http://de.wikipedia.org/w/index.php?title=Datei:Petzenschloss.jpg&filetimestamp=20070710194542&>

Остатки рва вокруг этого замка.

http://de.wikipedia.org/w/index.php?title=Datei:Petzenschloss_Graben_1.jpg&filetimestamp=20070710202607&

Сто лет назад рядом с этим замком построили церковь в память о шведском короле Густаве Адольфе.

<http://www.gustavadolfgedaechtniskirche.de/>

<https://www.google.de/search?q=N%C3%BCrnberg+gustav+adolf&tbm=isch&tbo=u&source=univ&sa=X&ei=HblNUszaGcrAswb78IHQAQ&ved=0CGIQsAQ&biw=1366&bih=599&dpr=1>

Ночевал шведский король и в Доме Пеллера, в холле которого висит рельеф с его изображением. В доме Пеллера, как и во многих других аристократических домах Нюрнберга, была комната «для царствующих особ», которую мог использовать и император. Густав Адольф останавливался и в доме «Grüner Baum» в городе Фюрт, в шести км от Нюрнберга, где нежно хранят память о короле. На стене городской церкви тоже можно найти рельеф, посвящённый любимому герою.

В Нюрнберге есть станция метро Gustav-Adolf-Straße, здесь можно увидеть копии картины Сандрарта «Торжественный обед мира» и портретов Валленштайна и Густава Адольфа кисти А. ван Дейка.

Это конечная станция ветки номер 3, поезд без водителя (!). Здесь есть улицы имени фельдмаршала Тилли, Валленштайна и Густава Адольфа. Отсюда идут автобусы в деревню Zirndorf – место, где в 1632 году состоялась или не состоялась битва между Валленштайном и Густавом Адольфом. Гора называется Altenberg. Там сохранились остатки укреплений (Alte Veste). Настоящие ли они, не знаю. И смотровая башня, на которую можно подняться. Разумеется, не сохранившаяся, её построили в начале XIX века, это последний вариант.

http://www.holidaycheck.de/vollbild-Aussichtsturm+Alte+Veste+Wallensteinweg-ch_ub-id_1158065135.html

http://www.holidaycheck.de/reisetipp-Urlaubsbilder+Aussichtsturm+Alte+Veste-ch_ub-zid_72541.html

Музей Цирндорфа проводит экскурсии, посвящённые Валленштайну.

<http://www.zirndorf.de/Wallensteinfuehrungen.o2774.html>

А вот исторический экскурс по территории бывшего лагеря Валленштайна.

<http://www.sockenqualmer.de/FreizeitGrp/Themen/Orte,Gebiete/LkrFue/FGB%20Heft%204%202006.pdf>

Вот ещё одна реконструкция этого события давно минувших дней.

http://www.vgn.de/ib/site/documents/media/53bb65a6-991d-74ea-75ea-e89f2e1e53a8.pdf/fue_tour5_inter.pdf

И на закуску или на десерт нюрнбергский художник Gustav Philipp Zwinger (1779 - 1819). Двор Hertelshof. Городской пейзаж.

Behaim und Beheim (Мартин Бехайм и Ганс Бехайм Старший)

Два Бехайма, два нюрнбержца, живших в одно время. Первый - выходец из аристократической семьи, прославившийся участием в создании глобуса, старейшего из сохранившихся ныне. Второй больше трёх с половиной десятилетий курировал архитектуру города.

Мартин Бехайм (1459 – 1507)

В поисках материала о Мартине Бехайме на домашней интернет-странице нюрнбергской гимназии его имени я обнаружила очень интересные сведения, опирающиеся на книгу Петера Брэнляйна, вышедшую в 1992 году (Bräunlein, Peter, Martin Behaim: Legende und Wirklichkeit eines berühmten Nürnbergers, Bamberg). Я эту книгу не прочла, а проглотила как детектив. Мне предстоял выбор между двумя версиями – официальной и версией Брэнляйна. Последняя мне показалась более реальной, не зря же она выставлена на странице гимназии, а также в немецком варианте Википедии. И я выбрала её. *Уроженец Нюрнберга, аристократ и негодник, мореплаватель и картограф, математик и учёный, рыцарь португальского Ордена Христа и, по легендам, автор эскиза первого в мире глобуса состоял на службе у португальского короля. Таков в общих чертах образ Мартина Бехайма, создаваемый в течение последних четырёх столетий и временами доводимый до гротеска. На площади Theresienplatz в Нюрнберге стоит помпезный памятник «мореплавателю» (1837). Имя героя носят одна из гимназий в южной части Нюрнберга, маленькая городская улица и лунный кратер.*

Из того немногого, что известно о Бехайме, трудно составить верное представление об этой легендарной личности. В молодые годы он покинул родной город и большую часть жизни провёл в Португалии и на Азорских островах, умер на чужбине. Сведения об отрезках его жизни, вызывавших наибольший интерес, практически отсутствуют. Благодаря этим обстоятельствам его имя уже при жизни окружили легендами, что позволило бурно разыграться фантазии потомков. Семья Бехаймов принадлежала к городской аристократии, их дом находился на Главной рыночной площади у «Прекрасного колодца», дом номер 15. Известно, что семнадцатилетнего Мартина после смерти отца дядя отправил учиться к одному купцу тканями в Антверпен. Известно, что в 1483 г. он прибыл на короткое время в Нюрнберг, но потом вернулся в Антверпен. В городском архиве имеется письмо этого времени, подписанное Бехаймом. В нём он сообщал, что отправляется в длительное морское путешествие и в случае смерти просит купца Шлевитцера заплатить его долги из причитающейся ему доли наследства. В Антверпене Мартин Бехайм свернул свои дела и отправился в Лиссабон. Торговые отношения между Фландрией и Португалией развивались в то время очень живо. Возможно, в Антверпене Бехайм вошёл в контакт с фламандскими купцами. В 1485 г. король Португалии как будто посвятил Бехайма в рыцари военного португальского Ордена Христа, созданного вместо подвергнутого гонениям Ордена Тамплиеров. Вскоре Бехайм женился на

дочери наместника острова Файял (Азорские острова), выходца из Фландрии. Таким образом он вошёл в португальскую аристократическую семью и приблизился к королевскому двору. Через год после бракосочетания у Бехайма появился сын, названный именем отца.

В августе 1490 г. дела, связанные со вступлением в права наследства после смерти матери, привели его в Нюрнберг, где он прожил последующие три с лишним года. В этот довольно долгий период своего пребывания в Нюрнберге Бехайм обратился к членам Городского совета с идеей создания глобуса. Идея нашла отклик. Глобус

изготовили мастера-ремесленники, а о карте для него «заботился» Бехайм. Работа по росписи глобуса была выполнена художником-миниатюристом Георгом Глокендоном.

В 1494 г. по пути через Фландрию на Азорские острова Бехайм попал в руки английских пиратов и оказался в Англии в тюрьме. Измена жены разорвала его отношения с ней и её семьёй, а смерть тестя стала поводом отлучения Бехайма от португальского королевского двора. Умер он совершенно обедневшим в госпитале Лиссабона в июле 1507 г.

Это всё, что доподлинно известно о Бехайме. Упоминание о нём в городском архиве можно встретить только в долговых книгах и штрафных актах. А загадочное посвящение Бехайма в рыцари королём Португалии повлекло за собой массу домыслов и предположений относительно повода, вызвавшего это событие. Отсюда и появление версии об особых заслугах Бехайма в португальских колониальных завоеваниях. Сын Мартина Бехайма после смерти отца посетил Нюрнберг и в церкви монастыря Св. Катарины установил в его честь памятные лампаду и доску, где изображён коленопреклонённый Бехайм. На ней нет никаких признаков рыцарского ордена.

Глобус, созданный при участии Мартина Бехайма, не являлся его изобретением. За 15 лет до этого немецкий космограф и космолог Донус Николаус Германус по заказу папы изготовил земной глобус для Ватикана. На глобусе Бехайма, считавшимся последним документом такого рода до момента признания открытия Америки, Америка, разумеется, отсутствовала. Он еще оставался действительным некоторое время после этого события. На карте глобуса с ошибками изображён даже европейский материк: неверно изображение русел некоторых рек Германии, неверен контур морского побережья Германии. Побережье Африки и контуры Азорских островов, на одном из которых жил Мартин Бехайм, вычерчены неправильно.

Поверхность знаменитого глобуса испещрена надписями такого рода:

«...здесь растут всевозможные пряности... а также мускат...» (на экваторе в районе Африки),

«...здесь много драгоценных камней, восточного жемчуга...» (на Цейлоне),

«...здесь растёт мускат, корица, много лесов, а также сандаловое дерево, на этом острове много рубинов, изумрудов, топазов и сапфиров, а также восточного жемчуга» (южнее Индии).

До XVII в. глобус хранился в ратуше, позже он был передан семье Бехаймов. В 1823 г. его случайно нашли в амбаре. Это событие совпало со временем, когда пробудился большой интерес к немецкому Средневековью, и Нюрнберг, интенсивно превращаясь в большой индустриальный город, вспомнил своё великое прошлое, установил ряд памятников своим знаменитостям и украсил фасады домов картинами с историческими сюжетами.

Фантазии нюрнбержцев перешли все границы, и Бехайм некоторое время считался советником Колумба. Таким образом, появилось допущение, что Бехайм открыл Азорский остров Файял, потом Америку и прошёл даже по будущему Пути Магеллана. Между тем, открытый Колумбом «новый остров» (Америка) не был принят современниками с каким-то особенным вниманием. Это событие было оценено позже уже благодаря публикации Америго Веспуччи. Нет никаких свидетельств о том, что Бехайм и Колумб были знакомы и когда-либо встречались.

В 1861 г. в Нюрнберге проходил большой Праздник песни, и дома нюрнбергских знаменитостей были украшены их изображениями огромного формата. На доме Бехайма были три картины:

- Бехайм сидит в кабинете со своим глобусом;

- Бехайм встречает в гавани Лиссабона своего друга Колумба;

- Португальский король вручает Бехайму ленту Ордена Христа.

В 1890 г. произошло праздничное открытие памятника герою, портрет которого автору предоставила семья Бехайма. Тогда впервые был отреставрирован найденный глобус, и была изготовлена его копия для Французской национальной библиотеки.

Площадь Theresienplatz с памятником Мартину Бехайму. 1918 и 1948.

С 1906 г. знаменитый глобус хранился в Германском национальном музее, оставаясь собственностью Бехаймов. В период нацизма стала появляться литература, отражавшая немецкую колониальную историю. Африка в ней всегда связывалась с именем Бехайма, превращённого нацистской пропагандой в предвестника немецкой колониальной политики – «он был первым немцем, увидевшим устье Конго». Но в списках португальских экспедиций того времени имя Мартина Бехайма отсутствует. Устье Конго было открыто португальцем Диего Као в его второй экспедиции вдоль западного побережья Африки. На двух мысах, им открытых, были установлены каменные стелы с именами всех участников экспедиции. Имени Бехайма в этих списках нет. В 1937 г., когда семья Бехаймов хотела продать глобус Америке, по распоряжению Гитлера он был выкуплен и передан во владение Германскому национальному музею. В последнее время о Мартине Бехайме, как первооткрывателе, мореходе и учёном, уже говорят не так часто. Знаменитый глобус, самый старый из сохранившихся, в настоящее время является гордостью Германского национального музея.

Для сравнения посмотрите жизнеописание Мартина Бехайма в Википедии на языках – русском, немецком и английском.

<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BC,%D0%9C%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%BD>

http://de.wikipedia.org/wiki/Martin_Behaim

http://en.wikipedia.org/wiki/Martin_Behaim

Ганс Бехайм Старший (ок. 1465 – 1538)

Говоря о Нюрнберге конца XV – начала XVI в., когда здесь творили Альбрехт Дюрер, Адам Крафт, Файт Штосс и Петер Фишер, нельзя не вспомнить имя зодчего Ганса Бехайма Старшего, больше трёх с половиной десятилетий курировавшего архитектуру города.

Он вышел из семьи мастеровых и, кроме фамилии, не имел ничего общего с патрицианской семьёй Бехайма. Впервые имя Ганса Бехайма упоминается в одном из документов городского архива, датированном 12 сентября 1491 г., где сообщается, что каменотёс Бехайм назначен руководителем работ в каменоломне. К 1503 г. под его руководством уже было построено несколько больших зданий, и вскоре он – «главный архитектор» города. В этой должности Бехайм проработал до конца своей жизни. Количество работников, находящихся под его руководством, исчислялось двумя сотнями. Его современник Иоганн Нойдёрфер так описал «городского мастера»: «Набожный и богобоязненный человек, очень приветливый с рабочим людом. Всеми, даже Городским советом, уважаемый, почитаемый и любимый». Первым большим строением, возведённым Бехаймом, стал так называемый Уншлихтаус (площадь Unschlittplatz, у Моста Палача), первоначально предназначенный для хранения зерна. Его подвальный этаж – бывший ров, часть Второго кольца укрепления. Имя своё (Unschlitt – сало) это здание получило в связи с тем, что здесь долгое время готовили сырьё для мыла, свечей и колёсной мази, для чего мясники обязаны были сюда сдавать сало.

Уншлихтаус

В последующие полтора десятилетия им было построено несколько подобных зданий с массивными высокими крышами и многочисленными эркерами на них. Это, прежде всего, здание Кайзеровских конюшен (1494-95), гармонично вписавшееся в силуэт всего укрепления на скале между Пятиугольной башней и башней Luginsland.

Пятиугольная башня, Кайзеровские конюшни и башня Luginsland

Мощное здание Mauthalle (1498–1502) в южной части Старого города (между жел.-дор. вокзалом и церковью Св. Лоренца по улице Königstraße) построено в качестве зернохранилища (бывший зал таможни, сейчас здесь пивной подвал Varfüßer). Оно стоит точно на линии укрепления города Лоренца. Современные посетители пивного зала Varfüßer сидят на дне бывшего рва вокруг южной части города.

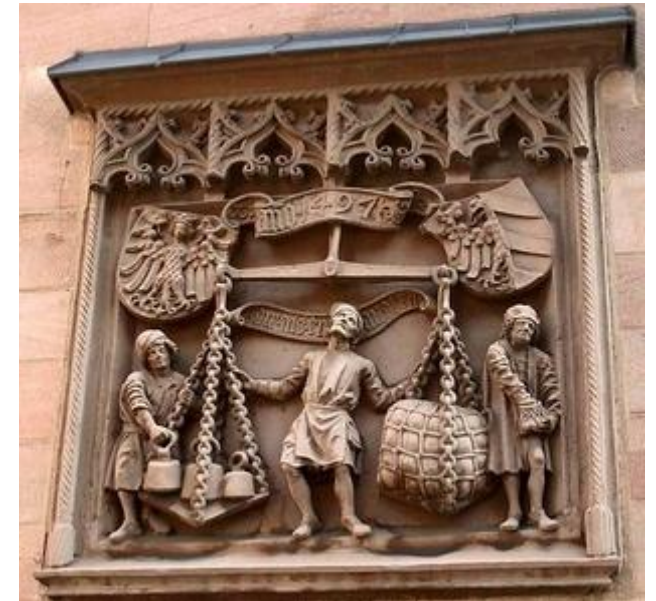
Здание Mauthalle в 1935 году и подвал Маутхалле в 1942 году

Здание Mauthalle в 1944 и в 1952 годах

Все строения Бехайма в архитектурном отношении простые, ясные и спокойные. Для их декоративного оформления мастер часто приглашал Адама Крафта. Так, на зданиях Mauthalle и Кайзеровских конюшен и сегодня можно увидеть его рельефы. И Бехайм, и Крафт по своей сути были мастерами поздней Готики, и оба приняли «явление» Ренессанса, не ломая при этом свою личность и не меняя пристрастий. Поэтому их совместные работы всегда выглядят очень гармонично. Здание таможни, «Весы» (северная часть Старого города), было возведено при Бехайме и не было похоже на здания зернохранилищ. Заморские грузы на телегах проходили через его широкие ворота и попадали в большой просторный зал. Здание украшал рельеф Крафта «Весы», относящийся к выдающимся светским скульптурным произведениям конца Средневековья. Оригинал рельефа в настоящее время – в Германском национальном музее, копия – на стене нынешнего здания Торговой палаты по ул. Winklerstraße. Здесь приезжие негоданты взвешивали свой товар и платили пошлину, что и демонстрирует эта выразительная сценка. Здание «Весы» не восстановлено. Запомните это имя – Адам Крафт, каменотёс и скульптор. О нём расскажу позже обязательно.

Реконструкция строений Госпиталя Св. Духа в XV веке была непростой задачей. После многочисленных неудач предшественников Бехайму удалось мощным арочным мостом соединить два здания на разных берегах Пегница. Этот комплекс теперь является одной из самых замечательных архитектурных достопримечательностей Нюрнберга. В любом наборе открыток или фотографий Старого города всегда можно найти вид Госпиталя Св. Духа с Музейного моста.

Госпиталь Святого Духа. Снимки 1939 и 1945 гг. Бомбёжки не повредили арочный мост, созданный Бехаймом около 1500 г.

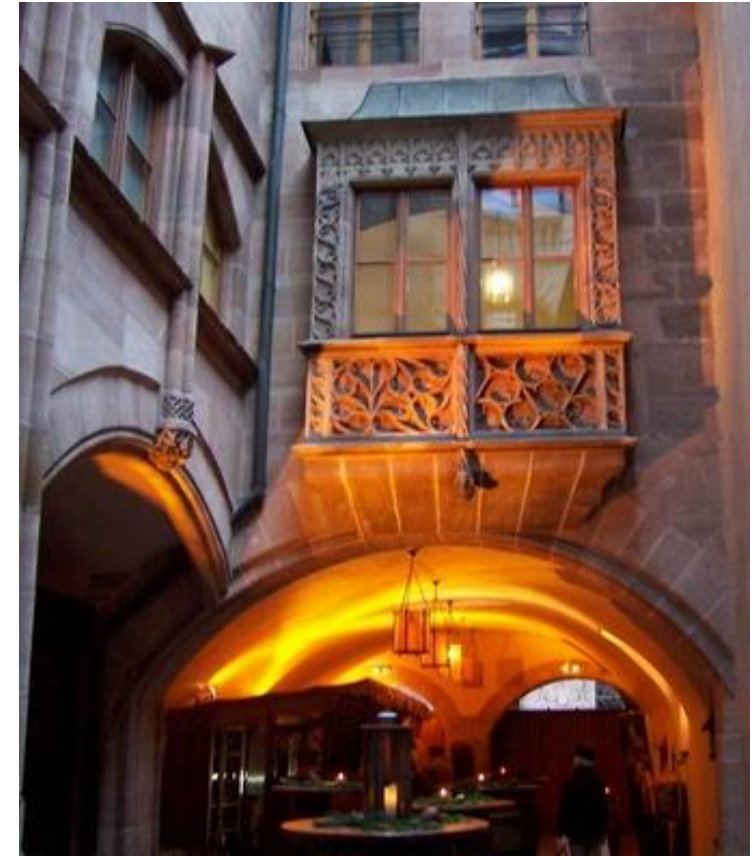

И сегодня

Капелла Всех Святых. Гравюра Г. Х. Вильдера. 1836 год.

Первым церковным зданием, созданным Бехаймом, была капелла Всех Святых для богадельни состарившихся и обедневших мастеровых, Дом Двенадцати Братьев (1506-07, у ворот Laufertor). Капелла восстановлена. Сейчас она принадлежит гимназии, расположенной рядом с ней. Осмотреть её, к сожалению, не так-то просто. Это можно сделать в «день открытых памятников» или по знакомству с кем-то, работающим в гимназии.

В 1514–22 гг. Бехайм расширил и реконструировал комплекс зданий ратуши. Современники поражались красоте обновлённых Малого и Большого дворов ратуши. Сам мастер эту свою работу называл «заплатками» и для имперского города намеревался построить новую ратушу.

В этот дворик ратуши, созданный Бехаймом, можно войти через правый портал ратуши. Здесь же вход в тот самый ресторан, о котором писала Lida.

Вспомните западный фасад церкви Богородицы на Главной рыночной площади, о которой речь шла выше. Он тоже дело рук Ганса Бехайма.

Под его руководством были возведены церковные строения в Поппенройте под Фюртом. Следы творчества мастера можно найти в Бамберге и Ансбахе, к нему обращались за советами из Ульма, Аугсбурга и Регенсбурга. Собственно, Ганс Бехайм Старший и был создателем облика средневекового Нюрнберга, именно его строения определили неповторимый стиль города.

Фриц Надлер, немецкий историк литературы и писатель

«Старый Норис поражён в самое сердце», 8–15 марта 1943 г.

8 марта в городе ещё можно было выпить кофе, придерживая горячую чашку рукавом рубашки. Это так приятно согревало. Дарованное спокойствие дня не нарушил ни один налёт. Было ли это хорошим или плохим признаком? Неприятный ответ на этот вопрос пришёл поздно вечером. Около одиннадцати оглушительно загрохотали зенитки. Началась вражеская ковра́вая бомбардировка. Ответа с немецкой стороны не последовало, так как опытные зенитчики вместе с орудиями были отправлены на русский фронт, как потом объяснил знакомый мне 15–16-летний школьник, работавший около двух недель помощником зенитчиков.

Комментарий излишен! <...>

Трижды наступали паузы, трижды нюрнбержцы выползали из подвалов. И трижды загонялись они под землю. Около трёх ночи опять послышался шум моторов.

Может быть, они хотели убедиться, достаточно ли хорошо горит город партийных съездов. <...>

С улицы Marienbergstraße было видно, что между Мёгельдорфом с востока и Фюртом с запада бушевал гигантский пожар. Я поехал на велосипеде по направлению к центру города, впереди маячила крепость, ярко освещённая огнём. Навстречу мне шли толпы бездомных людей, потерявших всё, кроме своей жизни и того, что они несли с собой. Горели почти все улицы, пересекавшие улицу Bayreutherstraße. «Томми-лётчики» сбросили тонны тяжёлых и лёгких зажигательных бомб, мин, канистр с фосфором и Бог знает чего ещё. На улице Königstraße дома горели и слева и справа. В огромном здании Mauthalle бушевало пламя, его можно было бы сравнить с Везувием – гигантские языки огня выбивались из всех бесчисленных окон здания. Стены были черны, как уголь. Никто не гасил огонь. Не было воды, не было пожарных, не было людей. Площадь Kornmarkt невозможно было пересечь – воздух здесь был раскалён. <...>

В Пегнице отражались горящие силуэты домов, не отражались в воде только бараки острова Trödelmarkt, их просто уже не было – исчезла известная нюрнбергская «Тремпала», блошиный рынок. Его сравнивали с парижскими рынками и даже с Лейпцигской ярмаркой. Чудный кусочек старого Нюрнберга, маленький остров между двумя рукавами Пегница, северный берег которого назывался «Маленькой Венецией», горел ярким пламенем. Ни одной капли воды из реки не пролилось на это пекло. Некому и некого было просить о помощи. <...>

В северной части Старого города царил хаос. На улицах лежали люди, задыхающиеся, обожжённые, убитые. Церковь Св. Себальда, капелла Св. Морица вместе с пятисотлетним трактиром Bratwurstglöcklein и бронзовый памятник Дюреру устояли. Из задымленного переулка Krämergasse я увидел башню Sinwell-turm, возвышающуюся на скале. Незначительно повреждён осколком бомбы дом в переулке Obere Schmiedgasse, в подвале которого находится вход в бункер под скалой. Без сомнения, ничего не могло случиться с имперскими сокровищами, помещёнными сюда в первые дни войны. <...>

Утро 3 января 1945 г.

Этой ночью в Нюрнберге никто не спал. Город мёртв. Но жизнь продолжается, и жители бывшего Старого города, нагруженные как муравьи, подобно привидениям пробираются по узким дорожкам, проложенным среди развалин. Моя затея добраться до крепости на велосипеде была почти безнадежной.

Кайзеровские конюшни, мощное строение Ганса Бехайма с его двойными окнами, как будто бы сдуло ветром. В нём было молодёжное общежитие. Ещё перед Рождеством здесь проводили военные учения, нюрнбергских мальчишек готовили к катастрофам. Теперь под огромной грудой камней и мусора ищут тело районного руководителя молодёжи доктора Рашке, нашедшего здесь вместе с несколькими молодыми людьми свою смерть.

Из исторического здания управления крепостью буквально высосаны камни. Остался его фахверковый деревянный каркас из толстых брёвен. Сейчас он выглядит как гигантская птичья клетка. Стоит обгоревшая Языческая башня, от башни Luginsland остался только короткий обрубок, тяжёлым каменным кубом, лежащий во рву. Башня Sinwellturm по-прежнему свысока взирает на Франконию. Галки, с криками кружащие вокруг неё, не понимают, что произошло этой ночью. Крепость превратилась в скелет. Лёгкий восточный ветер резво играет с обгоревшими кусками бумаги.

Никого нет сегодня на смотровой площадке крепости. Ещё в Новогоднюю ночь я стоял здесь наверху. Из-за затемнения город выглядел очень мрачно. Только в районе вокзала можно было увидеть далёкие красные и зелёные огоньки светофоров.

Где же ратуша? Где шпили Святого Себальда? Где крыши, так уютно, подобно рыбьей чешуе с незапамятных времён покрывавшие гору, на которой стоит крепость? Сметены узкие переулки Obere и Untere Söldnergasse, исчезло старое фахверковое строение «Zum Maulbeerbaum» и всё, что для нас здесь было так мило и дорого. Уже не существует высокий фронтон здания Topplerhaus, в котором так удачно и на редкость гармонично смешались стили – готический, ренессансный,

романтического историзма, чужеземный и отечественный. Нет драгоценного дворца Тухеров, нет дома Grolandhaus, который стоял на узком цоколе, расширяясь от этажа к этажу и тем самым привлекая к себе внимание архитекторов. От двора Hertelshof осталась только нижняя часть лестничной башни.

Почти весь район вокруг церкви Св. Эгидиена сравнялся с землёй. В переулке Schildgasse стоял скромный трактир, который ещё сто лет назад получил всемирную известность благодаря своему гостеприимству, несмотря на негостеприимное имя «Zum Jammertal» (Земная юдоль). Эта вывеска оказалась символичной, судя по состоянию дома после роковой январской ночи. Вид этого места – просто пытка. Это вид на юдоль плачевную в полном смысле этого слова.

Город потерял своё лицо, свой характер, свой цвет, свою красоту. Лицо старого Нориса истерзано, разбито, уничтожено, устойчивый жизненный порядок, который сплавивал горожан, разрушен до основания.

Здесь можно посмотреть замечательный фильм о Нюрнберге. <http://www.kornundberg.de/>

На следующих двух страницах перед вами фрагменты рисунка пером имперского города Нюрнберг, выполненного Иеронимусом Брауном в 1608 году. Отправимся по улице Burgstraße, которая начинается у ратуши и тянется вверх к скале до крепости (второй фрагмент). Замок с мощными бастиянами в виде кленового листа (Антонио Фаццини) вы видите на первом фрагменте. О нём чуть позже Разберёмся, кто где здесь, в этом аристократическом районе, жил. **Номер 54** - ратуша, **номер 58** - приходская церковь Св. Себастьяна. В конце улицы Burgstraße стоял Дом отца Дюрера, в котором Альбрехт Дюрер жил с 1475 года (четырёхлетний) до 1509 (38 лет). 25 июня 1455 года в город прибыл тридцатилетний странствующий мастерской - златокузнец, по имени Альберт Айтосс. В этот день, как позже записал в хронике семьи его сын, в городе праздновалась свадьба Виллибальда Пиркхаймера. По этому случаю состоялся «большой танец вокруг **липы у крепости**». Через 20 лет этот самый подмастерье, уже к тому времени женившийся на дочери златокузнеца, в мастерской которого он работал, купил этот дом, **номер один**.

Номер один, дом под стенами крепости, на фотографии угловой дом слева. Вот эта самая липа рядом с капеллой Св. Вальпургии у крепости. Акварель его сына.

А ниже ссылка на чудные пейзажи сына. <http://www.livemaster.ru/topic/409517-pejzazhi-albrehta-dyurera?vr=1&inside=1>

Номер 2 - дом Ганса Фуггера, богатейшая семья банкиров из Аугсбурга.

Номер 3 – Штромеры, нюрнбергские аристократы, члены городского совета и купеческая семья европейского масштаба.

Номер 4 – здесь жил Ганс Плейденвурф, замечательный нюрнбергский художник, у которого работал Михаэль Вольгемут. После смерти мастера Вольгемут женился на его вдове и перенял его мастерскую. У Вольгемута, самого известного к тому времени художника в Нюрнберге, три года учился сын Альберта Айтосса, изменившего своё имя на немецкий лад. Звался он теперь Альбрехтом Дюрером (Айтосс – двери на венгерском, Тюрен – двери на немецком).

Номер 6 – дом златокузнеца Фрайя, на дочери которого наш герой женил своего сына, чтобы ввести его в высшее общество Нюрнберга.

Номер 18 – Здесь жили Шойрли, купеческая семья из Бреслау. Христоф Шойрль - немецкий гуманист, юрист, дипломат, с ним Альбрехт Дюрер Младший играл в детстве. Мать Христофа – Хелена Тухер. **Номера 22, 23 и 24** – дома старейших (XIII век) нюрнбергских аристократов - Тетцель, Кресс, Шрайер.

Номер 27 (второй план) – Антон Кобергер, первый крупный издатель и книготорговец в длинном списке известнейших деятелей этого рода XV в. Он издал «Немецкую Библию» (1483) и «Всемирную хронику» Х. Шеделя на латинском и немецком языках. Здесь печатались сотни гравюр различных размеров, в том числе виды Нюрнберга.

Номер 56 (второй план) – владение Пиркхаймеров, задний дом здесь снимал Дюрер Старший после женитьбы.

Номер 40 (первый план) – Дом, который купил Альбрехт Дюрер Младший, будучи уже знаменитым художником. Ныне Дом-музей А. Дюрера.

Слева - Ганс Плейденвурф. Портрет члена капитула Бамбергского кафедрального собора Георга Графа фон Лёвенштайна. 1456. Герм. Нац. музей.

*Справа - Портрет
Михаэля
Вольгемута.
Альбрехт Дюрер..
1516.*

Герм. Нац. музей.

Автопортрет Альбрехта Дюрера Старшего. 1484. Слева.

Справа автопортрет Альбрехта Дюрера Младшего, ему 13 лет. 1484. Музей «Альбертина». Вена

Отец Дюрера был ювелиром и хотел обучить сына тому же ремеслу. Но сын увлёкся живописью. Поэтому и был отдан в учение к Михаэлю Вольгемуту.

Ни одного произведения Дюрера Старшего, кроме этого рисунка, не осталось. Имеется только список. Но ни об одном сохранившемся предмете из этого списка нельзя с уверенностью сказать, что Альбрехт Дюрер Старший его автор.

Загадка. Как удалось пришельцу, неизвестному подмастерью из какого-то восточного королевства, не входящего в Священную Римскую империю, даже через 20 лет жизни в «одном из самых аристократических городов Европы» оказаться среди этих знаменитостей?

Здесь портрет Христофа Шойрля кисти Лукаса Кранаха Старшего. 1509.

«Нюрнбергка и венецианка».

Виллибальд Пиркхаймер (сын того Виллибальда, в день свадьбы которого усталый отец AD поставил у липы свой дорожный мешок).

Адам Крафт (после 1450 – 1509)

Один из выдающихся немецких скульпторов переходного периода от Готики к Ренессансу Адам Крафт жил и работал в Нюрнберге. Его причисляли к известнейшим личностям немецкого искусства – и его же называли «просто хорошим ремесленником». Произведения мастера в течение нескольких столетий описывали и воспевали, копировали и отливали, красили и рисовали, улучшали и экспонировали, разделяли на части, дополняли, разрушали и бросали в колодцы. То, что он когда-то служил идеалом старонемецкого художника-мастерового, сегодня почти забыто.

Крафт настолько виртуозно владел техникой обработки хрупкого камня, что материал, вышедший из его рук, казался живым. Ошибочно приписываемая Крафту способность размягчать твёрдые камни, придавать им нужную форму и затем снова превращать в твёрдые, позже создала вокруг мастера особенную ауру, вплоть до приписывания ему дара алхимика. На самом деле он обтачивал камни, потом сверлил их и нанизывал на проволоку, а «ожерелье» скреплял особым раствором. Это и была его тайна.

Для нас в его жизни и его работах осталось много странного и загадочного. Неизвестно, когда и где он родился, где получил образование и что создал до сорока лет.

По меньшей мере два десятилетия его жизни (1470–1490) остаются во тьме. В его работах можно увидеть влияние верхне-рейнской и нидерландской пластики.

Возможно, он видел знаменитые, украшенные художественной резьбой скамьи хора в кафедральном соборе Ульма, и они оказали влияние на его творчество.

Возможно, он участвовал в работах над грандиозным сооружением Страсбургского собора, где вокруг скульптора Никласа Герхарта ван Ляйена образовалась знаменитейшая в Германии того времени школа пластики. Здесь учиться и работать для такого человека как Крафт, было бы, несомненно, страстно желаемой целью. В 1483 г. в Страсбургском соборе возник роскошный сакраментхаус (сооружение для дарохранительницы), подобный тому, какой десятью годами позже Крафт создаст для церкви Св. Лоренца в Нюрнберге. В Страсбурге он мог провести годы учёбы и здесь мог стать мастером. Может быть, этим объясняется отсутствие его имени в городских книгах Нюрнберга тех лет.

Возможно, он участвовал в работах по обновлению «Прекрасного колодца» на Главной рыночной площади Нюрнберга (1490) – предполагается, что одно из консольных изображений, выполненное в манере, не характерной для того времени, является работой молодого Крафта. Неизвестно, принимал ли он участие в возведении восточного хора церкви Св. Лоренца в Нюрнберге, но, возможно, ажурный орнамент балюстрады хора этой церкви был выполнен Крафтом. Совсем недавно при реставрации южной башни церкви Св. Себальда на её южной стороне был найден знак мастера, каким маркировал свои работы «мастер Адам».

Неизвестно, что создал Крафт до 1490 г. и что позволило образованному, понимающему искусство и известному расчётливостью и педантизмом нюрнбергскому патрицию Себальду Шрайеру заключить с ним большой и ответственный договор. Его предметом был рельеф для семейной усыпальницы Шрайер–Ландауэров на внешней стене восточного хора церкви Св. Себальда (1490 – 1492) – первое известное произведение Крафта. В этой работе скульптор показал себя зрелым художником огромного композиционного таланта. Рельеф выполнен в стиле поздней готики. Три его части – Страсти Христовы, Распятие и Воскресение Христа – расположены под углом друг к другу. И сейчас приходишь в изумление, видя, как точно подогнаны огромные каменные блоки рельефа, как точно осуществлён сценический переход, и при этом обыграны линии раздела между частями. В изображении сцен Крафт сумел создать глубокую перспективу. По распространённой гипотезе, две мужские фигуры под уже опустевшим крестом являются изображениями заказчика усыпальницы Себальда Шрайера (с терновым венцом) и самого Крафта (с молотком и гвоздями). Их одежды, соответствующие времени создания рельефа, отличаются от одежд всех остальных персонажей, что и стало причиной для таких предположений. «Адам Крафт», правда, выглядит старше реального Крафта, каким он мог быть в то время. Очень возможно, здесь изображены почившие представители этой семьи – трудно представить, чтобы автору позволили изобразить себя на таком важном рельефе, да ещё и на переднем плане.

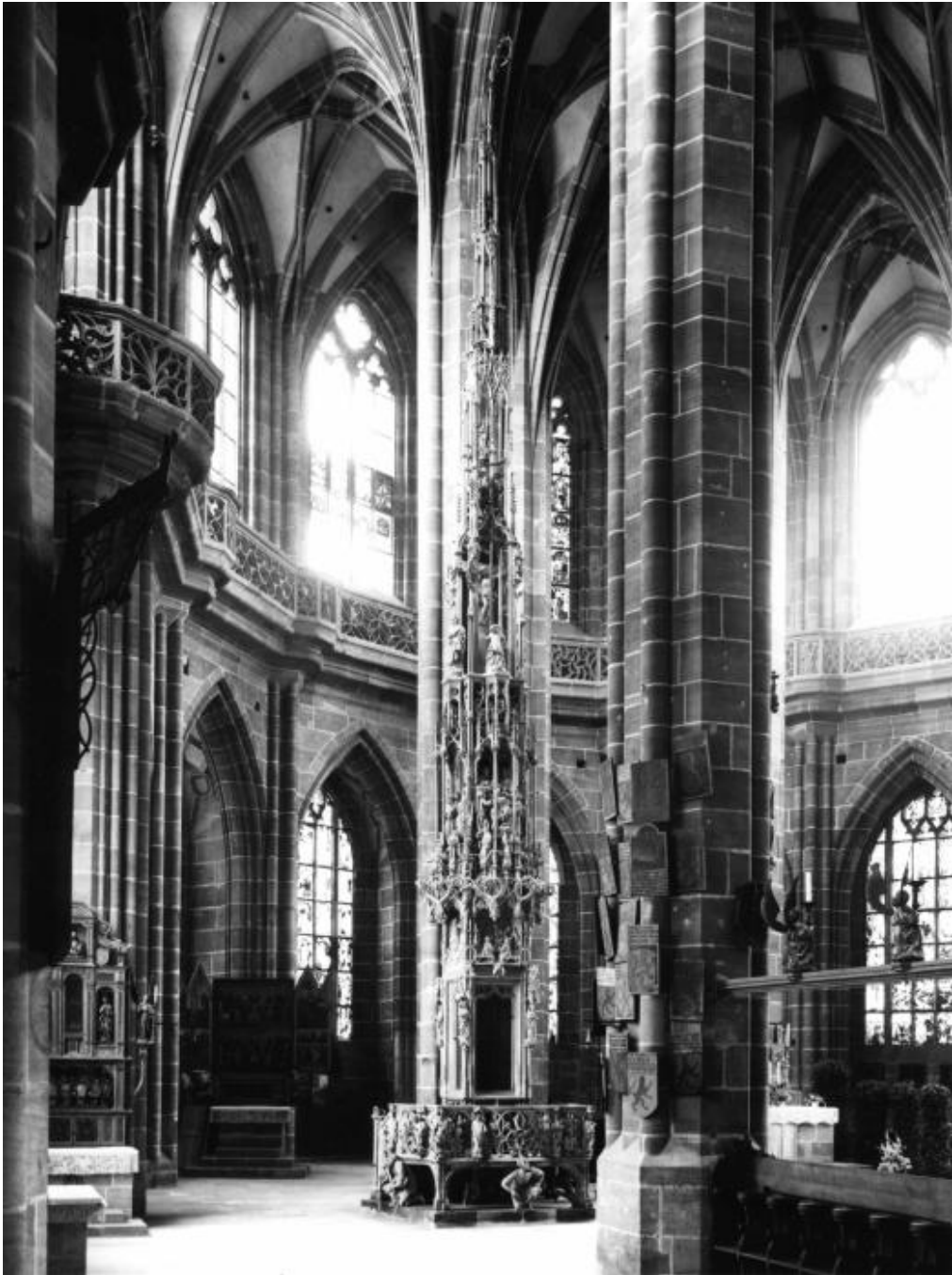

Слева - фрагмент рельефа усыпальницы ----- Справа - Консоль с «Прекрасного колодца»

Большой заказ совершенно иного содержания – конструирование и возведение двадцатиметрового сакраментхауса для восточного хора церкви Св. Лоренца (Стр. 164-165) – Крафт получил в апреле 1493 года Заказчиком был член Городского совета Ганс Имхофф Старший, настоятель церкви. Срок исполнения – три года. Сооружение, подобное башне, верх которой повторял изгиб свода храма, воплотило в себе всё богатство позднеготических скульптурных форм (фиалы, массверковый орнамент, краббы и т. д.). Поставленный рядом с алтарём, сакраментхаус с несравненным ощущением пространства вписывается в широкое помещение хора и составляет единое целое с пилоном.

Здесь представлена история Спасителя, от Благовещенья до Тайной Вечери, затем Крестный путь, Распятие и Воскресение. На цоколе покоится прямоугольный ларь – табернакль (дарохранительница). Как само филигранно выполненное сооружение, так и три фигуры, несущие его на своих плечах, всегда вызывали особенный интерес и удивление. С некоторой вероятностью можно допустить, что средняя фигура представляет самого мастера. Являясь скульптором поздней Готики, Крафт представил себя так, как это сделал бы художник Ренессанса. Неслыханный успех монументального и филигранного сакраментхауса в церкви Св. Лоренца позже стимулировал появление аналогичных сооружений в различных церквях ближнего и дальнего окружения Нюрнберга.

Сакраментхаус (сооружение или шкафчик в стене для дарохранительницы) ----- Фигура мастера у основания сакраментхауса

Мастерская Крафта специализировалась не только на крупных скульптурных работах, но занималась и отделкой фасадов, лестниц, залов, а также изготовлением рельефов героев, фигур святых, Мадонны – хранителей домов. К настоящему моменту, к сожалению, все приписываемые Крафту ажурные массверковые галереи утрачены. Некоторые из них, сохранившиеся до XX в., погибли при бомбардировках во Второй мировой войне. В церкви бывшего Картезианского монастыря (Герм. нац. музей) хранятся только небольшие фрагменты галерей внутренних дворов. Необычный рельеф «Весы», выполненный Крафтом и относящийся к выдающимся светским скульптурным произведениям конца Средневековья, был заказан мастеру для здания таможни (Waage – Весы). Здесь приезжие негоданты взвешивали свой товар и платили пошлину, что и демонстрирует эта выразительная сценка. Копия рельефа украшает сейчас западный фасад здания Торговой палаты, после войны выстроенного заново на месте, где в Средневековье стояло здание «Весы».

Рельеф «Весы»

Одной из последних крупных работ Крафта стала серия рельефов **«Крестный путь» – путь Христа на Голгофу**. Поскольку пилигримы того времени на пути к гробу Господню в Иерусалим во время паломничества подвергались опасностям и часто гибли, у отцов церкви возникла идея перенесения «Улицы Страданий» (*Via Dolorosa* в Иерусалиме) в родные города. В Европе очень часто встречаются серии таких рельефов на пути к капелле или церкви.

Существует легенда, согласно которой в конце XV в. набожный нюрнбергский купец по фамилии Кетцель совершил поездку в Иерусалим с тем, чтобы пройти путь Христа от Дома Пилата до Голгофы и шагами измерить расстояние между остановками Спасителя. Купец тщательно провёл все замеры, но на обратном пути при кораблекрушении потерял свои записи. Он снова вернулся в Иерусалим, восстановил замеры и привёз их в Нюрнберг. Кто заказал Крафту эту работу, точно неизвестно. Какое-то время считалось, что это «бамбергский рыцарь» Генрих Маршалк фон Рауэнекк, на пожертвования которого была выполнена аналогичная серия рельефов в городе Бамберг, считающаяся самым старым сохранившимся «Крестным путём» в Европе. Во всяком случае в 1505 г. кто-то заказал Крафту рельефы семи остановок Христа, скульптурную группу «Распятие» и рельеф «Положение во гроб». Рельефы-остановки были установлены по улице *Burgschmietstraße* между крепостными воротами *Tiergärtnertor* и шатровой капеллой на кладбище Св. Иоанна. Это расстояние приблизительно равно длине Крестного пути. Первоначально путь начинался в одном из садов у ворот *Tiergärtnertor*, но впоследствии, в XVI в., в связи со строительством городских укреплений, начало перенесли к ближайшему городскому дому внутри крепостной стены. Им оказался бывший дом мастера рыцарских доспехов Грюневальда на площади *Tiergärtnertorplatz*. Он-то и был назван Домом Пилата.

Сейчас копии этих шести рельефов по-прежнему стоят по улице *Burgschmietstraße* в строгом соответствии с каноническим расстоянием между ними (в шагах). Последняя седьмая, тоже копия, установлена на ограде у входа на кладбище, на его восточной стене.

1. 200-й шаг – Христос встречает Марию, которая при виде страдающего Христа теряет сознание.
2. 295-й шаг – Симон из Кирены помогает упавшему Христу нести крест.
3. 380-й шаг – Христос обращается к плачущим женщинам: «Дочери Иерусалима, вы оплакиваете не меня, а себя и ваших детей».
4. 500-й шаг – Встреча с Вероникой, в руках у неё платок с отпечатком лица Христа.
5. 780-й шаг – Христос падает второй раз.
6. 1100-й шаг – Христос теряет сознание и падает на землю.
7. Оплакивание Христа.

В настоящее время оригиналы всех семи рельефов представлены в церкви бывшего Картезианского монастыря (Герм. нац. музей). Группа «Распятие» раньше стояла у входа на кладбище, сейчас она находится во дворе Крестного хода Госпиталя Св. Духа и состоит всего из трёх фигур, раньше группа имела больше «персонажей». Фигура Христа считается оригиналом, фигуры же разбойников за несколько столетий подверглись большим изменениям. Скульптурная группа «Положение во гроб» хранится в шатровой капелле семьи Хольцшюэров на кладбище Св. Иоанна. Если сравнить этот рельеф (последняя работа мастера) с рельефом над усыпальницей Шрайер–Ландауэров (первая его работа), то можно увидеть, как сильно изменился стиль скульптора за 18 лет.

Фрагмент рельефа над усыпальницей Шрайер-Ландауэров. Первая работа А. Крафта.
«Оплакивание Христа» на кладбище Св. Иоанна. Одна из последних работ А. Крафта.

Одним из последних заказов, полученных Крафтом от Городского совета, стал заказ на обновление фронтального фасада важнейшего строения города на важнейшей площади – фасада церкви Богородицы (1506–1508, Фрауэнкирхе) на Главной рыночной площади. За прошедшие столетия здание церкви претерпело

большие изменения, но эркер на фасаде (Михаэльсхор), каким мы его видим сейчас, выглядит так, как его задумал Крафт. Фронтон церкви украшали многочисленные фигуры в нишах, к концу XIX в. исчезнувшие полностью. Похоже, что дружба и совместная работа с «главным архитектором города» Гансом Бехаймом Старшим развила в Крафте и архитектурные способности.

О жизни Адама Крафта известно немного, но сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что она была глубоко трагична. В художественном отношении его творчество является одним длинным восхождением, достигшим высшей точки к концу жизни. Совершенно иначе выглядели состояние его финансовых дел и личные обстоятельства жизни. Недавно на улице Jakobstraße обнаружено место, где стоял дом мастера. Теперь это широкий проход в переулок Entengasse. В сущности, эта находка является важным доказательством того, что Крафт обитал в пригородной мелкобуржуазной среде. Он не мог достичь положения, которое занимал Дюрер, несмотря на то, что позже его называли «Дюрером в пластике».

Согласно сохранившимся документам, плату за работу над сакраментхаусом он получал маленькими и очень маленькими частями, которые тут же тратились; похоже, он не имел, так сказать, резерва. С течением времени его материальное положение ухудшалось. Будучи натурой художественной, Крафт не умел вести свои финансовые дела. Постоянно находясь в долгах, он закладывал свои вещи и никогда не выкупал их. И это притом, что нюрнбергская знать буквально засыпала мастера заказами. После смерти первой жены в жизни Крафта началась чёрная полоса. Долги были так велики, что он вынужден был предложить Петеру Имхоффу, нюрнбергскому патрицию и постоянному его заказчику, в залог свой дом, который и достался последнему после смерти скульптора.

В декабре 1508 г. управляющий Монетным двором Ганс Розенберг пригласил Крафта в Швабах, где строилась городская церковь. Капелла Св. Анны в этой церкви возводилась на пожертвование Розенберга. С помощью Крафта он надеялся решить проблемы статичности сооружения, возникшие при проектировании её свода. В этом выборе не последнюю роль, наверняка, сыграло удачное архитектурное решение мастером сакраментхауса в церкви Св. Лоренца. Крафт был уже тяжело болен. Смог ли он помочь в решении этих проблем, неизвестно. Известно только, что через несколько недель (между 13 декабря 1508 г. и 10 января 1509 г.) он скончался в госпитале Швабаха. 21 января 1509 г. тело мастера было доставлено в Нюрнберг и предано земле на кладбище церкви Св. Лоренца. В его память звонили колокола церквей Св. Себастьяна и Св. Лоренца.

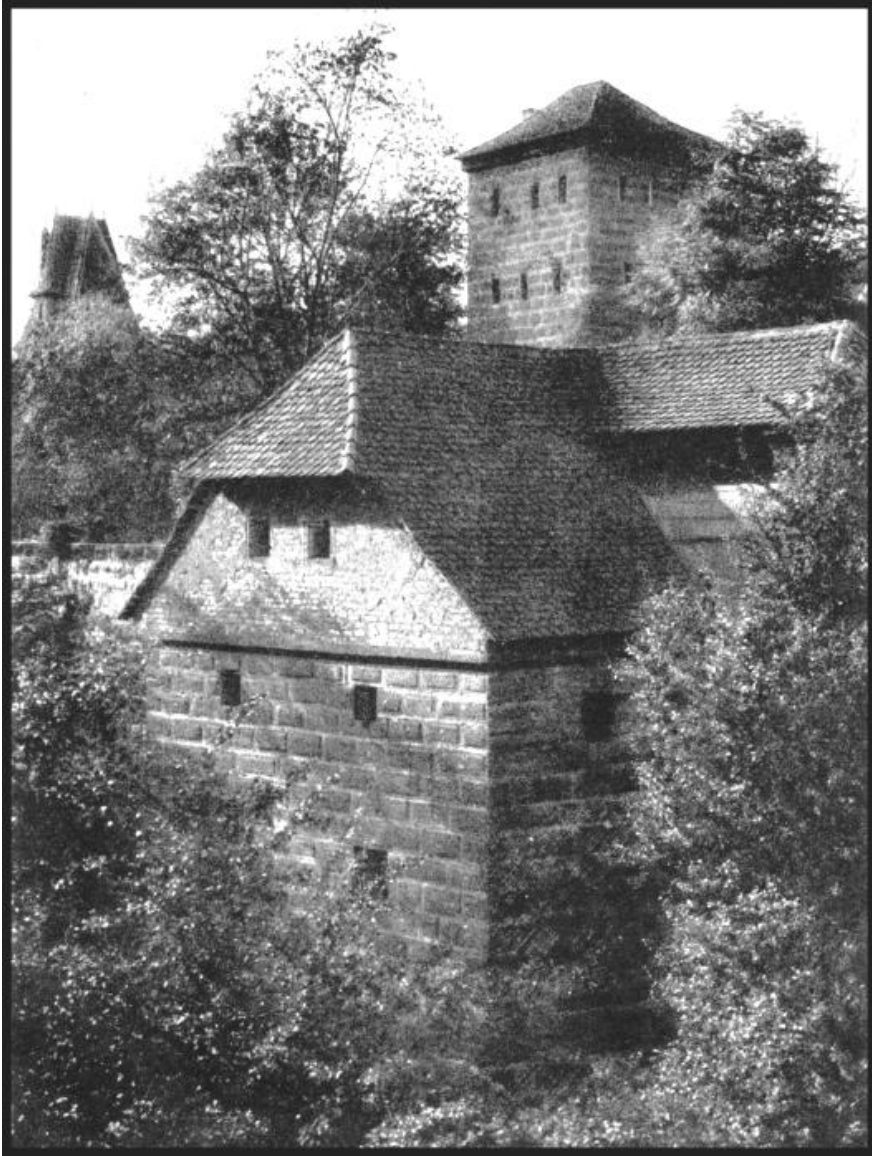
В немецкой пластике Адам Крафт всегда был заметной фигурой. С момента появления хвалебного стихотворения, написанного в 1532 г. гуманистом и поэтом Эобанусом Гессусом и посвящённого сакраментхаусу из церкви Св. Лоренца, сооружение это считалось чудом искусства. К этому времени, времени Реформации, сакраментхаус перестал играть свою сакральную роль, оставшись просто памятником поздней Готики. Адама Крафта восхваляли как представителя «живой школы отечественного искусства», поставив его в один ряд с Альбрехтом Дюрером, Петером Фишером и Гансом Саксом, его сравнивали с античным скульптором Фидием, назвав «Шекспиром немецкой пластики».

С середины XIX в. к Крафту пробудился огромный интерес. Историки искусства посвящали ему свои работы, ставя его на первое место среди средневековых скульпторов. Первая обширная монография о творчестве мастера была издана художником и скульптором Фридрихом Вандерером в 1869 г. Она вышла крупным форматом на трёх языках (немецком, английском и французском) и была богато иллюстрирована гравюрами. К этому времени гипсовые копии произведений Крафта можно было встретить в музеях и церквях Германии.

Каким-то непостижимым образом, оставаясь скульптором периода поздней немецкой Готики, Адам Крафт, благодаря своему внутреннему чутью, таланту, трудолюбию, благородству и цельности, прорвался в Ренессанс. Определённо все свои работы скульптор создал в Нюрнберге. Он не работал ни в крупных городах Европы, ни при княжеских дворах. Его произведения не хранятся в авторитетных музеях мира. Светским хранилищем работ мастера является Германский национальный музей в Нюрнберге. И только скульптура девочки, держащей гербовые щиты аристократических семей Имхоффов и Муффелей, и отлитая Петером Фишером Старшим по модели Крафта фигура «Ломающего ветку» попали в музеи соответственно Берлина и Мюнхена.

Имена и произведения Файта Штосса, Альбрехта Дюрера, Петера Фишера составляют художественное достояние Нюрнберга переходного периода от Средневековья к Ренессансу, но все они так или иначе были приобщены к искусству европейских современников, безусловно обогатившему их творчество (Штосс в молодости уехал в Польшу почти на 20 лет, Дюрер с двадцати лет окупился в итальянское искусство и навсегда остался под его влиянием, равно как и Петер Фишер с сыновьями). Если же говорить о том, кто является подлинным лицом Нюрнберга XV – XVI вв., старого немецкого города мастеров, то это и есть Адам Крафт. Его произведения и сегодня вызывают внутреннее волнение и душевный трепет, в них до сегодняшнего дня сохранились немецкий Дух и Дух Старого Нориса.

Lida, спасибо. Я помню вопрос о портрете Валленштайна в ресторане ратуши. Но пока ничего толкового не узнала. Обязательно напишу.

Lida, наконец, я могу вам ответить. Как я и предполагала – Валленштайн не наш герой. «О нём можно говорить только далеко за стенами города, там на Alte Veste». На Alte Veste стоял лагерь Валленштайн. И ещё с некоторым пренебрежением – «ресторан декорирован членами Стрелкового общества».

Ещё я нашла две исторические фотографии. Это одна из башен нюрнбергской стены, её занимали Валленштайновские рыцари. Фотографии относятся к 1925 году. Так что далеко за стены они не ушли.

Оказалось, что этот союз существует с 1881 года. Ниже фотография башни, где они до сих пор собираются, а потом страница этого союза. Можете рассмотреть поклонников полководца.

http://commons.wikimedia.org/wiki/File:N%C3%BCrnberg_Spittlertormauer_Turm_Rotes_Y_Feldseite.jpg

<https://sites.google.com/site/wallensteinerritterbund/index/burg-1>

<https://sites.google.com/site/wallensteinerritterbund/index/bildarchiv>

<https://sites.google.com/site/wallensteinerritterbund/index/burg-1>

<https://sites.google.com/site/wallensteinerritterbund/fruehlingsfest-mit-burgfrauen-2013>

<https://sites.google.com/site/wallensteinerritterbund/index/unsere-recken>

<https://sites.google.com/site/wallensteinerritterbund/130-bestandesfest>

<https://forum.vary.ru/viewtopic.php?t=8725&postdays=0&postorder=asc&start=90>

Ой, я забыла ещё кое-что. Здесь в округе иногда можно встретить «шведские дома». Их почти не осталось. Это дома с высокой крышей, которая не опирается на стены. Для её поддержки возводилась отдельная стропильная конструкция. Такие дома строили задолго до Тридцатилетней войны, но имя «шведские» за ними закрепилось позже. Объяснение очень странное – так как они были построены до этой войны.

<http://www.baukunst-nuernberg.de/epoche.php?epoche=Renaissance&objekt=Schwedenhaus>

И ещё в нашем замке с северной стороны во время Тридцатилетней войны были возведены казармы, которые называли «Шведским двором». Их уже давно нет.

Похождения Валленштайна

29 августа 1599 тогда 16-тилетний Альбрехт фон Вальдштайн, сын землевладельца, протестанта, позже в период Тридцатилетней войны под именем Валленштайн ставший известным полководцем, был вписан в анналы городка Альтдорф. Уже несколькими неделями позже он оказался замешанным в скандальном деле, связанным с убийством Вульфа Фукса, офицера гражданской обороны города. Последний после ссоры с двумя студентами был ими убит. Вальдштайн входил в число подозреваемых. Но это касалось не его присутствия на месте убийства, а того факта, что «незадолго до того, как он приехал учиться в Альтдорф, он был замешан во многих скандальных историях», о чём свидетельствовало письмо Городского Совета города Нюрнберг ректору Альтдорфины от 12 января 1600 года. Последовало очень мягкое наказание – короткий домашний арест. Чуть позже, 14 января, случился очередной скандал, когда Вальдштайн жестоко наказал кнутом своего слугу, так как "он, бездельничая, смотрел из окна на рынок". Кончилось тем, что Валленштайн оплатил визит врача, лечение своего слуги и заплатил ещё к тому же штраф 30 гульденов. В середине марта имя Вальдштайна всплывает ещё раз в анналах университета, и затем он исчезает из Альтдорфа, предприняв «Грандтур» во Францию и Италию, где учится в университетах Падуи и Болоньи.

Валленштайн в Альтдорфе – название народной пьесы Франца Дитмара (1857–1915), премьеры которой состоялась в 1894 году в Альтдорфе. Сегодня она исполняется регулярно раз в три года в историческом дворе (Wichernhaus) бывшего университета Альтдорфа, где, собственно, в 1599 году учился Валленштайн. С 1952 года представление проходит в рамках «Валленштайновского фестиваля» (Wallenstein-Festspiele) каждые три года в июне-августе. Последний состоялся 23 июня – 22 июля 2012 года.

История фестивалей (праздников).

В 19 веке некоторые из городов Южной Германии, бывшие имперские города, посещаемые туристами, такие как Ротенбург на Таубере и Динкельсбюль, вынуждены были создавать свою «культурную индивидуальность».

Жители этих городов начали играть собственную историю времени 30-летней войны. Эти праздники пользовались большим успехом. Жителям Альтдорфа также удалось сделать нечто подобное.

Альтдорфовец Франц Диттмар написал пьесу якобы из жизни Валленштайна в Альтдорфе. 12 августа 1894 года состоялась историческая премьера. Позже представление повторили снова в 1895, 1896, 1899, 1906, 1909 и 1912 годах. В периоды двух мировых войн праздники не проводились. Но в тридцатые и потом, начиная с 1952 года, летом каждого года праздник повторялся.

Сама пьеса с тех пор не изменилась, но постепенно добавили несколько сопутствующих ей мероприятий. Например, имитация лагерной жизни с различными группами в костюмах - сельских жителей, музыкантов, казаков, у ворот города добавились полевой лазарет, лагерь гражданской обороны и цыганский лагерь. Общее количество участников доходит до 600 человек.

И дальше описание пьесы в трёх актах. ...

Я почитала о «жизни» рыцарского ордена Валленштайна. Насколько я поняла, это аристократы-католики, которые стараются жить по рыцарским правилам. Собираются для того, чтобы избираться на различные должности ордена, на каких-то встречах они облачаются в исторические костюмы соответственно должностям. Устраивают встречи с другими Рыцарскими орденами. Выпивают, играют на музыкальных инструментах, веселятся. Всё.

В Нюрнберге, как я поняла, есть Стрелковые общества по районам. Они собираются, чтобы стрелять, охотиться и кутить. Возможно, какие-то из этих обществ собираются в ресторане ратуши. Результатов их деятельности я не нашла. Это развлекательные союзы под историческими названиями.

Герман Кестен, писатель «Двадцать лет спустя», 1965

Ни в одном городе мира я не чувствую себя настолько дома, как в Нюрнберге, и ни в каком другом городе мира – настолько чужим, как здесь. Старый Нюрнберг исчез так же, как мои детство и юность, которые я провёл, внутри и снаружи крепостных стен и рва этого богатого старыми традициями и отягощенного историей военных лет города.

Когда вчера под иллюзорным сиянием полной луны я шёл по улицам Нюрнберга, по его мостам и площадям, от большинства из которых не осталось ничего подлинного, кроме их имен, через этот с любовью восстановленный и только наполовину удачно отреставрированный Старый город, я опять увидел как во сне, гнетущем и восхитительном одновременно, особенно, когда смотрел на луну, старый неразрушенный Нюрнберг, Нюрнберг моего детства – где-то ещё сохранился памятник или башня, или ещё журчит колодец, иногда установленный не на своём старом месте. Кое-где ещё сохранился кусок городской стены или стоят некоторые из старых домов нюрнбергских аристократов. Там приветствуют меня восстановленные церкви Св. Себальда, Св. Лоренца и церковь Св. Эгидиена, крепость. Тут подмигивают мне старые башни, тогда они были такими же, только теперь они не так высоки, как мне казалось в детстве. Тут ещё был город, где Вольгемут учил Дюрера, где Гегель был ректором гуманитарной, названной именем Меланхтона, гимназии, где жил атеист Людвиг Фейербах, город Петера Хенляйна и Мартина Бехайма, где была издана книга Николая Коперника, город Пиркхаймера и Тухера, Кресса и Шуккерта, где творили Файт Штосс и Петер Фишер, Адам Крафт и Ганс Сакс, где бродили Людвиг Тик и Вильгельм Вакенродер, мысленно погружаясь в романтическое Средневековье, где Грюбель влюбил Гёте в сочный нюрнбергский диалект, где такой неповторимо прекрасный Гитлер торжественно преподносил миллиону немецких девочек свои партийные съезды, под незаслуженным солнцем в не соответствующем погоде дождевике, в сапогах, не таких уж и кожаных и не таких грязных, какой была его речь, в которой только его сподвижники узнавали следы немецкого языка и где в то время со своим печатным листком «Der Stürmer» бывший учитель народной школы знаменитый Юлиус Штрайхер, наказанный за растление малолетних и сделавший немецким фирменным товаром порнографию и антисемитизм, был наиболее читаемым нюрнбергским автором.

С благородными временами и великими фигурами старого города навсегда исчезли также и новые призраки Нюрнберга. Когда я сегодня, в солнечный, ясный и радостный июльский день шёл по Нюрнбергу, я видел новый, богатый, местами элегантный, прекрасный город, который хранит свои оставшиеся в прошлом, ныне утраченные архитектурные воспоминания скорее как залеченные раны, чем как исторические памятники. Я видел свежее поколение новых нюрнбержцев, так много нюрнбержек, показавшихся мне более городскими и более симпатичными, чем те, что были раньше. На овощном рынке я видел новых зеленщиц с такими дружелюбными глазами и

соблазнительными вишнями, что я не знал, улыбаются ли мне их вишни или их весёлые глаза? Я собственными ушами услышал – хороший старый нюрнбергский диалект ещё жив, я увидел Пегниц, который спокойно течёт дальше.

Большинство молодых людей в Нюрнберге не знают ничего об «Ордене Цветов на Пегнице», как не помнят они о Нюрнбергских законах. Большинство этих молодых нюрнбержцев и нюрнбежек выглядят такими здоровыми и оптимистичными, как будто бы их отцы ничего не рассказывали им о том, как их город и его жители были просто сметены варварскими бомбардировками и навсегда исчезли в пламени и пепле.

Вчера я видел очень много нюрнбержцев, которые выглядели такими вежливыми, такими человеколюбивыми, такими добродушными, приближающимися к XXI веку, может быть, столетию мира и гуманности, что было невозможно поверить в то, что большинство их отцов в середине XX века восторженно и с ликованием приветствовали самого гнусного в мировой истории массового убийцу.

Когда идёшь по цветущему и цивилизованному новому городу, то временами забываешь и о том, что в прошлом это был свободный имперский город, и о том, что двадцать лет назад он стал одним из главных городов Третьего Рейха – Рейха, который, видимо, выглядел так, как Сведенборг представлял себе ад, – просто повседневная жизнь, только обращённая к чёрту.

Ещё двадцать лет назад привратник, и поныне берущий чаевые, украшал свой мундир знаменитым собачьим жетоном со свастикой и ножницами поощряемого государством доноса обрезал нить жизни тебе или мне, как это делали богини человеческой судьбы.

Уже двадцать лет, как этот немецкий ад догорел, и многие немцы забыли о нем, как об итальянском фейерверке, вспыхнувшем и исчезнувшем, словно его никогда и не было. Многие немцы готовы себе и всей нации простить всё, чего они якобы никогда не видели и чего они якобы никогда не знали.

Выросло новое поколение. Улицы Германии полны молодым народом, родившимся после беды. Они были детьми, когда страна находилась во мраке. Все физические, моральные и интеллектуальные пытки Третьего Рейха им кажутся лишь историей, давно исчезнувшей, прямо-таки легендарной, почти неправдоподобной – как если бы они рассматривали сцены пыток на известных картинах в Германском национальном музее. Весь Третий Рейх кажется им нарисованным ужасом, эстетически несостоятельным, как плод извращенной фантазии меланхолика-художника или сны наяву мизантропа-сатирика, усиленные с помощью художественных эффектов.

Уже двадцать лет Германия живёт в светлом мире, где подавляющая часть населения больше не боится, что евреи или цыгане, англичане или французы захотят присвоить плоды труда немцев, где даже убийцы, среди которых немцы должны жить, как уверяет министр юстиции, совсем не хотят убивать, а только питают надежду, почти нескрываемую, стать министрами, то есть войти в Совет министров Германии, или стать генералами бундесвера, или судьями и государственными адвокатами, или получить литературную премию Германии, или просто вступить в органы власти, защищающие конституцию Германии. Как и все остальные народы, немцы в большинстве своём, конечно, больше добрые, чем злые и охотнее живут в мире со всем миром, чем в войне со всем миром. Как к рабству, так и к свободе народ привыкает очень быстро и забывает, как легко можно потерять эту восхитительную свободу, если ежечасно не защищать её.

Маргалит Галай, писательница из Тель Авива «Город с черепичными крышами», 1974

Старый Нюрнберг! Город с извилистыми переулками, домами, прижимающимися друг к другу, крышами, сидящими на домах, как глубоко надвинутые на лоб козырьки, да ещё и эркерами, хёрляйнами, фонтанами и тихими площадями, делающими город спокойным и уютным. Окна этого города закрыты. Для своих жителей он всё равно, что уютный дом для семьи. Зайдёшь в какой-нибудь уголок и чувствуешь себя там так хорошо. Эта городская, чистая, украшенная цветами уютность! Мне бы хотелось жить под одной из этих крыш, позади одного из этих эркеров, мне бы не хотелось чувствовать себя здесь чужой, не принадлежи я другому миру, омываемому морем, жаркому, иудейскому, библейскому, и с ежедневной порцией нового напряжения в борьбе только за существование. В Париже можно жить, оставаясь иностранцем, и в Мюнхене, и в Риме, Лондоне, Вене, даже во Франкфурте, если это нужно. Но в Старом Нюрнберге нужно быть нюрнбержцем, если Вы понимаете, что я имею в виду. Это интимный город, семейная, так сказать, принадлежность. Для чужеземцев же он – кусочек магии, сказочный город, ставший реальностью, страна диковинной мечты.

Страх перед уцелевшим

Разговор между Германом Кестеном и Генрихом Бёллем, 1980

Кестен: Нюрнберг старинный и знаменитый город. Имели ли Вы какое-нибудь представление о нём перед тем, как увидели его впервые?

Бёлль: У меня были только ассоциации: Нюрнбергская воронка, Нюрнбергское яйцо, сохранившаяся немецкая Готика – как шкатулка с драгоценностями. Можно сказать, чисто информационно-изобразительное представление. Знакомство почти со всеми немецкими городами я начинал с вокзала. Для большинства моих сверстников во время войны единственно доступной возможностью путешествовать были различные перемещения с военным транспортом или поездки в отпуск. Через Нюрнберг таким образом я проезжал несколько раз. Я знаю вокзал, припоминаю зал ожидания, где ел сосиски. Таким было обычно моё первое соприкосновение с большинством немецких городов. Впервые я посетил Нюрнберг достаточно поздно и коротко, в 1961 г.

Кестен: Почувствовали ли Вы архитектурную или историческую красоту города? Нюрнбергу судьбой было уготовано трижды обрести мировую известность. Впервые – во времена Ренессанса и гуманизма, Альбрехта Дюрера и Пиркхаймера; второй раз его открыли романтики Вакенродер и Тик, тогда и появилось ошибочное приторно-романтическое представление о старонемецком Нюрнберге; и в третий раз – в наше время, благодаря партийным съездам и Нюрнбергским законам.

Бёлль: У меня и моей жены антипатия к старонемецкости. Это очень странно. Старонемецкие пивные, винные ресторанчики и законсервированные города, такие как Целле, Гейдельберг и Ротенбург, нас просто отпугивают. Я думаю, причина кроется где-то глубоко. После войны мы жили в одном совершенно разрушенном городе, и там нам, собственно, было очень хорошо – как это зловеще ни прозвучит, так как послевоенные руины воспринимались нами подсознательно вполне уместными. И каждый не разрушенный войной город при посещении внушал нам страх. Я помню, однажды мы были в Гейдельберге, и там нас буквально прошиб холодный пот. Это следствие нашего предубеждения к консервации типично немецкого в градостроении, даже самого прекрасного. Это же предубеждение у меня и к Нюрнбергу, его архитектуре. Хотя я мог бы вообще не иметь предубеждения к этим городам, даже если там и проходили партийные съезды. Я не думаю, что за деяния отдельных членов семьи ответственность должна быть переложена на всю семью. Кстати, разрушенного Нюрнберга я не видел. Возможно, в этом случае у меня к нему было бы другое отношение. Вы меня понимаете?

До сих пор мы, я и моя жена, избегаем не пострадавших в войну городов. Это у нас общее, так же как и восприятие войны, мы её вместе пережили. Особенно тяжело это было видеть в ГДР, где осталось очень много маленьких, уцелевших городков: Ашерслебен, Кведлингбург, Наумбург. Такой город для меня как будто заплесневелый кусочек Германии. Конечно, я понимаю, как прекрасен Кведлингбург, и я знаю, как красив Наумбург. Замечательный кафедральный собор и маленькие городки вокруг. Я не зашёл ещё так далеко, чтобы не уважать или не принимать их, но я не в состоянии проанализировать причины, вызывающие эти чувства. Это травма, полученная немецкой историей периода нацизма и очень глубоко нами пережитая.

Кестен: Старые города, такие как Нюрнберг или Ваш Кёльн, имеют знаменитых сынов, ставших геральдическими фигурами. Знаменитейший нюрнбержец – Дюрер. Город прославился также благодаря Гансу Саксу и вагнеровским «Майстерзинге-рам», благодаря гуманисту Пиркхаймеру и таким художникам, как Файт Штосс, Петер Фишер и Адам Крафт. Вы приехали из другого старинного города, из священного католического Кёльна. Нюрнберг – протестантско-лютеранский город. Говорит ли Вам что-то этот контраст? Говорят Вам о чём-то эти имена?

Бёлль: Разумеется, я знаю работы Дюрера. Но и его касается то, что я уже сказал о старонемецкости. Совершенно ясно, что и в этом случае сказывается мое предубеждение, чему виной навязчивое тиражирование его работ в определённое время. Я не против персоны, разумеется. Это было бы бессмыслицей. Что касается Готики, то подозреваю, я её плохо чувствую, и это понятно, так как я вырос в романском городе. Готический Кёльнский кафедральный собор я всегда считал обманым символом Кёльна. Мой любимый вид архитектуры – романский. В Кёльне много замечательных романских церквей, они были полны настроения, и они из моего детства. Так же для меня различаются католицизм и протестантизм.

Кестен: Город всегда окружён ландшафтом. У Вас в Кёльне Рейн. Нюрнберг стоит на Пегнице и построен на песке, как Берлин. И люди в нём рассудочные, остроумные и суховатые. Что знаете Вы о нюрнбержцах?

Бёлль: Я не имею о них никакого представления. Вы назвали Рейн. Мы привыкли к нему, я избалован им. Город на большой реке как будто открыт всему миру. Поэтому я немного боюсь больших городов, расположенных на маленьких речках. Это мне мешает и в Берлине. Шпрее для меня очень мала, Пегниц, как и Изар в Мюнхене, тоже. Большие реки разделяют города на противоположные половины. Возникает противостояние: левый берег Рейна, правый берег Рейна. Маленькие реки, напротив,

маленькими мостами соединяют части города, возникает излишняя, ненужная близость, как-то даже не по себе становится, как будто город подёрнут мхом. Этакая шкатулка с драгоценностями.

Кестен: Шкатулка драгоценностей Немецкого Рейха.

Бёлль: Это меня и настораживает.

Кестен: Повлиял ли Нюрнберг на Ваше детство? Нюрнбергские пряники, нюрнбергские игрушки? Может быть, он повлиял на Вас в профессиональном отношении: благодаря нюрнбергским карандашам, знаменитым на весь мир?

Бёлль: Никогда не задумывался. При этом я карандашный фанатик, и покупаю их всегда больше, чем нужно. Нюрнбергские карандаши, конечно, мои любимые, любой мягкости и твёрдости. Пряники также, я и сегодня считаю их очень вкусными, но, к сожалению, не позволяю себе их в большом количестве.

Кестен: Город создаётся людьми, но он всегда, так или иначе, остаётся кусочком природы. Вы житель большого города.

Бёлль: Я родился в центре города.

Кестен: Вы не кёльнский писатель, но Вы писатель, связанный с определённым городом.

Бёлль: Да, с городом и с ландшафтом, конечно.

Кестен: И не только Вы лично, но и Ваши произведения. Могли бы Вы представить себя нюрнбергским писателем?

Бёлль: Это гипотетический вопрос. Всё же: почему бы и нет? Конечно, я не знаю, что было бы тогда.

Кестен: Нюрнберг – город изобретателей и город со своей литературной историей. Его значением в попытках очищения и обновления языка не следует пренебрегать. Этот процесс начался ещё с майстерзингеров, когда, прежде всего, мастеровые и народные поэты взялись за язык, и это нашло своё продолжение в период Барокко в «Ордене Цветов на Пегнице». Каково Ваше отношение к таким тенденциям?

Бёлль: Я плохо знаю историю. Но к Жану Полю¹² я испытываю не только большую слабость, но и огромное восхищение, он типичен для своего ландшафта. Но он не нюрнбержец. Моя антипатия к ремесленным поделкам, а порой и к ремеслам, нюрнбергской традиции, без сомнения связанной с созданием замечательных маленьких изделий, обусловлена моей политической биографией. Здесь кроется и причина моей антипатии к исторической консервации.

Кестен: Позвольте Вам на это сказать, что первые нюрнбергские майстерзингеры были не только мастеровыми, но часто оппозиционерами, иногда антиклерикалами, даже своего рода народными революционерами. Это касается в некоторой степени и Ганса Сакса, который стоял между идеалами патрициев и народно-освободительными идеалами.

Бёлль: Стало быть, республиканско-демократическое движение. Я рад, что Вы меня поправили. Этого я не знал. Тогда это было движение за свободу, ограниченное городскими стенами. Но оно не так уж сильно захватило страну. Или я ошибаюсь?

Кестен: Я думаю, что Вы правы. Сегодня мы гуляли по Дутцентайху, были в зоопарке. Сосны, берёзы, пруды, эта меланхолическая задушевность, напоминающая мне Берлин или Бранденбург. Говорит ли о чём-нибудь Вам такой ландшафт?

Бёлль: Нет. Но я охотно им любуюсь. Мне приятно гулять в таких местах. Когда я был мальчиком, то с удовольствием проводил время в Шпессарте и Штайгервальде. Эти места мне очень нравились, и своей холмистостью тоже. Но в глубине души меня тянет всегда на равнину, где я родился и вырос. В Кёльне начинается Великая равнина. Я ощущаю её скорее как нидерландскую в культурно-историческом, но, к сожалению, не в политическом смысле. О Южной Германии я знаю очень мало. Мы воспринимаем её временами тут, наверху («на севере», так ориентируются в Германии), несколько экзотической, скорее чужой. Эта отчуждённость не отрицательного свойства, я просто не люблю что-то осматривать. Мне надо было бы здесь какое-то время пожить. Мне надо было бы немного окунуться в историю и предысторию, чтобы что-то об этом сказать. Я бы сказал так: Рейн и Майн являются для меня политическими и культурно-историческими границами, которые я переступаю. Всё ещё.

Кестен: Мы вместе гуляли по Нюрнбергу. Мы были в Германском национальном музее, были в крепости и видели диашоу «Norisama»¹³, благодаря чему заглянули в историю Нюрнберга от Дюрера до разрушений последней войны, до Гитлера, Штрайхера, Нюрнбергских законов и нюрнбергских партийных съездов, оказавших влияние на нас всех. Что Вы скажете об этом?

Бёлль: Вы имеете в виду, что я сказал бы о «Norisama»? Прежде всего, она чудовищно разбередила мою душу. И смотрел я её с огромным интересом. Позже, однако, моё удовольствие приуменьшилось, так как демонстрация цены, заплаченной нами за такие жуткие вещи, как партийные съезды, их последствия, Нюрнбергские законы и так далее, преподнесённой в форме шоу в стиле поп-арта, показалась мне уж слишком зловещей. Конечно, об этом нельзя умолчать, если говорить о Нюрнберге. Я думаю, что

в добросовестно изложенной истории любого города Германии всегда есть этот аспект, хотя в политических воззрениях Берлина, Кёльна или Мюнхена, как мы знаем, есть безусловная разница. Многие большие немецкие города были в основном фашистскими. В этом смысле я не вижу разницы между Кёльном, Берлином или Мюнхеном. Представить историю Нюрнберга в диашоу очень трудно, с любым другим городом это было бы легче. Такое оптимистическое представление меня немного коробит своей весёлостью, но если это делать таким образом, то определённо лучше этого не сделать. Это сопоставление разрушения и восстановления является демонстрацией, неприятной для меня в любой комбинации и в любой форме проявления.

Кестен: Я не знаю, заметили ли Вы во время пребывания в Нюрнберге нюрнбергский диалект.

Бёлль: Он показался мне очень приятным. Я думаю, что обычно все диалекты, кроме собственного, мы находим приятными. У меня просто мурашки пробегают по коже, когда я слышу по радио, по телевизору или где-нибудь в поезде кёльнский диалект. Мне нравятся все диалекты, так как они являются отражением ландшафта. Но ещё раз: мне понравился нюрнбергский диалект, хотя я не всё понимал из того, что слышал.

Кестен: Нюрнберг для нас, авторов, особенно важен, так как он был городом раннего книгопечатания. Кобергер был самым крупным европейским книгопечатником.

Бёлль: Что тогда означало – издатель.

Кестен: Это был мужественный город. Художники, литераторы и печатники находились под давлением патрициев. Но тем не менее в Нюрнберге появилась революционная для того времени книга Николая Коперника и ряд других великих книг. Здесь выпускались художественные гравюры, благодаря Дюреру ставшие знаменитыми по всей Европе.

Бёлль: Я думаю, что и Кёльн имел подобное значение, но не настолько прогрессивное. Появление такого человека, как Пальм¹⁴, на левом берегу Рейна в то время было просто невозможно. В политическом отношении это важное отличие рейнских областей от Франконии. Ландшафты на обоих берегах Рейна почти не предрасполагают к национализму, они ориентированы на Западную Европу. Не случайно там была напечатана первая коммунистическая газета. Франконские же ландшафты, напротив, очень «закрываются», здесь кроется их сила, а также особая восприимчивость к национальному и национализму, в то время как жители рейнских областей, мне кажется, всё же никогда не чувствовали себя подлинными немцами. И это странно. Если Германия и имела сердце, то оно билось где-то вблизи Рейна. Вероятно, мы, рейнцы, уж слишком немцы, чтобы об этом говорить. Я пытаюсь выразить то, что чувствую, при этом Гейне я считаю классическим рейнцем. Другой яркой характеристикой рейнских областей, уже литературной, являлся карнавал¹⁵, анекдотичный, антиадминистративный, антицерковный, антигосударственный и обычно очень длительный.

Кестен: Мы не забыли, что наши послушные нюрнбержцы в 1918 г. стали одной из вершин антимонархического движения, а именно революции. Этот образ, к сожалению, был испорчен фигурами типа Штрайхера. Но так не хочется долго отягощать этим именем Нюрнберг.

Бёлль: Такие несчастья как партийные съезды, Нюрнбергские законы, Штрайхер, эта неприятная часть немецкой истории, не должны ложиться виной ни на город, ни на ландшафт. После каждого исторического периода люди должны иметь какие-то новые шансы. И это должно быть неминуемо использовано и реализовано в Нюрнберге. Причём, я бы не отрекся ни от самих партийных съездов, ни от «Территории партийных съездов», оставив всё это просто как документ гигантомании. Было бы одинаково плохо, если бы этот кусок истории совсем исчез, так же, как если бы город стыдился своего прошлого. И то и другое совершенно бессмысленно.

Кестен: Хотелось бы увидеть, как однажды в Ваших рассказах или романах появится Нюрнберг или нюрнбержец.

Дорогие друзья, я обещала вам знакомство с крепостью, но отвлеклась на другие дела. Поэтому пока посмотрите несколько фотографий, демонстрирующих её историю. Они взяты из слайд-шоу, которое было подготовлено для последней выставки «Kaiser – Reich – Stadt» или «Император – Империя – Город». А я попозже постараюсь написать подробнее.

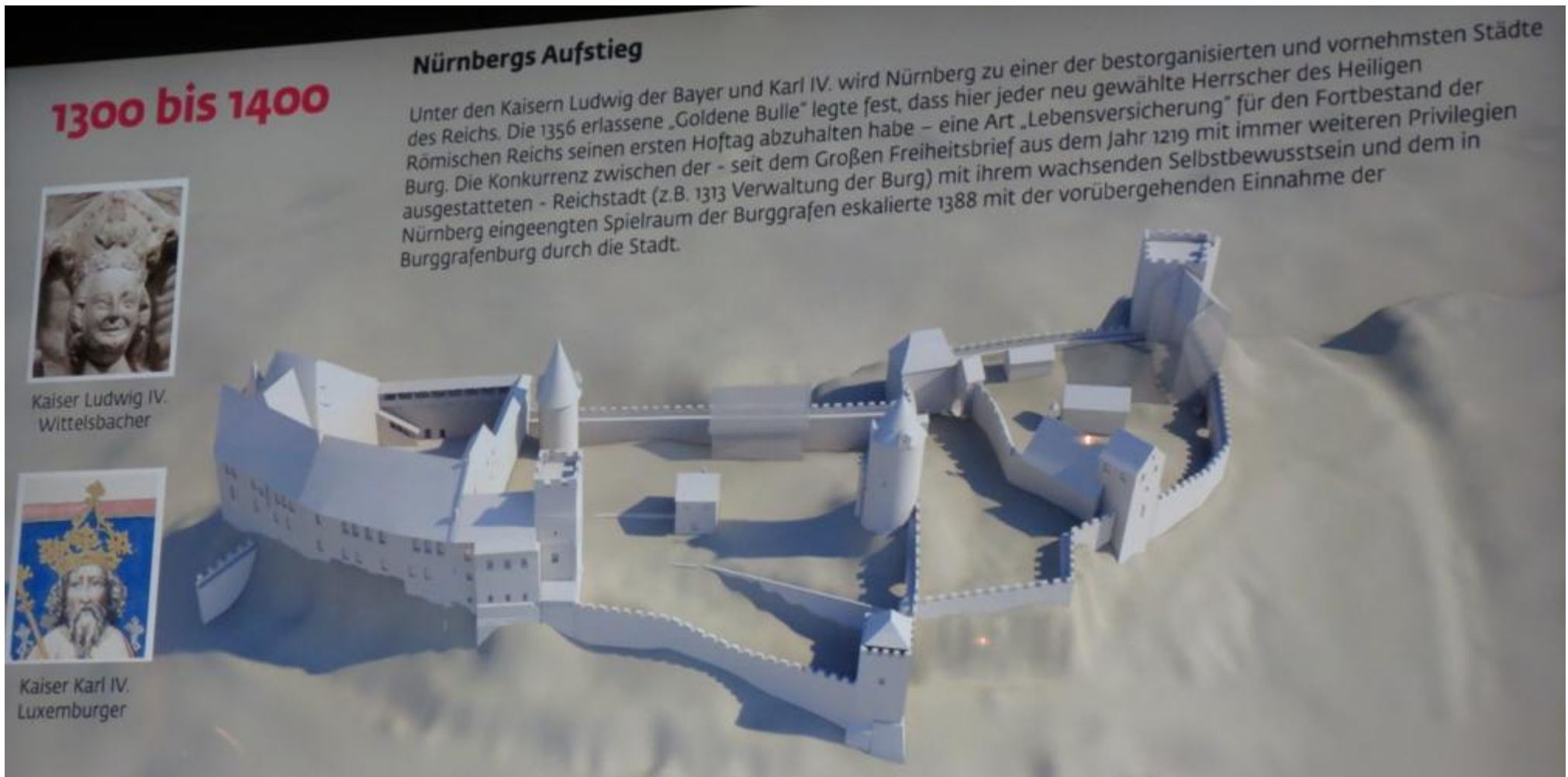
На этой скале длиной 200 метров и шириной 50 метров уже к 1220 году существовали два тесно друг к другу стоящих замка, в общем, крепостное сооружение. Немецкое слово «Бург» означает «укреплённый замок» или «крепость». Слева – замок императора с двумя дворами, внутренним и передним, так сказать. В этом последнем вы ясно видите башню Sinwellturm (круглая), она была донжоном этого замка. Император Священной Римской империи не имел собственной резиденции и перемещался по империи от замка к замку. В его отсутствие замком правил наместник. Справа – замок наместника или бургграфа. Главной башней этого замка была «Пятиугольная» башня, она стоит в самом углу. Пока она четырёхугольная. Позже к ней с севера добавят пятый угол. Действительно пятый – это будет треугольное укрепление по всей высоте башни со стороны рва.

Ко времени, здесь обозначенному, наместником был Цоллерн. Отсюда это семейство начало свой путь наверх. Карл IV пожаловал им звание фюрстов (князей), а его сын Сигизмунд – курфюршество, отдав им во владение маркграфство Бранденбург. Таким образом, они стали одним из семи «столпов» Священной Римской империи (*sacrum imperium romanum*) и Гогенцоллернами. А потом немного позже и королями Пруссии.

Здесь на территории наместника уже возведена капелла Св. Вальпургии. Обустраивается.

А здесь время расцвета имперского города, время двух выдающихся императоров Людвига IV Баварского из рода Виттельсбахов и Карла IV из Люксембургского двора. При Людвиге Нюрнберг стал одним из наилучшим образом организованных и аристократических городов империи. Город стал «имперским», и уже видно, что горожане хотят освободиться от власти наместника. Как-то в его отсутствие они выстроили стену, уменьшив территорию наместника. Таким образом появилась площадь между двумя замками – Фрайунг – площадь Свободы. Если сюда попадал преступник, то он получал прощение.

Напряжение между горожанами и бургграфом нарастает. Горожане строят высокую башню Luginsland (справа), чтобы видеть все уголки территории своего соседа, уже врага.

1400 bis 1500

Zerstörung der Burggrafenburg – Bauprojekte der Stadt

Im Zuge von Erbschaftsstreitigkeiten zwischen dem Herzog von Bayern-Ingolstadt und dem Nürnberger Burggrafen Friedrich VI. von Zollern brannte die Burggrafenburg 1420 nieder. 1422 übertrug Sigmund der Stadt das Recht - zum Wohl des Königs und des Reichs - über die Burg zu verfügen und vor allem die Aufgabe, sie zu befestigen. Ausgelöst durch die Hussitenbedrohung ließ er den Reichsschatz nach Nürnberg in Sicherheit bringen. Doch mit dem Übertritt Nürnbergs zum protestantischen Glauben 1525 setzte eine allmähliche Entfremdung zwischen Kaiser und Stadt ein. Der Kaiser kam danach nur noch selten in seine Reichsstadt.

Kaiser Sigmund
Luxemburger

Kaiser Friedrich III.
Habsburger

Kaiser Maximilian I.
Habsburger

Первая Маркграфская война (с наместником), в которой был сожжён его замок.

Между Городской башней (Luginsland) с востока и башней бывшего замка наместника уже стоит здание Кайзеровских конюшен с мощной крышей, построенное городом. Конюшни – на первом этаже, а под крышей - зернохранилище.

Потрясающая модернизация, возведение бастионов вокруг крепости. Собственно, подготовка ко Второй Маркграфской войне, которая последовала немедленно.

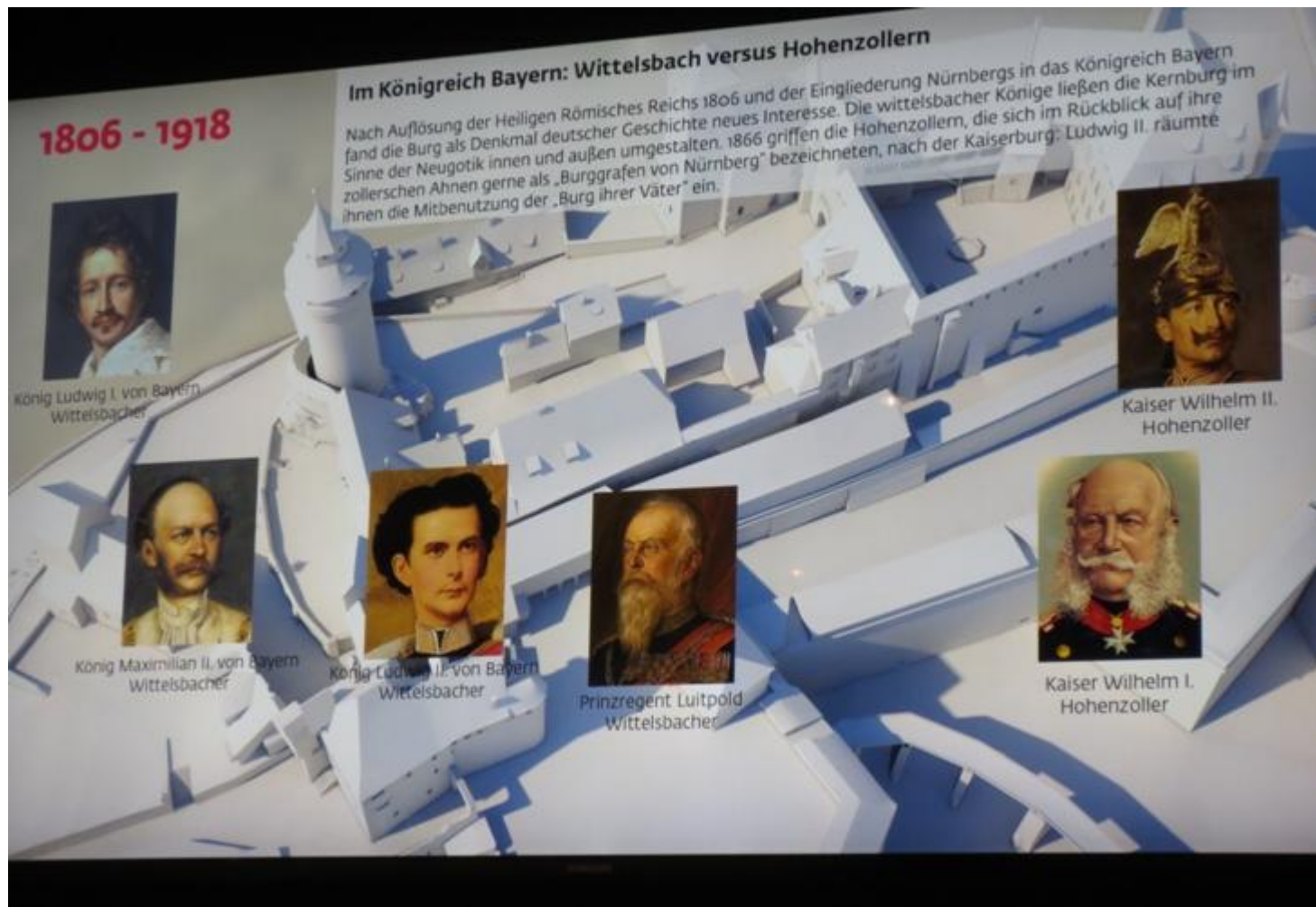

Крепостное сооружение состоит из трёх частей - имперского замка, замка наместника, к этому времени уже бывшего, и городских укреплений (Кайзеровские конюшни и башня Luginsland).

А вот, Lida, те самые Шведские казармы – пристроены с северной стороны крепости в период Тридцатилетней войны.

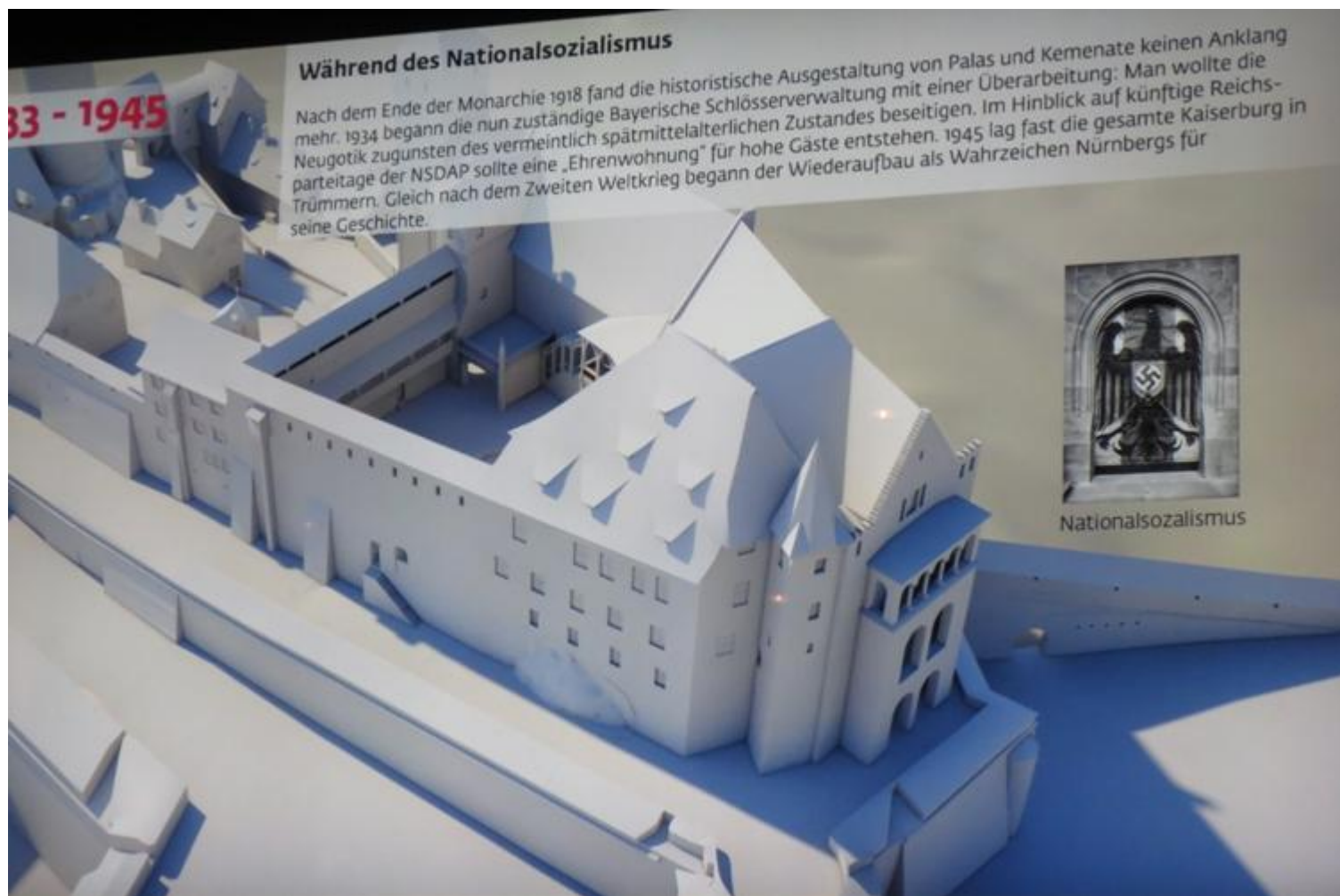

Вот город уже отдан Баварии. Нет Священной Римской империи германской нации, а крепость вызывает большой интерес как памятник немецкой истории. Виттельсбахи перестраивают её, добавив неоготические элементы. В 1866 году Гогенцоллерны вспоминают, что они были «Бургграфами фон Нюрнберг». Добродушный Людвиг II предлагает Гогенцоллернам вместе с ним «владеть замком их предков».

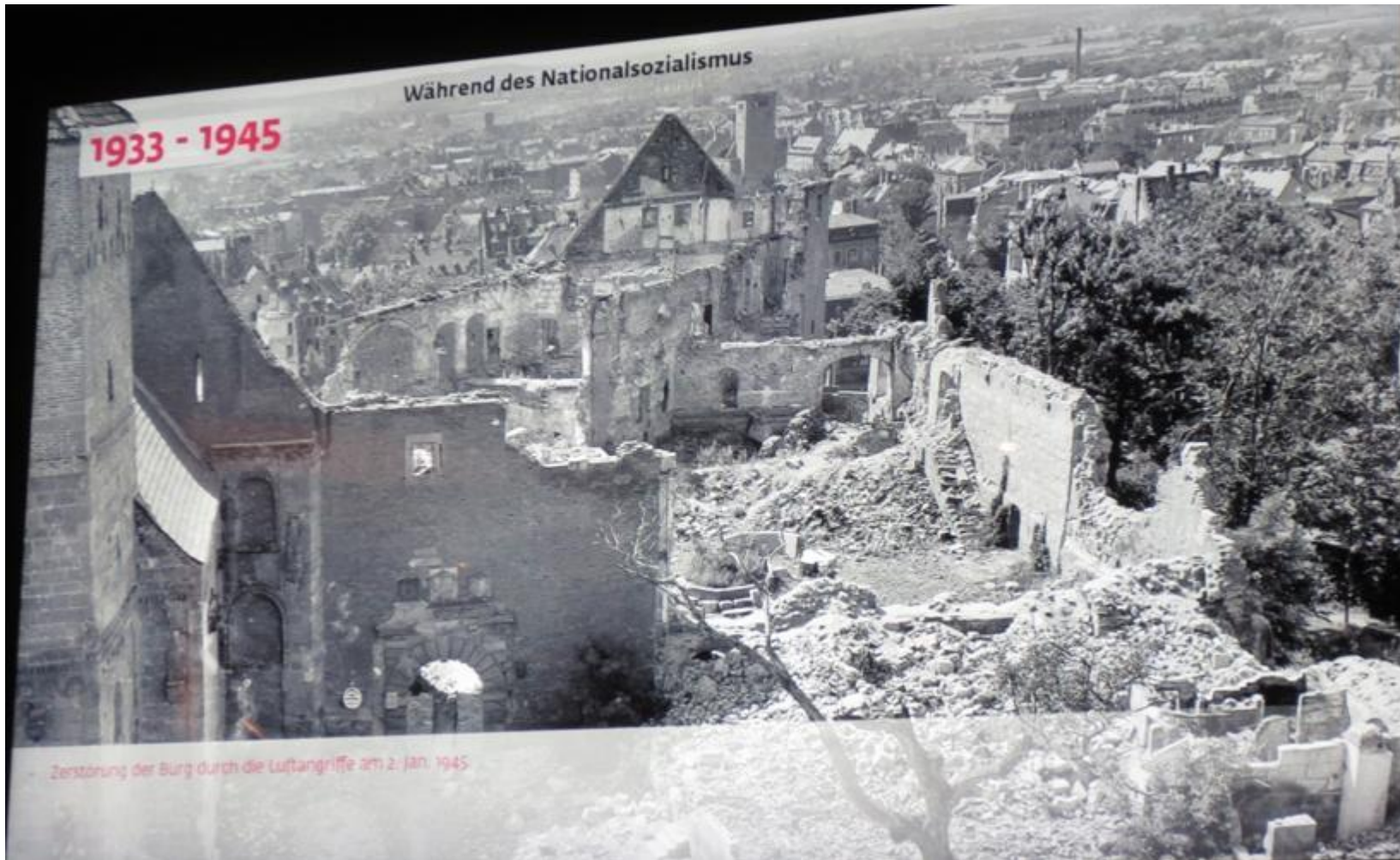

Перестройка в замке. Добавляются неоготическая галерея во внутреннем дворе и неороманская пристройка к западному фасаду.

Национализм. После 1934 года все неоготические и неороманские части удаляются, как «слабые и ошибочные элементы». В преддверии будущих партийных съездов здесь собираются оборудовать помещения для почётных гостей. Возвращение к «историческому средневековому прошлому».

«Историческое средневековое прошлое» ушло в небытие. 2 января 1945 года.

Сейчас над бывшей имперской крепостью развеваются два флага. Баварский – над бывшим имперским замком (Баварии принадлежат два двора со всеми зданиями). Франконский – над Пятиугольной башней. Да, ещё на площади Фрайунг неделю назад я видела флаг Германии. На снимке.

Первые щелкунчики появились в 18 веке в Рудных горах (Erzgebirge). После 1800 года, когда здесь остановились горные разработки, жители этого района в поисках источников дохода занялись, в основном, резьбой по дереву. В Neuhausen/Erzgebirge в 1966 году открыли Музей Щелкунчиков.

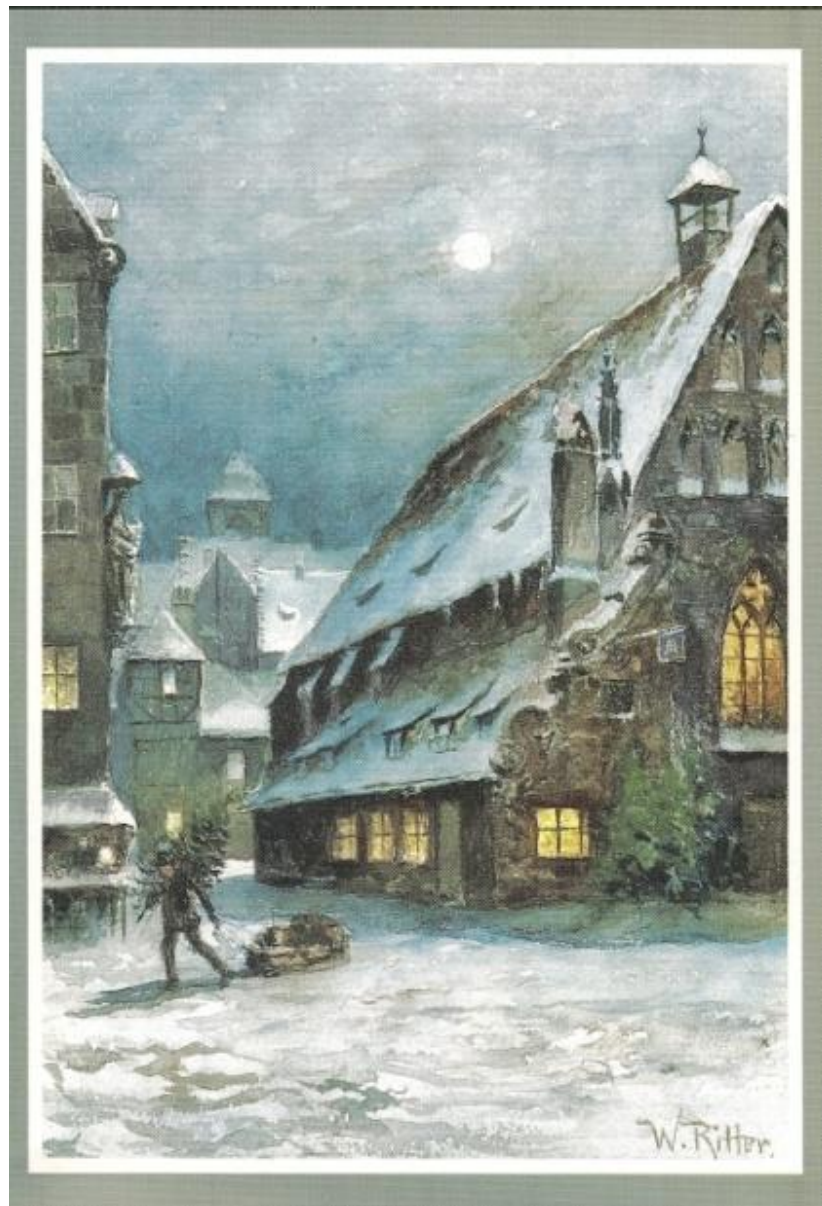
<http://www.nussknackermuseum-neuhausen.de/museum.htm>

Это всё из энциклопедии. Но, я думаю, в собраниях можно найти функциональные, времени Гофмана (шутка!), фигурки.

Но ещё поговорю с моей знакомой, которая в 20-х годах родилась в тех местах.

Я встретила с моей соседкой (89 лет!!!), выросшей в "Уголке Игрушек" в Рудных горах. Её дядюшка вырезал таких щелкунчиков, они не были пригодны для раскалывания орехов, они очень нежные и такой нагрузки выдержать не могут. Орехи они кололи более грубыми приборами.

Это просто к грядущей зимней сказке в Нюрнберге. Нюрнбергский художник Вильгельм Риттер (1860-1948)

Капелла Св. Моритца (Маврикия) и знаменитый пятисотлетний трактир «Bratwurstglöcklein». Так простояли они тут вместе 631 год. До 2 января 1945 года. Контуры её плана можно увидеть и сейчас на брусчатке площади с северной стороны церкви Св. Себастьяна.

Осталась большая пустая площадь. По брусчатке отмечен контур капеллы и рестораника (то есть площадь ранее занимаемая ими) с такой табличкой на углу контура.

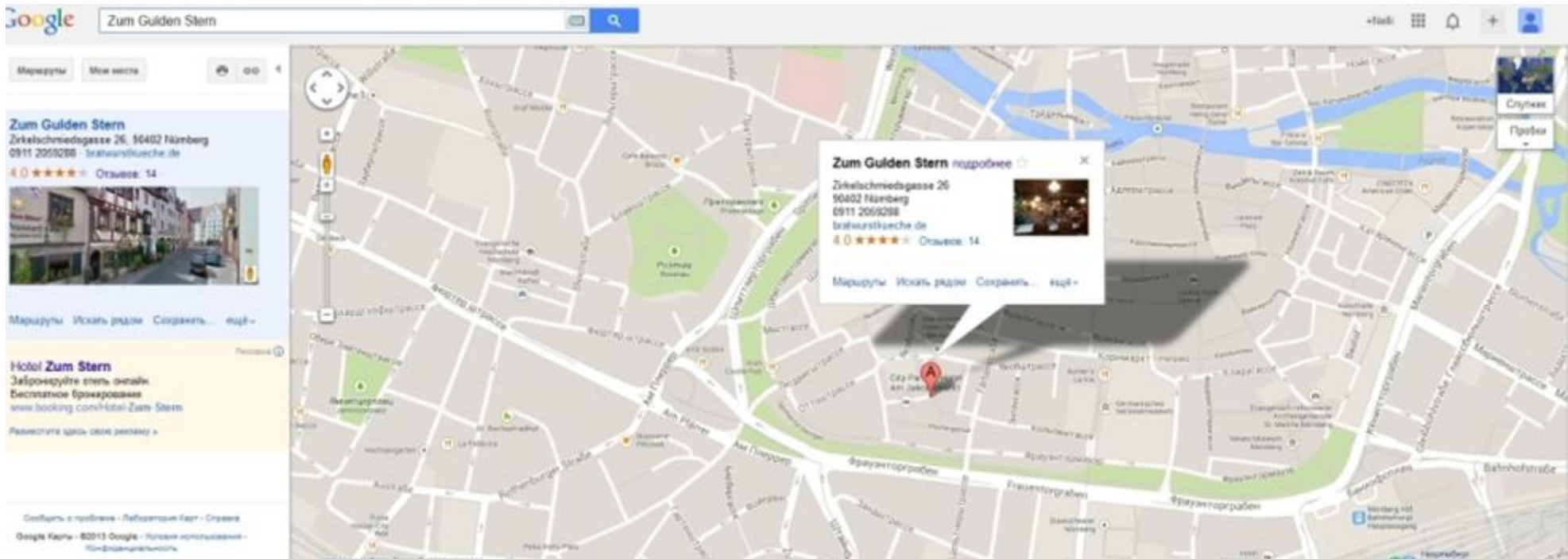
В состязании за звание «Старейшего трактира жареных колбасок мира» между Нюрнбергом и "Historische Wurstküche" на Каменном мосту в Регенсбурге ещё в 2000 году выиграли оба города. Честь Нюрнберга защищал трактир "Zum Gulden Stern".

<http://www.panoramio.com/photo/21599058>

<http://www.bratwurstkueche.de/>

http://gastronomie.bayern-online.de/Staedte/Nuernberg/Gaststaette/historische_bratwurstkueche_zum_gulden_stern_L5271

Прежде всего рассматривались даты первого упоминания заведения. Нюрнберг имеет дату 1419, Регенсбург – 1378. Потом встал вопрос о наиболее долгом периоде непрерывной работы. Оказалось, что в сосисочной Нюрнберга с 1639 года, «не прерывая работы, разливали вино и подавали тяжёлую пищу». Регенсбургский трактир был закрыт в период Тридцатилетней войны, а с 1651 года превратился в соляной сарай. Но было принято Соломоново решение. «Historische Bratwurstküche» в Регенсбурге является старейшей кухней жареных колбасок. «Zum Gulden Stern» в Нюрнберге имеет самую старую кухню жареных колбасок.

Дорогие форумчане, с Новым годом!
Желаю всем сохранять здоровье и при необходимости поправлять его в Карлсбаде!

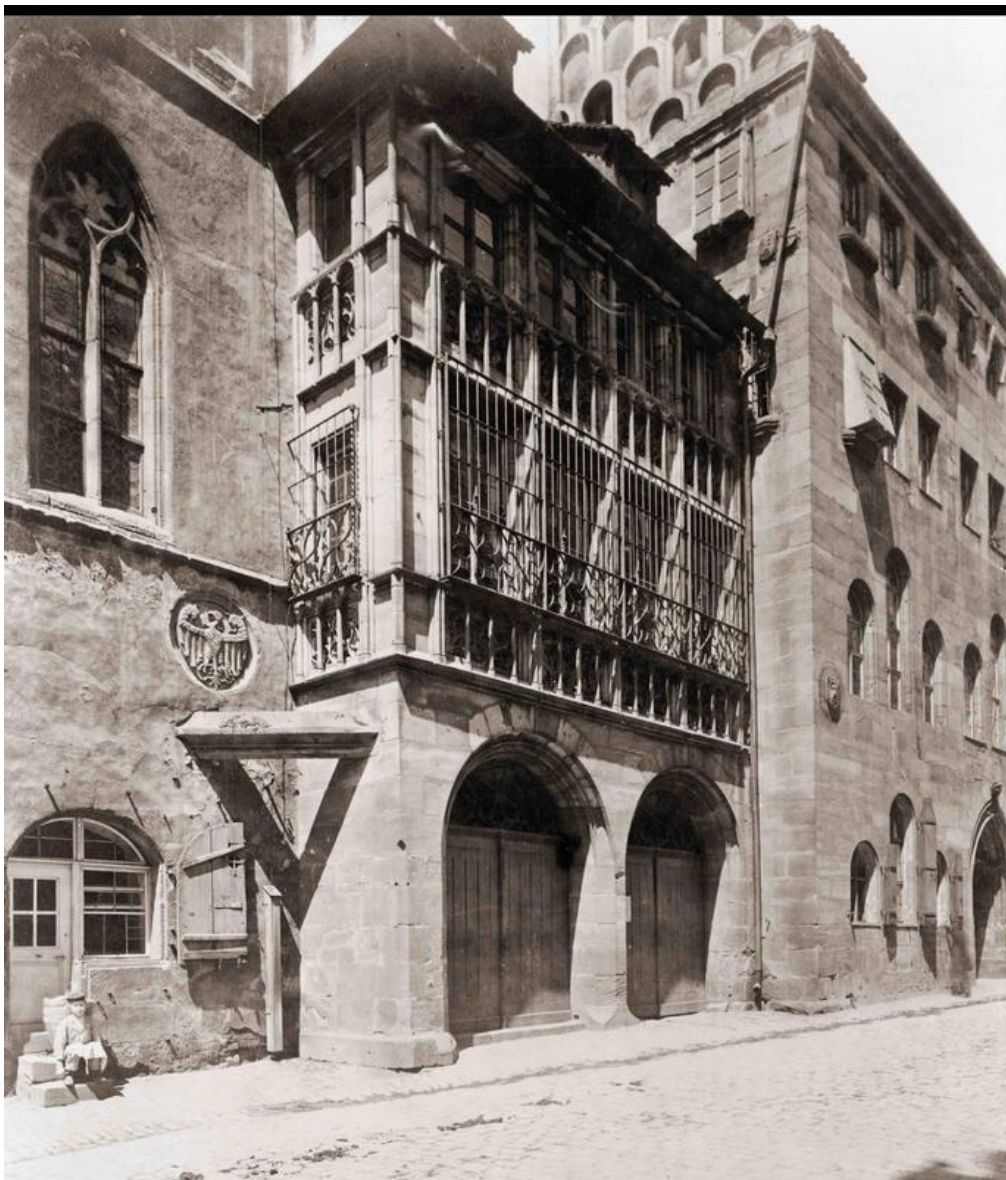
Я продолжу свой затянувшийся рассказ о Нюрнберге, если вы не возражаете. Сначала мой долг - те фотографии, которые я не показала в предыдущих текстах.

Это рисунок Христиана Людвиг Каулитца, мошенника, обладавшего выдающимися способностями копировальщика. В одной из башен Нюрнберга, служившей тюрьмой, он провёл 23 года. Городской совет использовал его художественное мастерство, поручая ему исполнение особенно секретных посланий. Кроме того, Каулитц копировал географические карты, однажды изобразил себя, скованным цепью за руки и ноги. Как-то от скуки он нарисовал вид города из своей камеры. Так возник замечательный рисунок пером – вид на Госпиталь Святого Духа и город на левом берегу Pegnitz. Основные объекты, изображённые на рисунке, обозначены на нём буквами латинского алфавита. Список обозначений записан на полотнище, которое держат ангелочки.

Ниже фотография (1875) Старой ратуши с Готическим залом и Трактиром Господ Советников (готические массверки и тут же элементы ренессансной архитектуры, Ганс Бехайм).

Как этот уголок Старого города выглядит ныне.

Справа на краю предыдущей фотографии ратуши виден вот этот чудом сохранившийся стрельчатый готический портал средневекового дома с рельефом в тимпане (верхняя часть под аркой).

Это портал одного из домов, которые были снесены при строительстве комплекса зданий Новой ратуши в начале XVII века, сохранился до сих пор.

А это типичная крыша нюрнбергского дома. Дом, правда, не типичный, а единственный в городе ренессансный. Собственно, ренессансный здесь фронто́н главного фасада, элементы которого чуть выглядывают слева. Это Фембохаус, здесь квартируется Городской музей, сохранившийся с конца XVI века.

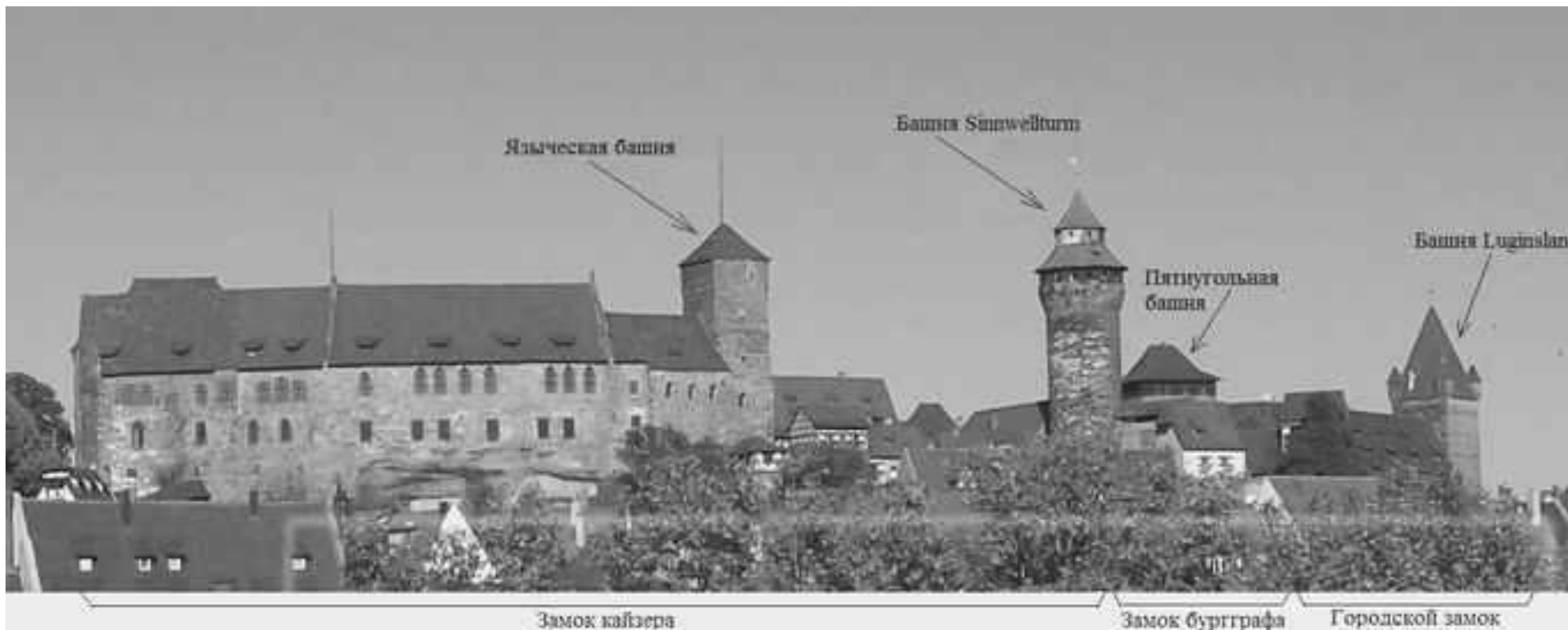
И, наконец, давно обещанный - замок, или крепость, или бург, как хотите. Но надо не забывать вставлять важное слово «Императорский» или «Императорская», если речь идёт о Нюрнберге.

Город в центре Европы. Стоял он на пересечении семи крупнейших торговых путей, права имперского города получил в 1219 году. В 1330 году обе части (на двух берегах реки) были объединены по мостам через Пегниц. Окончательное объединение произошло в период правления Карла IV, когда император позволил снести еврейское поселение на болотистом правом берегу, освободив тем самым место для двух рыночных площадей и церкви Богородицы нового объединённого города.

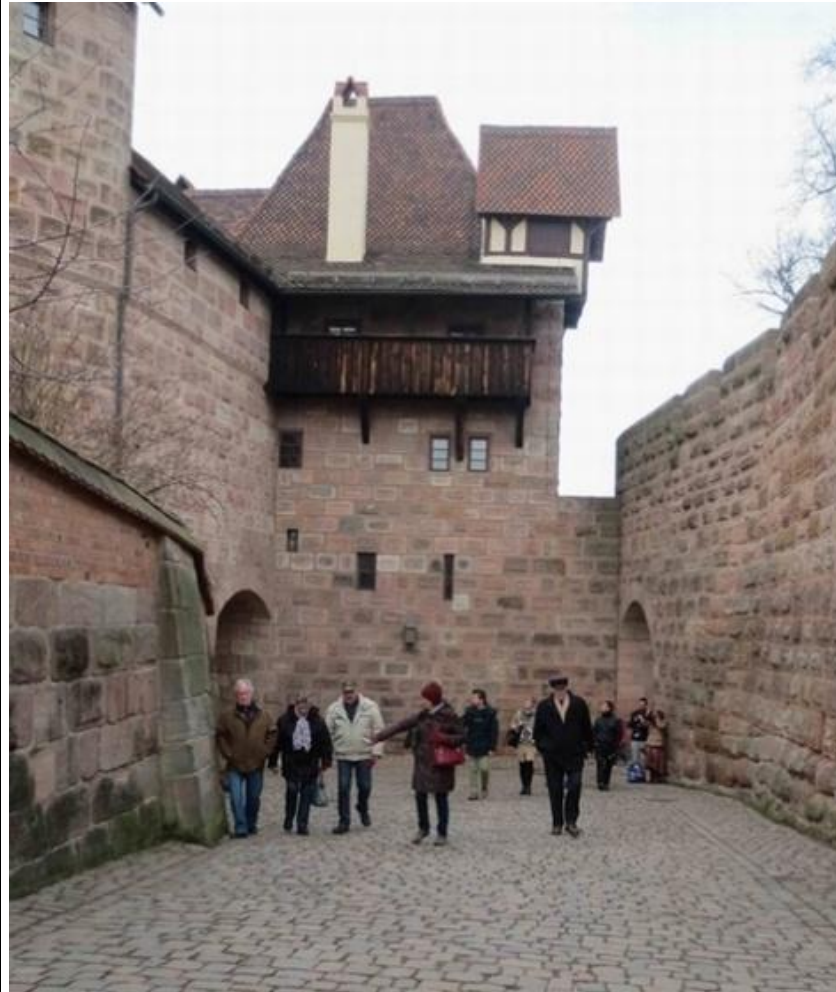
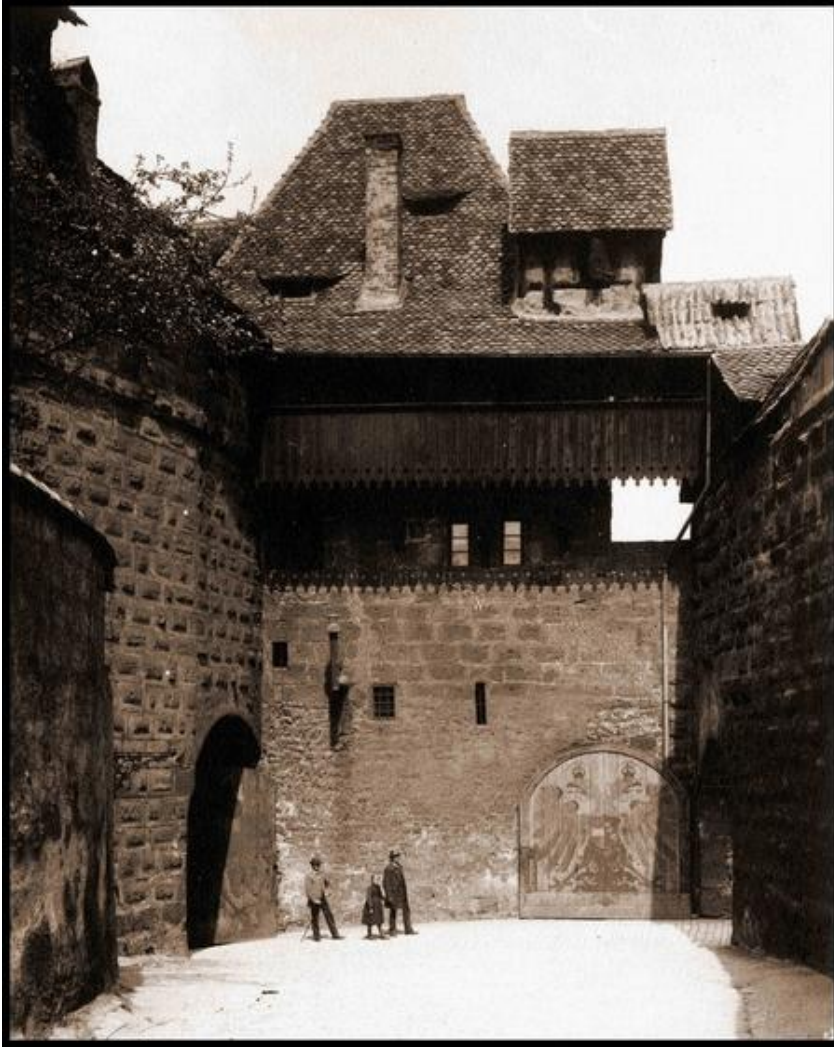
На западной оконечности скалы (200 м длиной и 50 метров шириной) располагался императорский замок с двумя дворами. В центре скалы была территория наместника, бургграфа. Каждый замок имел свою башню, донжон. Императорский – круглую Sinnwellturm, замок наместника – Пятиугольную. Такое название она получила после того, как её, четырёхугольную поначалу, со временем усилили треугольным выступом со стороны рва. В этой башне были жилые помещения, используемые наместником. К его замку относилась и капелла Св. Вальпургии. Император разъезжал по империи, а в его отсутствие городом и замками управлял наместник, сначала из рода Раабе, а потом - Фридрих фон Цоллерн (франконский род), женившийся на дочери Раабе. Это было начало подъёма Цоллернов. Карл IV пожаловал им звание фюрстов (князей), а его сын, император Сигизмунд, – курфюршенство, то есть они получили право избирать короля империи и быть избранными. Так будущие короли Пруссии превратились в Гогенцоллернов.

Наместники постепенно овладели не только кусочком скалы, но захватывали всё больше и больше земель вокруг Нюрнберга. Одной очень холодной зимой, когда наместник покинул замок, по решению Городского совета срочно была выстроена башня Luginsland, но не для наблюдения за страной, о чём говорит её название, а за Бургграфенбургом, то есть замком наместника (бургграфа). Согласно хроникам, чтобы избежать застывания на морозе строительного раствора, пришлось примешивать в него соль. Кроме того, горожане заблокировали замок бургграфа, построив стену, закрывшую ему вход и выход. Подчиняться наместнику, который в заботе о себе и своём имуществе забывал горожан и, порой, императора, город уже не хотел. Это противостояние стало причиной двух войн - сражались за крошечный кусочек скалы, принадлежавший наместнику, наследники которого, перессорившись, в итоге в 1422 году сожгли замок бургграфа. Считается, что горожане при этом не были сторонними наблюдателями. В конце концов, им и были проданы остатки крепости.

Прошло чуть больше ста лет. Потомки Гогенцоллернов, уже Ансбахи, с трёхтысячным войском подошли к стенам города. Но к этой осаде город подготовился. В 1520-1535 году было возведено укрепление в виде кленового листа с несколькими бастионами, надёжно охватывавшее скалу. Уже была возведена вокруг города стена - нынешняя крепостная стена. Всё живое вокруг городских стен на расстоянии нескольких километров было уничтожено в этой войне, были сожжены все замки, тесным кольцом окружавшие город. Но город так и не был взят. Городские укрепления помогли Нюрнбергу выстоять и в Тридцатилетней войне. В конце этого же века на северных бастионах нюрнбергским математиком, художником и астрономом Айммартом была оборудована обсерватория. После Второй мировой войны восстановление разрушенной крепости стало задачей номер один для Баварского правительства, и началось оно уже в 1946 году.

На этих фотографиях виден проход, ведущий на смотровую площадку крепости. На левой фотографии (1887) на воротах изображён имперский орёл. Похоже, что раньше его можно было увидеть на всех воротах. Сейчас такой орёл красуется только при входе во внутренний двор императорского замка.

Слева на снимке виден кусочек капеллы Св. Вальпургии, за стеной в центре - башня Sinnwellturm, устоявшая в бомбёжках.

Внизу - восстановленные Пятиугольная башня, бывшее здание Императорских конюшен и зернохранилище, башня Luginsland.

Крайний слева домик – Колодезный, построенный в 1503 году вокруг пробитого в скале колодца. Его глубина 53 метра, столб воды – три метра. Наверняка его пробрили более тысячи лет назад.

Вид из ворот внутреннего двора на башню Sinnwellturm.

На этом снимке можно увидеть заложенный бывший вход в башню. Смотровые башни служили «последним убежищем», когда враг занимал территорию укрепления. Поэтому к проёму-входу, всегда на довольно большой высоте, вела деревянная или верёвочная лестница, которую можно было в случае необходимости убрать. Такие башни никогда не имели входа на уровне земли.

В переднем дворе замка был когда-то Садик Марии Сибиллы Мэриан, художницы и энтомолога (XVII век). Она приехала в Нюрнберг с мужем, нюрнбергским художником Граффом, и дочерью. Здесь она прожила 14 лет, родила вторую дочь. В садике на краю скалы эта замечательная женщина разводила цветы, которые можно найти в её альбоме. Её ученицей была Клара Регина Имхофф, представительница одной из известных аристократических семей Нюрнберга. Возможно, с её помощью Мария Сибилла Мэриан получила это место для садика.

Садик восстановлен на инвестиции Баварского правительства. Как располагались грядки, никто уже сказать не может. Двухэтажный садовый домик, практически, не был повреждён в бомбёжках. В будущем году в саду высадят растения, описанные в альбоме художницы. Сейчас этот уютный уголок с видом на город используется для празднования бракосочетаний.

<https://www.ras.ru/sybilla/5fc6668f-7898-4b93-adbd-5529b1ff332c.aspx>

<http://www.izuminki.com/2012/06/13/mariya-sibilla-merian-podarivshaya-miru-babochku/>

Viktor

Поражает не столько город Нюрнберг, сколько Вы и Ваше отношение к этому городу, а уже от Вашего к отношению рождается интерес к Нюрнбергу. Городу повезло с Вами. По нему уже не просто топчешься, Вы открываете его в новом измерении, во времени, он оживает.

Через ворота (на фотографии - впереди слева) входим во внутренний двор, где не увидим ничего интересного, кроме чахлой липы, но зато можно войти в залы бывшего императорского замка. Раньше они назывались просто Верхним и Нижним. Когда в XIX веке вспомнили великую историю города, их стали именовать соответственно Императорским и Рыцарским. А там уж из Рыцарского зала можно попасть и в Двойную капеллу.

Нижний или Рыцарский зал замка и вход в Двойную капеллу из Рыцарского зала. Зал огромен и обычно пуст. В Нюрнберге в сентябре ежегодно проходит международный фестиваль камерной музыки. Один или два концерта фестиваля проводятся в этом зале. В программе пишут – «При свечах». Но свечи загораются во втором отделении. Первое же проходит «При открытых окнах» с видом на вечерний город внизу.

Вверху под дубовыми балками перекрытия движется кортеж императора. Фигурки оловянные в память о знаменитых на всю Европу нюрнбергских ремесленниках. Помните оловянных солдатиков? Их изготавливали в Нюрнберге. У церкви Св. Себастьяна император сходил с коня, заходил в церковь помолиться и потом продолжал путь в замок. В этой пышной процессии оловянных фигурок можно увидеть и слона. Так действительно случилось однажды. В 1570 году император Максимилиан II прибыл в Нюрнберг в сопровождении слона. Для Карла V в 1541 году и императора Маттиаса в 1612 году горожане возводили триумфальные арки у подножия скалы перед въездом в замок.

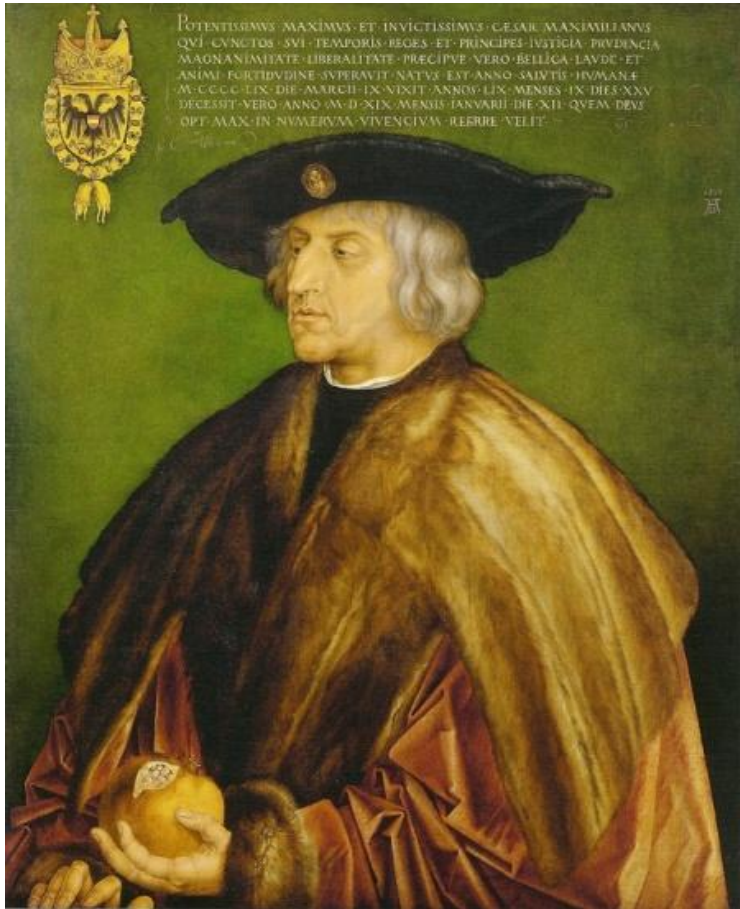
Начиная с 1050 до 1571 года все императоры Священной Римской империи во время своего правления посещали Нюрнберг, некоторые из них по несколько ... десятков раз. Людвиг Баварский - больше 70-ти раз. Карл IV - 52 раза в течение 31 года владычества.

Очень тепло относились к городу Фридрих III (слева с двуглавым орлом) и его сын Максимилиан I (с одноголовым справа) из Габсбургов. Двуглавый орёл в качестве герба начал использоваться при императоре Людвиге IV Баварском (1328-47). До этого времени использовался одноголовый. Как вы знаете, начиная с момента утверждения свода законов «Золотая Булла», принятого при Карле IV (кстати, в Нюрнберге), семь курфюрстов избирали среди себя короля. Императором король становился после коронования его Римским Папой. До этого момента король использовал одноголовый герб. Здесь запечатлён момент, когда императором был Фридрих, а его сын ещё при жизни императора был избран королём. Он был со-королём (Mitkönig). До принятия «Золотой Буллы» были ещё и против-короли (Gegenkönig).

В 1485 году Фридрих привёз сюда в запечатанных ларях сокровища дома Габсбургов, их хранили в нижней капелле. В 1487 году реликвии были перенесены в алтарь в верхней капелле, который был по этому случаю освящён.

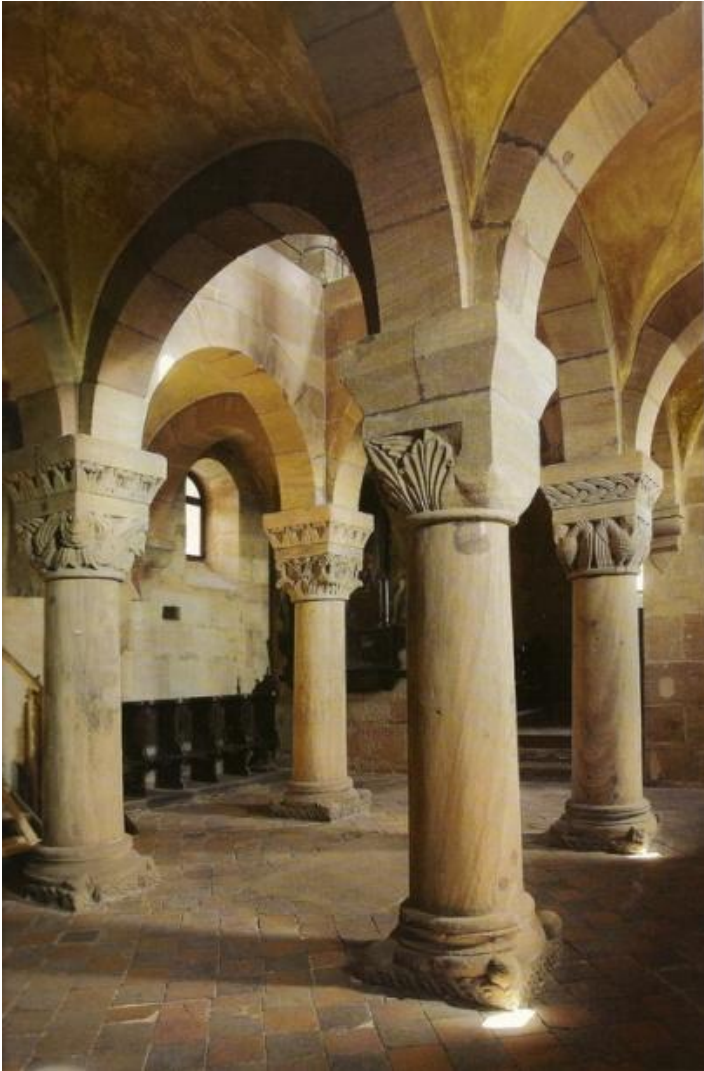
Максимилиан I был последним императором, который провёл имперский съезд в Нюрнберге. Эскиз его портрета (Дюрер), датированный 1518 годом, висит в Германском национальном музее в Нюрнберге. Вот его портрет, написанный Дюрером в 1519 году, он хранится в Венской Альбертине.

Вступивший на трон Карл V, сын Максимилиана, был первый, кто нарушил установленное в Золотой Булле, казалось бы, неизменяемое правило – первый съезд после своего избрания король проводит в Нюрнберге.

А как тогда ждали императора в Нюрнберге! Обновили Готический зал ратуши. Иконографическую программу для росписи составили Альбрехт Дюрер и его друг, гуманист и учёный Виллибальд Пиркхаймер. Для удобства императора обустроили молельню на уровне Верхнего зала в капелле бурга. В ней был оборудован камин для отопления. Стены и потолок капеллы были покрыты росписью, возможно, учеником Дюрера Хансом Шпрингинсклее. Остатки ещё сохранились. Немного забегаю вперёд – в покои императора, хотя мы ещё в капелле. Но это всё от обиды за горожан. На одной из огромных кафельных печей (зелёной) в помещении императора изобразили Карла V. Его можно узнать по выступающей нижней челюсти, характерной для Габсбургов, у которых 400 лет наблюдалась истинная прогения – результат кровных браков. И, наконец, в приёмной императора заново был расписан потолок. Гербы на нём прославляли вовсе не Священную Римскую империю, это были гербы главных земель Габсбургской империи при Карле V (включая новые области в Вестиндии и Америке). Были подготовлены многочисленные дорогие подарки. Но не дождалось горожане нового императора. Прошёл слух, что его остановила чума. Этот его «неприезд» стал выразительным символом – город начал медленно сходить со сцены истории. Вскоре со своими тезисами выступил Мартин Лютер, в апреле 1525 года город принял протестантство, и глубоко католическим императорам Габсбургам уже было нечего делать в Нюрнберге. Бург всё более и более становился лишь свидетелем былого величия, корни которого крылись и в Тридцатилетней войне, когда благодаря мощным бастионам город ни разу не был взят врагом. Благодаря своему всегда узнаваемому силуэту он стал эстетическим символом исторического города.

Дата строительства Двойной капеллы спорная – конец XI – начало XII вв.

Нижняя часть капеллы - с низким потолком, короткими толстыми колоннами и со склепом под её полом. Позднероманская архитектура эпохи Штауфенов. Войти в неё можно только с переднего двора

Отверстие между верхней и нижней капеллой в разные времена то замуровывали, то открывали.

Верхняя часть Двойной капеллы. Слева вверху на снимке (на галерее) видна роспись той самой молельни, которую подготовили для Карла V.

Вид с галереи. Вверху по центру на стене маска. Это лик Христа. С галереи император смотрел на Христа, находясь с ним на одном уровне. Ещё 20 лет назад это распятие считали работой Вайта Штосса. Сейчас это вызывает большие сомнения.

Что удивительно. Конец XII века. Время Романской архитектуры. Верхняя капелла своим изяществом и пропорциями совершенно необычна для этого периода. Капители колонн имеют различный орнамент, как и положено. Но сами колонны тонкие. Помещение высокое, своды не давят, как в нижней, типично романской капелле.

В центре Императорского зала сидит Карл IV. Это копия статуи с башни у Карлова моста в Праге ().

Справа на башне - его сын Вацлав, или, как в Германии говорят, Венцель, по прозвищу «Ленивый». Жизнь его не удалась. Родился он в Нюрнберге, тут же его крестили в церкви Св. Себастьяна. Младенец испортил воду в купели во время крещения. В спешке побежали в пасторский двор подогревать воду, случился пожар, который уничтожил большую часть подворья. Было это в 1361 году, и помнит город об этом до сих пор. Венцель был выбран королём империи в 1376 году, а Карл умер в 1378 году. Похоже, Венцель был тоже со-королём при Карле IV, а потом королём Священной Римской империи, но не императором. В 1400 году был смещён курфюрстами и до смерти оставался только королём Богемии.

Курфюрсты – немецкие владетельные князья, имевшие право избирать римско-германского императора - архиепископы Трира, Майнца и Кёльна, маркграф Бранденбургский, герцог Саксонский, Рейнский пфальцграф, король Чехии. С саном курфюрста были связаны так называемые высшие имперские должности: архиепископ Майнцский был эрцканцлером Германии, архиепископ Кёльнский – эрцканцлером Италии, архиепископ Трирский – эрцканцлером Бургундии, пфальцграф Рейнский – главным кравчим (стольник), герцог Саксонии – эрцмаршалом, маркграф Бранденбургский – оберкамергером и король Богемии – главным виночерпием. Их называли столпами империи. Согласно «Золотой Булле», избание немецкого короля должно было проходить во Франкфурте, коронация – в Аахене, а первый имперский съезд вновь избранный король должен был проводить в Нюрнберге. Традиционным местом погребения королей был Шпейер (ныне Федеральная земля Рейнланд–Пфальц).

Оригиналы этих рельефов украшали самый большой торговый дом Германии (Майнц). Дом был разрушен в 1812 году. Сегодня рельефы - в музее Земли Майнц.

В основном, замок пустовал. К приезду короля или императора он оживлялся, сюда свозилась мебель из домов горожан, но чаще царствующие особы останавливались в домах городских аристократов. Так, например, такие покои были в Доме Пеллера, где однажды останавливался шведский король Густав Адольф. Кажется, об этом я уже писала раньше. Но как сказал Александр, повториться не страшно – лучше запомнится. В этом зале император обедал, и здесь проходили торжественные приёмы. Далее следуют бывшие помещения императора.

Это те самые гербы на потолке, которые появились в ожидании Карла V. А это потолок приёмной императора со странным изображением имперского орла - золотой орёл на чёрном фоне. Что это и почему, никто не знает. Венские историки говорят, что это старый герб Вены. Это рассказала нам фрау Франк, экскурсовод и историк, член общества Друзей Старого Города.

Последнее помещение - всё о детективной истории Имперских сокровищ: где, когда и как они хранились.

Die Nürnberger Reichskleinodien

INSIGNIEN (Wien, *Weltliche Schatzkammer des Kunsthistorischen Museums*)

Reichskrone
 westdeutsch (?), wohl für die Krönung Ottos I. 962 angefertigt, Gold, Email, Edelsteine, Perlen, Dm. 28,6 cm

Reichsschwert, auch „Mauritius-Schwert“ genannt
 Schwert Frankreich (?), wohl 2. Hälfte 12. Jh., Stahl, Vergoldung, Silberdraht, L. 101 cm; Scheide: Italien (?), wohl 2. Hälfte 12. Jh., Olivendholz, Goldblech, Email, Granate

Zepter
 deutsch, wohl 1. Hälfte 14. Jh., Silber, verguldet, L. 61,5 cm

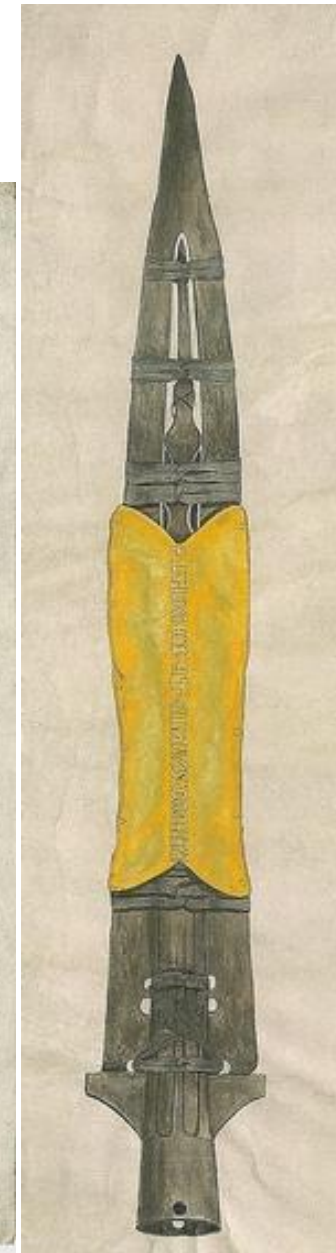
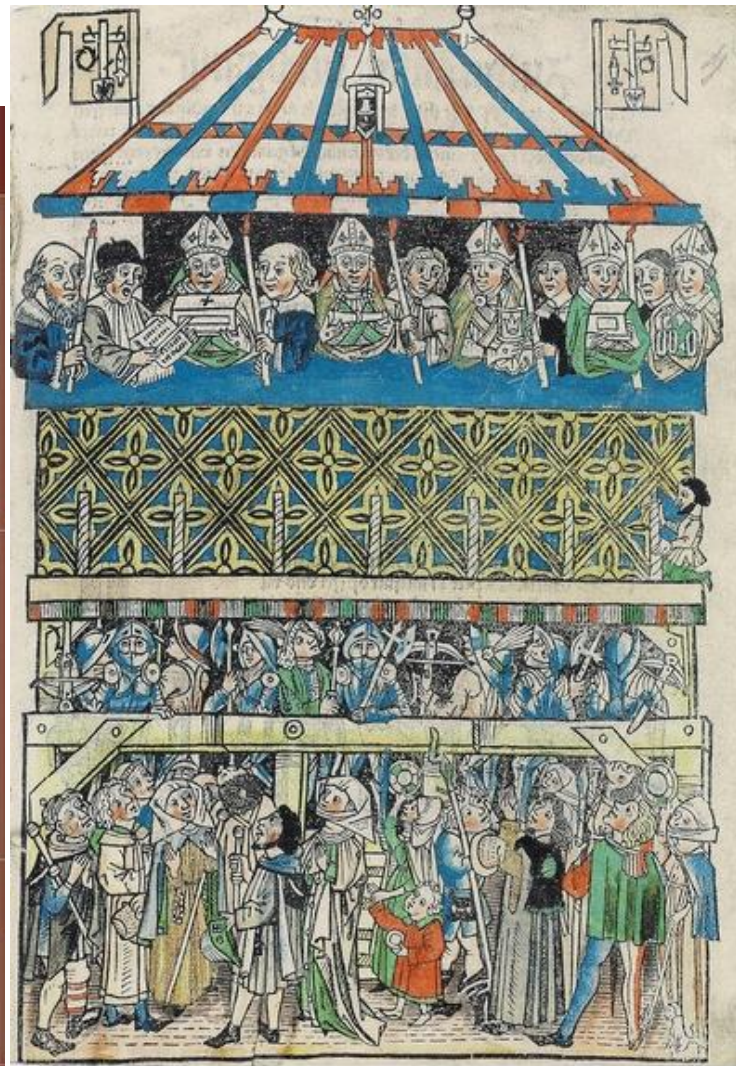
Reichsapfel
 westdeutsch, wohl aus nördlicher Zeit, Gold, Edelsteine, Perlen, H. 21 cm

Zeremonien-schwert
 Palermo, vor 1220; Krone: Prag, Ende 14. Jh.; Schirm: Stahl, Holz, Goldblech, Email; Filigran, L. 108,5 cm; Scheide: Holz, Pergament, Leinen, Gold, Perlen, Rubine, L. 92,5 cm

Aspergile
 deutsch, wohl 1. Hälfte 14. Jh., Silber, verguldet, L. 58,5 cm

Главные символы Священной Римской империи германской нации. До начала Реформации один раз в году, во вторую пятницу после Пасхи (День Святого Копья, учреждённый Папой по просьбе Карла IV), их показывали народу. Обстановка в городе в эти дни была такой, как будто он находился в осаде.

Сторожевые у городских ворот несли службу особенно тщательно, на башнях выставались наблюдатели. Ко Дню Святого Копья сокровища переносились из церкви Св. Духа в дом Шопперов на Главной городской площади. Там они хранились в большом ларе, для украшения которого Дюрер написал два портрета императоров - Карла Великого и Сигизмунда. Оба они совершенно случайно не были отданы Баварии в XIX веке. Сейчас они хранятся в Германском национальном музее в Нюрнберге.

На Главной рыночной площади рядом с «Прекрасным колодцем» возводился высокий многоярусный помост с шатровой крышей, строго охраняемый. Этот помост, «Прекрасный колодец» и все важные строения на площади защищались оградой. С верхнего яруса помоста, где находились представители Городского совета и духовенство, глашатай зачитывал по списку сокровища, объясняя их происхождение и назначение. Обычно на этот показ собиралось много народу, считалось, что святыни обладают свойством исцелять от болезней. Внизу стоял народ с зеркалами и кастрюльками, в надежде в них унести с собой таинственное влияние святынь.

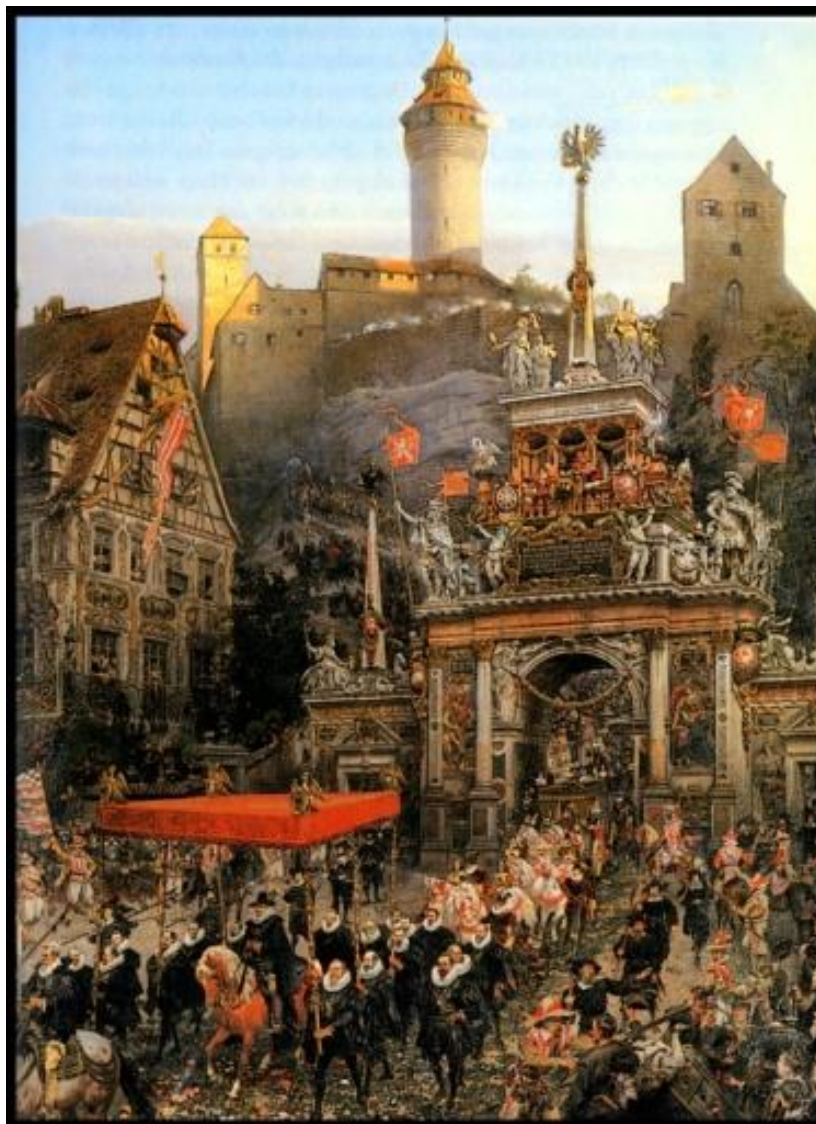
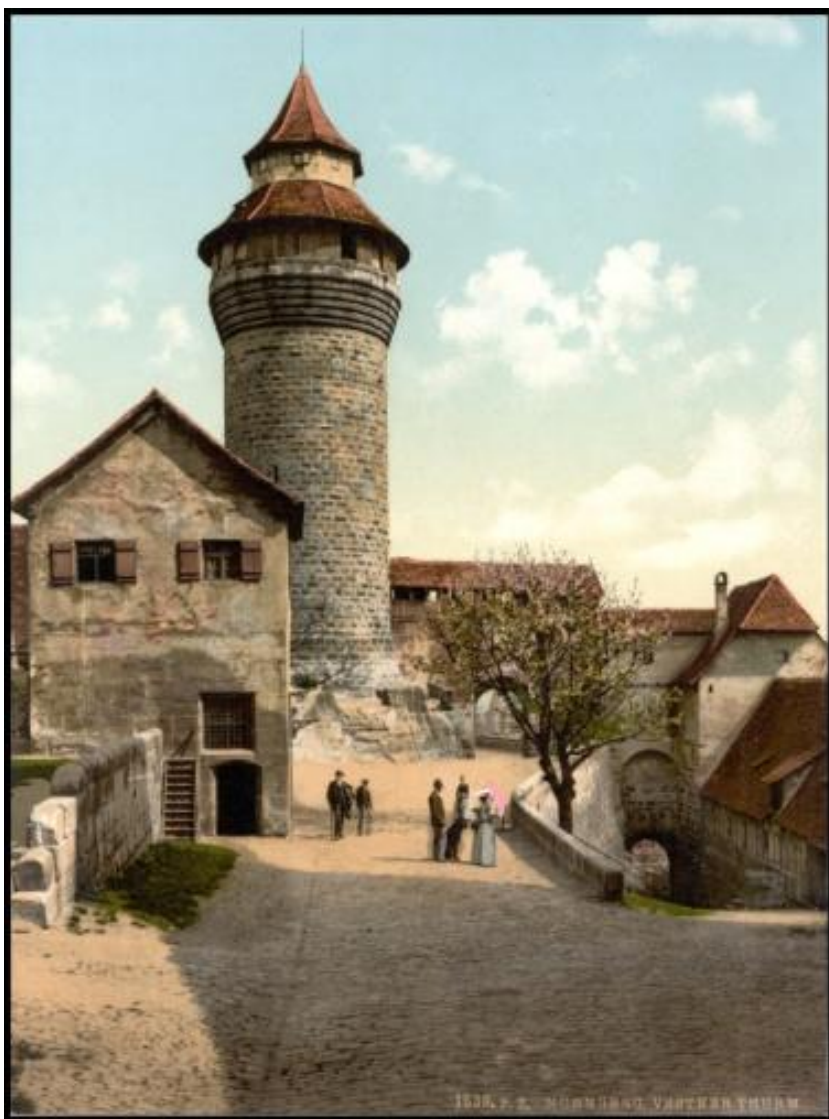
Карла Великого Дюрер изобразил в короне Священной Римской империи, которая была изготовлена через 150 лет после его смерти.

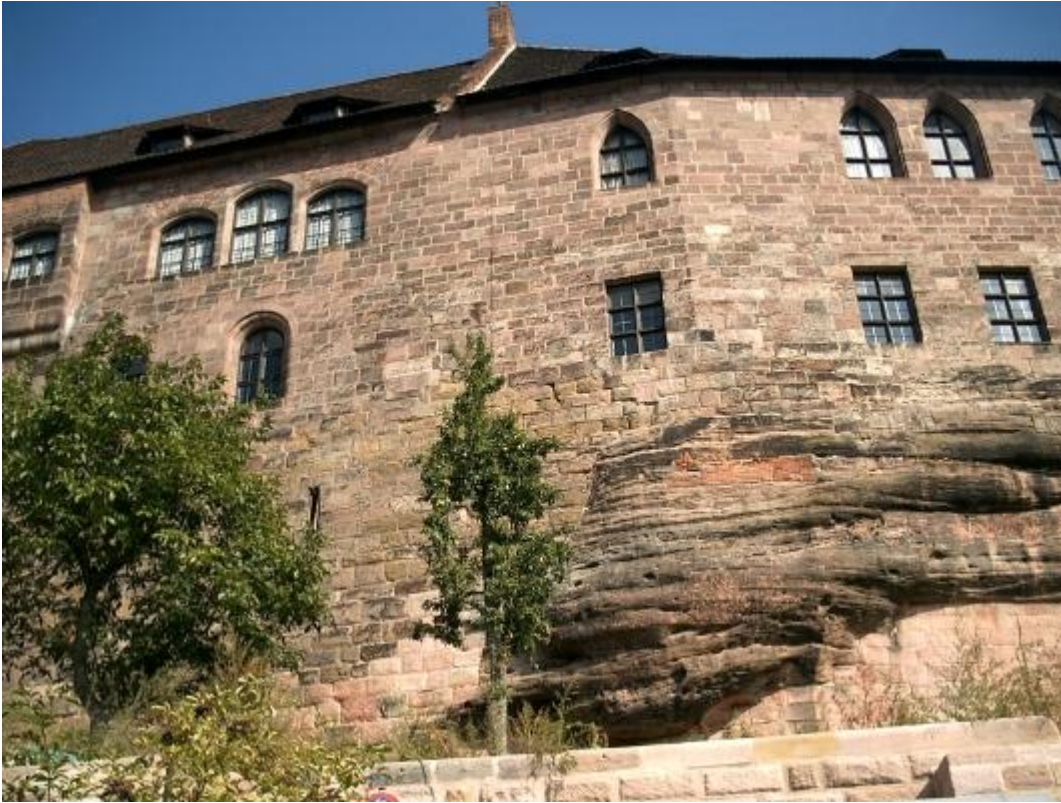
Сад на бастионе крепости и цвингер (пространство между двумя стенами) на западной части городской стены.

Выходим из крепости через Небесные ворота - на левой фотографии (1893) справа вниз. Через эти ворота императоры въезжали в крепость и через них покидали её. Справа - картина нюрнбергского художника Пауля Риттера «Император Маттиас в Нюрнберге. 1612 год.», 1890 год. Триумфальные ворота возводились специально перед приходом императоров. Пышная процессия тянется из замка от Небесных ворот вниз по склону и выходит на улицу Burgstraße, улицу, где жили самые важные горожане.

Замок остаётся за спиной. Спускаемся на самую старую городскую площадь Tiergärtnerplatz. По пути к ней никак не обойти старейший в городе фахверковый дом. 1338 год. На правой фотографии.

Мы на площади Tiergärtnerplatz под стенами замка. Этот уголок Старого города меньше всего пострадал в бомбардировках и выглядит особенно романтично. Дом с вывеской "Zum Albrecht Dürer Haus" не имеет никакого отношения к Дюреру. Это просто уютное кафе. Сам дом на другой стороне площади.

Огромное фахверковое строение Дом Пилата со статуей святого Георга, заступника воинов, на углу было построено в 1489 году мастером рыцарских доспехов Грюневальдом. Вся средневековая история Нюрнберга связана с этой фамилией, которая была издавна ответственна за снаряжение городской армии. Но Герман Грюневальд, изготовлявший доспехи для воинов и снаряжение для верховых лошадей, снискал особенную известность. Его сын Ганс впервые применил в рыцарском снаряжении шарниры, позволившие воину почувствовать себя свободнее. Мастеру к тому же удалось значительно уменьшить вес доспехов, что расширило круг его заказчиков. В настоящее время это роскошное здание принадлежит городу. Интересно происхождение имени дома. Расстояние от него до средневекового кладбища Св. Иоанна (St. Johannisfriedhof) равно длине пути Христа от дома Пилата в Иерусалиме до Голгофы. Семь рельефов Адама Крафта «Крестный путь» с каноническим расстоянием в шагах между ними стоят по улице Burgschmietstrasse - на пути от этого дома до шатровой капеллы до кладбища Св. Иоанна.

На правой фотографии (рядом с фотографией дома знаменитого оружейника, то есть вверху) в доме Вильгельма Биттерауфа, малярные работы, открыт вход в Кунстбункер, серо-голубые ворота. Фотография 1938 года. Вот-вот начнут туда свозить всё ценное, накопившееся за почти тысячулетнюю историю города. Стражник почему-то стоит у соседнего дома.

А вот и Дом Альбрехта Дюрера на площади.

Нюрнберг – родина знаменитого немецкого художника и выдающегося интеллектуала периода Ренессанса Альбрехта Дюрера. Будущий художник родился в 1471 г. в семье золотых дел мастера, переселившегося в Нюрнберг из Венгрии через Нидерланды. До двенадцати лет Альбрехт учился в школе при церкви Св. Лоренца, а с четырнадцати лет, как и все его братья и сёстры, работал в мастерской отца. Талант живописца у мальчика проявился рано, и отец отдал сына в ученики к известному нюрнбергскому художнику Михаэлю Вольгемуту, отказавшись от идеи сделать из сына ювелира. Юного Дюрера очень обогатили последовавшие затем путешествия по Европе и особенно по Италии. Уже став известным художником, в 1509 г., Альбрехт Дюрер купил дом под стенами замка на этой площади. Сейчас это Дом-музей Дюрера. Здесь мастер жил и работал до своей смерти. И сейчас тут можно почувствовать ту среду, в которой творил великий художник. Оригинальные произведения мастера, к сожалению, не представлены, но имеется большой выбор гравюр и копий его картин.

С оригиналами Дюрера в Нюрнберге всё обстоит очень плохо. Портрет матери, набросок портрета императора Максимилиана, портрет учителя Михаэля Вольгемута, портреты двух императоров Карла Великого и Сигизмунда и кое-что ещё. Остальные - в Лувре, Прадо, Альбертине, Мюнхенской Пинакотеке, других музеях мира и в частных коллекциях.

А это улица Альбрехта Дюрера. Справа – уголок его дома.

С 1984 года эту чудную площадь украшает, мягко говоря, странная скульптура бронзового, якобы, зайца. Это работа немецкого скульптора Юргена Гёртца «Homage á Dürer» (Дань уважения Дюреру). Честно говоря, омерзительная. Её изображение вы легко найдёте в интернете. Интерес к ней так раскрыли, что приезжающие туристы из России теперь хотят увидеть этого зайца также страстно, как и «то место, где он стоял». Более того, от последних гостей я услышала, что «кролик – символ города».

<https://forum.vary.ru/viewtopic.php?t=8725&postdays=0&postorder=asc&start=135>